
Зигмунд
ФРЕЙД
ПИСЬМА
К НЕВЕСТЕ

Зигмунд

ФРЕЙД

ПИСЬМА К НЕВЕСТЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1994

ББК 87.3
Ф86

Перевод с немецкого, вступительная статья и примечания
С. В. ЛАЙНЕ

Ф $\frac{4703010100-60}{М172(03)-94}$ 160—93

ISBN 5—239—01470—1

ЗИГМУНД ФРЕЙД:

РАЗРУШИТЕЛЬ ДРЕВНИХ СКРИЖАЛЕЙ

Кем был Зигмунд Фрейд (1856—1939)? Вопрос — не праздный. Ведь дамоклов меч «развенчания» фрейдизма более чем на полвека воспрепятствовал открытому и свободному восприятию психоанализа, отнюдь не бесспорной научной теории, оказавшей ни с чем не сравнимое воздействие на духовную жизнь человечества в XX веке.

Сегодня есть возможность каждому составить самостоятельное суждение о личности Фрейда и его психоанализе.

Суть теории Фрейда в том, что сложные формы социальной жизни, культуры, поведения личности предопределяются «первичными влечениями» (прежде всего — половыми), толкающими человека к самоутверждению. Фрейд объяснил первопричины многих явлений человеческой психики, в том числе и разнообразных неврозов. А в нашем суетном мире вряд ли найдется человек, совершенно свободный от них. В больном обществе — больные люди. По статистическим данным, только в Москве каждый четвертый подросток страдает каким-нибудь нервным недугом.

Для тех, кто односторонне ханжески смотрит на жизнь и науку, неприемлемы идеи Фрейда о роли сексуальности и бессознательного в жизни «загадочных существ, которые зовутся людьми». Среди «вредных», а потом и гонимых учений, наряду с кибернетикой, генетикой и социологией оказался и психоанализ Фрейда. В результате так называемых идейных дискуссий 30-х, 40-х и послевоенных годов безвинно гибли настоящие «зубры», энтузиасты этих наук.

(Достаточно вспомнить повесть «Зубр» Даниила Гранина.) Еще в 30-е годы ликвидирован Психоаналитический институт (был такой в Москве!), подверглись репрессиям многие крупные отечественные психиатры и психологи. Только в последние годы вновь переизданы основные работы Фрейда на русском языке — спустя несколько поколений россияне впервые познакомились с «Введением в психоанализ», «Очерками по истории сексуальности», «Психологией бессознательного». В Тбилиси вышел двухтомник Фрейда «Труды разных лет».

Итак, кто же он, Фрейд? Великий ученый — психиатр и психолог,— оказавший огромное влияние на всю мировую культуру XX века? Бесстрашный новатор в области исследования человеческого духа? Врач, излечивший от нервных болезней многих детей и взрослых? Друг писателей с мировыми именами — Ромена Роллана, Томаса Манна, Стефана Цвейга? Корреспондент, оппонент великого русского физиолога И. П. Павлова, находившегося с Фрейдом в переписке?

На каждый из этих вопросов можно дать утвердительный ответ. Но прежде всего он, страшно не любивший, по его неоднократным признаниям, научных перебранок, был бунтарем в науке, в медицине, готовым «пожертвовать жизнью ради великой идеи». Об этом он писал в письме к невесте Марте Бернайс еще в 1886 году. А в «Очерках истории психоанализа» (1919) утверждает: «Люди сильны, когда защищают великую идею...»

Зигмунд Фрейд был... поэтом. По крайней мере — в тех полутора тысячах писем, которые он отправил своей невесте Марте Бернайс за четыре года от помолвки до свадьбы (1882—1886).

Влюбленный Фрейд был до сих пор неизвестен отечественным читателям; его письма к невесте публикуются в русском переводе впервые.

Зигмунд познакомился с Мартой в доме своих родителей — она оказалась подругой его сестры. Встреча была случайной. Марта жила в предместье Гамбурга, а Зигмунд работал и учился в Вене. После помолвки мать невесты поставила перед Фрейдом условие: свадьба состоится лишь тогда, когда тот сможет обеспечить благосостояние семьи... Так что чтением этих писем мы обязаны не только автору и адресату, но и теще Фрейда.

«Сокровище мое, Мартхен» — так начинались многие письма Фрейда, написанные им более века назад. Они мчались почти ежедневно в течение четырех лет из Вены в окрестности Гамбурга, где жила его невеста — «маленькая принцесса». Он называл ее ласково — Мартхен. По-русски «Марточка» звучит неточно, не передает, говоря словами Зигмунда Фрейда, структуру душевных движений. По аналогии с Гретхен из «Фауста», на которого Фрейд опирался и любил, мы решили сохранить этот уменьшительно-ласкательный немецкий суффикс.

О чем же писал Фрейд невесте? Только ли о любви? Естественно, прежде всего о любви. В его письмах — и рыцарское служение Прекрасной Даме, своей Корделии — Мартхен («Для меня такая радость дарить тебе что-нибудь»,— писал он), и понимание многообразия человеческих отношений («Мы обеднили бы наши взаимоотношения, если бы я видел в тебе только лишь возлюбленную, а не друга»,— признавался Фрейд невесте), и сомнение в том, насколько сильно ответное чувство Марты («Я не намерен вести только монологи, обращенные к любимой в разлуке»).

Фрейд писал невесте рано утром и поздно вечером, иногда днем и даже ночью (он сам указывает это в начале почти каждого письма). Писал в лаборатории, в своем кабинете в клинике, в отеле, в гостинице. Почтительное «Вы» почти сразу сменяется в письмах на дружеское и доверчивое «ты».

Его письма густо «населены» людьми, мыслями, чувствами и... прозаическими денежными расчетами, поскольку безденежье часто посещало молодого Зигмунда. Литературный дар Фрейда позволяет без особого напряжения живо представить себе и его возлюбленную, «странствующую принцессу Марту», и ее сестру Минну, и талантливого друга Фрейда — Шенберга, и, конечно, младшую сестру Зигмунда — Долфи, отважную Долфи, совершавшую вместе с братом поход через горный перевал в Альпах. Из этих писем узнаешь и о родителях Фрейда, почтенных старых жителях буржуазной викторианских нравов Вены, и о его других сестрах Розе и Митци, которым он всегда считал своим долгом оказывать материальную помощь, даже тогда, когда в кармане было всего несколько гульденов.

В этих письмах, как и в жизни, широчайший диапазон мыслей и чувств: от трагических нот (там, где он 16 сентября 1883 г. исследует психологические причины самоубийства его друга Натана Вейса) до шутливых, ласковых интонаций.

Но, быть может, самое главное в строчках, обращенных к Марте,— философские раздумья молодого ученого, раздумья о жизни и смерти, о смысле ожидания и терпения, о великой тайне человеческого бытия и загадках человеческой психики, многие из которых он впоследствии глубоко исследовал и по-своему объяснил миру.

И еще: в письмах к Марте Фрейд рассказывал о своих друзьях со школьной поры и коллегах по научной стажировке и в клиниках. Это помогает представить ту среду, которая окружала его. Прежде всего имею в виду исполненные благодарности строки об ученых старшего поколения, которых Фрейд считал своими наставниками, о профессоре Мейнерте, возглавлявшем психиатрическое отделение Венской городской больницы общего профиля, и конечно же профессоре Шарко, с которым он познакомился и подружился во время научной стажировки в Париже, в знаменитой клинике Сальпетриер (1885—1886). Ни одно из парижских впечатлений не оказало на Фрейда столь значительного влияния, как профессор Шарко с его новаторскими теориями психических механизмов истерии, в области неврозов и шире — психопатологии. Фрейд был покорен талантом и демократичностью Шарко, его медицинскими исследованиями. Он видел в нем одного из великих врачей, чей ум граничит с гениальностью. Восемь лет спустя Фрейд посвятит ему некролог, где есть и такие строки: «Как преподаватель Шарко был просто ослепителен. Каждая из его лекций по своей композиции представляла собой маленький шедевр; лекции Шарко давали богатую пищу мысли...»

Во время стажировки в Париже он подружился с молодым врачом из России — доктором Даркшевичем, о котором писал Марте 4 ноября 1885 года: «Я узнал, что Даркшевич влюблен и ждет писем, как и я, и это сблизило нас. Он не падок на светские знакомства и не ищет никаких удовольствий. И поэтому он — именно тот человек, который мне нужен».

Кстати, на стене одного из зданий Казанского университета, где впоследствии работал Даркшевич, установлена мемориальная доска в память об этом крупном русском неврологе.

В парижских письмах присутствует и другой русский коллега — один из ассистентов профессора Боткина.

Тогда же Фрейд восторженно писал Марте о спектаклях с участием знаменитой Сары Бернар, чьей игрой он не раз наслаждался в парижских театрах, о богатствах Лувра и великолепии собора Парижской Богоматери.

Словом, в этих письмах история любви двух молодых людей конца XIX века, а любовь — всегда неповторима. Загадки, тайны и странности любви относятся к тем вечным вопросам, над которым мучается отнюдь не худшая часть человечества. В поисках ответов Фрейд апеллировал к любимому своему поэту и ученому Иоганну-Вольфгангу Гете, Вильяму Шекспиру, Фридриху Шиллеру, Генриху Гейне, Лессингу. Ссылки, свободное цитирование их поэтических творений со всей очевидностью обнаруживают блестящую эрудицию Фрейда. Он словно за поддержкой обращается к гениям мировой культуры: и не только тогда, когда строки его дышат любовью, но и тогда, когда размышляет в письмах к Марте о свободе, о религиозной терпимости. Одно из писем — 23 июля 1882 года — начинается с вольного цитирования драмы Лессинга «Натан Мудрый» и целиком, до последней строчки пронизано его демократическими, гуманными идеями. К творчеству Готхольда Эфраима Лессинга (1729—1781) автор писем обращается не случайно. Лессинг жил в городе, где спустя век жила вместе с родными невеста Фрейда, Марта Бернайс. Но не только это обстоятельство, вероятно, послужило стимулом ассоциативного движения мысли Фрейда. Не менее важна его солидарность с гуманизмом Лессинга, основоположника немецкой классической литературы, драматурга и теоретика искусства эпохи Просвещения. Ведь в «Гамбургской драматургии», как и в «Лаокооне» (1766), Лессинг отстаивал эстетические принципы реализма, правду жизни и человеколюбие.

В письме к Марте обыгрывается сюжет о трех кольцах из драмы Лессинга «Натан Мудрый». Но, конечно, Фрейда интересовала не только сюжетная канва, но

и глубинный смысл произведения. Лессинг выступил в драме «Натан Мудрый» как убежденный сторонник религиозной терпимости и свободы.

Именно это ясно ощущается в письмах к Марте, с которой Зигмунд прожил долгую семейную жизнь с момента свадьбы, с сентября 1886 года. Он не ошибся в своей избраннице. Дочь Фрейда — Анна пошла по стопам отца и стала известным ученым-психоаналитиком. Пятеро сыновей Зигмунда и Марты избрали другие гуманитарные профессии. Как и свойственно детям, они отчасти критически смотрели на личность отца. В частности, сын Фрейда — Оливер в одном из интервью утверждал, что его отец как воспитатель не был свободен от предрассудков своего времени. Он строго предостерегал сыновей от опасностей мастурбации, что вызывало некоторую напряженность в их взаимоотношениях.

Но более всего размышлениям о личности молодого Зигмунда Фрейда мы обязаны его сыну Эрнсту. Это он составил и выпустил книгу в издательстве «Фишер», которая так и называется — «Письма к невесте», книгу о любви его родителей. А любовь — это всегда взлет человеческой личности, любовь — ценность общечеловеческая. Это, кстати, никогда не отрицал и сам Фрейд, признававший огромную роль сексуальных влечений в поведении личности. Трактуя понятие «либидо» для уяснения массовой психологии и психоневрозов, Фрейд называл так «энергию тех первичных позывов, которые имеют дело со всем, что можно обобщить понятием любви». Он представлял эту энергию как некую количественную величину. «Суть того, что мы называем любовью, есть, конечно, то, что обычно называют любовью и что воспевается поэтами,— половая любовь с конечной целью полового совокупления. Мы, однако, подчеркивал Фрейд, не отделяем всего того, что вообще в какой-либо мере связано с понятием любви, т. е. с одной стороны — любовь к себе, с другой стороны — любовь родителей, любовь детей, дружбу и общечеловеческую любовь, не отделяем и преданности конкретным вещам или абстрактным идеям». Так мыслил Фрейд.

В книге «Психология масс и анализ человеческого «Я» (1921) он доказывал, что все эти стремления психоанализ рассматривает как выражение одних и тех

же побуждений первичных позывов, которые в зависимости от обстоятельств могут быть оттеснены от сексуальной цели. Однако они всегда сохраняют свою первоначальную природу в степени, достаточной для того, чтобы обнаружить свое тождество (самопожертвование, стремление к сближению). Он апеллирует к великому древнегреческому философу Платону, к его Эросу, где осмыслены происхождение и действие половой любви так же, как Фрейд оценивал любовную силу психоаналитического либидо. Он ссылается и на Библию, в частности, на Послание к коринфянам, где апостол Павел превыше всего прославляет любовь, понимая ее, конечно, в широком смысле. Фрейд имеет в виду высказывание апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий».

Неуступчивый, смелый характер Фрейда и в этой работе дает о себе знать. Когда «оскорбленное общество» бросило психоанализу упрек в «пансексуализме», Фрейд ответил с несломленным достоинством ученого и человека: «Кто видит в сексуальном нечто постыдное и унизительное для человеческой природы, волен, конечно, пользоваться более аристократическими выражениями: эрос и эротика. Я бы сам изначально мог так поступить, избегнув множества упреков. Но я не хотел этого, так как по мере возможностей избегаю робости. ⟨...⟩ Сначала уступишь на словах, а потом и по существу. Я не могу согласиться с тем, что стыд перед сексуальностью — заслуга: ведь греческое слово эрос, которому подобает смягчить предосудительность, есть не что иное, как перевод нашего слова любовь». И резюме, похожее на гордый вызов общественному мнению: «Наконец, тот, на кого работает время, может уступок не делать». Заметьте, это написано в 1921 году, когда научная изоляция уже давно канула в Лету, учение Фрейда обрело множество не только противников, но и сторонников в лице цюрихской школы К. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма и множества других. Как созвучно это словам письма Марте в последний год помолвки 2 февраля 1886 года: «Уже в школе я всегда был среди самых дерзких оппозиционеров. Я неизменно выступал в защиту какой-нибудь крайней идеи и, как правило, готов был платить за это».

В целом же в работе «Психология масс и анализ

человеческого «Я» (1921) предпринята первая попытка Фрейда на основе психоаналитической теории объяснить развитие человеческого общества, связать особенности психической структуры личности с поведением целых социальных групп.

Ученый полагал, что любовные отношения мужчины и женщины находятся «за пределами церкви и войска». Он рассматривает эти организации как большие искусственные массы, где необходимо известное внешнее принуждение, чтобы удержать их от распада.

В церкви (Фрейд берет для примера католическую), как и в войске,— как бы различны они ни были в остальном — культивируется одна и та же иллюзия, что имеется верховный властитель. В католической церкви — Христос, в войске — полководец, каждого отдельного члена массы любящий равной любовью. На этой иллюзии держится, по отнюдь не бесспорному мнению Фрейда, все. Если ее отбросить, они распадутся тотчас же, поскольку это допустило бы внешнее принуждение в таких массовых социальных институтах, как церковь и войско.

О своей равной любви Христос заявляет вполне определенно: «Что сотворите единому из малых сих, сотворите Мне». К каждому члену этой верующей массы Он относится как добрый старший брат, является для них заменой отца. Церковь проникнута демократическим духом именно потому, что перед Христом все равны, все имеют равную часть Его любви. Не без глубокого основания подчеркивается сходство церкви с семьей, недаром верующие называют себя братьями во Христе, то есть братьями по любви, которую питает к ним Христос. Продолжая исследование массовой психологии, Фрейд доказывает, что связь каждого члена церкви с Христом является одновременно и причиной связи между членами массы. Подобное, по мнению Фрейда, относится и к войску; полководец — отец, одинаково любящий всех своих солдат, и поэтому они — сотоварищи. В смысле структуры войско отличается от церкви тем, что состоит из ступенчатого построения масс. Правда, и церковь выработала подобную иерархию, но она не играет в ней аналогичной роли, так как за Христом можно признать больше озабоченности об отдельном человеке, чем за

полководцем-человеком. Фрейд отстаивает понимание либидонозной структуры церкви и войска и, более того, считает недопустимым и в теории, и на практике пренебрежение этим фактором. Он критически отмечает, что прусский милитаризм был крайне «непсихологичен». Военные неврозы, разложившие германскую армию, признаны по большей части выражением протеста отдельного человека против роли, которая отводилась ему в армии, против черствого обращения начальников с рядовым человеком из народа.

Рассматривая либидо, то есть психическую энергию влечений, связанных с любовью в широком смысле слова, Фрейд психологически исследует требования католической церкви к верующему. Каждый христианин любит Христа как свой идеал и, кроме того, чувствует себя связанным с другими верующими эмоциональным и иным самоотождествлением личности с другим человеком или образом. Церковь требует, чтобы каждый верующий любил других христиан, как любит их Христос. Таким образом, церковь в обоих случаях, обращаясь к психологии массы, требует восполнения либидонозной позиции. Это выходит за пределы конституции массы. Можно быть хорошим христианином и все-таки быть далеким от мысли поставить себя на Его место, любить, подобно Ему, всех людей. Необязательно ведь слабому смертному требовать от себя величия души и силы любви Спасителя, писал Фрейд. Но это дальнейшее распределение либидо в массе является, вероятно, тем моментом, на котором церковь основывает свои притязания на достижение высшей нравственности.

Сущность религии, причины ее возникновения волновали аналитический ум ученого. Первую попытку осмыслить эту серьезную философскую проблему он предпринял еще в 1913 году в книге «Тотем и табу». Свои рассуждения о религии и ее роли в культуре, обществе и сознании человека он продолжил в книге «Будущее одной иллюзии» (1927), переведенной практически на все европейские языки, в том числе и на русский. И свой последний фундаментальный предсмертный труд «Моисей и единобожие» (1939) он полностью посвятил глубинному толкованию этой проблемы с позиции психоанализа, обобщая многолетний опыт историко-религиозных исследований.

Оппоненты необоснованно упрекали Фрейда в иррационализме. Но как раз сторонником рационалистической, просветительской линии в философии предстает он в своих трудах, в частности, когда исследует будущее религии, которую он считал все-таки большой иллюзией.

В этих трудах религия исследуется как часть мировой культуры, причем культуру Фрейд понимает широко, как знания и умения, накопленные человечеством, позволяющие им овладеть силами природы и взять у нее блага для удовлетворения человеческих потребностей. И во-вторых, «пренебрегая различием между культурой и цивилизацией», Фрейд включает в это понятие все институты, необходимые для упорядочения человеческих взаимоотношений, и особенно — для дележа добываемых благ. Но всякая культура — по мысли Фрейда — вынуждена строиться на принуждении и запрете влечений.

Трудно обвинить Фрейда в необоснованном оптимизме. «Неизвестно даже, будет ли после отмены принуждения большинство людей поддерживать ту интенсивность труда, которая необходима для получения прироста жизненных благ». И далее мысль Фрейда движется в направлении трезвого предостережения: «Надо, по-моему, считаться с тем фактом, что у всех людей имеет место деструктивность, то есть антиобщественные и антикультурные тенденции, и у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе».

Фрейд считает неверным положение, что человеческая психика с древнейших времен не развивалась и, в отличие от стремительного прогресса науки и техники, сегодня все еще такая же, как в начале истории. «Наше развитие идет в том направлении, что внешнее принуждение постепенно уходит внутрь, и особая психическая инстанция, человеческое Сверх-Я включает его в число своих заповедей». Это усилие Сверх-Я есть в высшей степени ценное психологическое приобретение культуры. Но здесь же Фрейд с тревогой отмечал, что громадное число людей повинуется соответствующим запретам, продиктованным культурой, лишь из-за угрозы реального наказания, под давлением внешнего принуждения. Бесконечно многие культурные люди, которые отшатнулись бы в ужасе от убийства

или кровосмесительства, не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, клеветой, если могут при этом остаться безнаказанными, и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох.

Фрейд прослеживает возникновение религиозного чувства, рассматривая его прообраз, когда маленький ребенок беспомощен и полагается на отца, внушающего ему иногда страх, но все-таки способного защитить его от различных опасностей, известных в том возрасте.

На заре истории беспомощность человека перед грозными силами природы оставалась, а с нею тоска по отцу — Богу. Боги выполняли сложную задачу с точки зрения психоанализа: нейтрализовали ужас перед природой, примиряли с грозным роком, выступающим прежде всего в образе смерти, и вознаграждали за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в культурном обществе. Так создавался арсенал представлений, порожденных потребностью сделать человеческую беспомощность легче переносимой, выстроенных из материала воспоминаний о беспомощности собственного детства и детства человеческого рода. Это ограждает человека в двух направлениях: против опасностей природы и рока и против травм, причиняемых самим человеческим обществом.

Общий смысл всего таков: жизнь в нашем мире служит высшей цели, подразумевающей совершенствование человеческого существа. По-видимому, объектом этого облагорожения должно быть духовное начало в человеке — душа, которая с течением времени так медленно и трудно отделялась от тела.

Религиозные представления имели долгую историю развития, зафиксированы разными культурами на их различных фазах. Мудрость, всеблагость, справедливость — все это черты единого божественного существа, которое в нашей культуре сосредоточило в себе всех богов архаических эпох. Религиозные представления считаются драгоценнейшим достоянием культуры, высшей ценностью, какую она может предложить людям, гораздо большей, чем все искусства и умения, позволяющие открывать земные недра, снабжать человечество пищей или предотвращать его болезни.

Не без полемической струны Фрейд задает вопрос: «Что являют собой религиозные представления в свете психологии, откуда идет столь высокая их оценка и какова их действительная ценность?»

В полемике с воображаемым противником Фрейд ссылается на свой труд «Тотем и табу», где пытался объяснить возникновение религий. Дело в том, что он вслед за известными английскими этнографами начала XX века Фрэзером и Робертсоном-Смитом считал первой формой религии тотемизм, иными словами, представление о сверхъестественном родстве между родом, племенем и тотемами, то есть видами животных и растений, иногда неодушевленных предметов. Фрейд полагал, что в тотемистической религии нашел отражение «отцовский комплекс», люди поклоняются животному, считая его своим предком. Но оно же приносится в жертву и ритуально поедается в день празднества, а затем оплакивается. Тотем, в интерпретации Фрейда, является символом — заместителем убитого и съеденного праотца, вина за убийство которого сохраняется в бессознательном. Из тотемизма Фрейд выводил все религии, прежде всего иудаизм и христианство. Большинство этнографов и историков религии не приняли этой фрейдовской трактовки.

В книге «Будущее одной иллюзии» Фрейд восстает против злоупотребления религиозным воспитанием, поскольку это порабощает сознание. Если же попытка нерелигиозного (это, кстати, существенно отличается от антирелигиозного) воспитания окажется безуспешной, то, считал Фрейд, придется вернуться к прежнему суждению. Люди так мало доступны голосу разума, над ними безраздельно властвуют их импульсивные желания. Так трезво думал Фрейд о природе человека.

Ученый не знал всех подробностей «русского эксперимента» после Октября 1917 года, но словно предвидел результаты советской политики в области религии. «Намерение насильственно и одним ударом опрокинуть религию,— несомненно, абсурдное предприятие. Прежде всего потому, что оно бесперспективно. Верующий не позволит отнять у себя веру ни доводами разума, ни запретами. Было бы жестокостью, если бы в отношении кого-то такое удалось». Увы, жестоко-

стей в мировой и в отечественной истории было немало.

Уподобляя влияние религиозных утешений действию наркотиков, Фрейд возражает против того, что человек в принципе не может обойтись без иллюзорного религиозного утешения. Вынести тяготы жизни не способен человек, в которого с детства вливался сладкий — или кисло-сладкий — яд. А другой, воспитанный в трезвости? Кто не страдает от невроза, тот, возможно, не нуждается в наркотических средствах анестизирования.

Фрейд убежден, что человек устоит в тяжелом испытании. Осознав свою малость внутри мирового целого, поняв, что он уже не является объектом нежной заботы благого провидения, человек будет предоставлен своим собственным силам. А это само по себе уже чего-то стоит. Непреклонна вера Фрейда во всевозрастающую силу науки:

«Человек все-таки не совершенно беспомощен, наука много чему научила его со времен потопа, и она будет и впредь увеличивать свою мощь.

Перестав ожидать чего-то от загробного существования и сосредоточив все высвободившиеся силы на земной жизни, человек, пожалуй, добьется того, чтобы жизнь стала сносной для всех и культура никого уже больше не угнетала».

Верный своей манере обращаться к мировой литературе, так ярко проявленной еще в письмах к невесте, он заканчивает словами Гейне из поэмы «Германия. Зимняя сказка». Учитывая, что поэма хорошо известна любому образованному читателю, Фрейд называет поэта «одним из наших единоневерцев» и приводит его саркастические строки:

Пусть ангелы да воробьи
Владеют небом дружно.

Примечательно, что в книге «Будущее одной иллюзии» Фрейд размышляет о Советском Союзе и «гигантском эксперименте над культурой, который в то время ставился в обширной стране между Европой и Азией». Надо признать, что оценка «гигантского эксперимента над культурой» в России конца 20-х годов у Фрейда была двойственной. И это объясняется судьбой самого ученого.

В статье «Моя жизнь и психоанализ», написанной уже в конце жизни, он сообщал, что родился 6 мая 1856 года в Фрейберге, в Моравии, маленьком городке нынешней Чехии. «О моих предках с отцовской стороны я знаю, что они некогда обитали в рейнских землях, в Кельне; в связи с очередным преследованием евреев в XIV или XV веках, семейство перебралось на Восток, и на протяжении XIX века оно переместилось из Литвы через Галицию в немецкоязычные страны, в Австрию». Кроме раннего детства в Моравии и Лейпциге и вынужденной эмиграции в глубокой старости, Фрейд провел жизнь в Вене, в Леопольдштадте, своеобразном еврейском гетто. Там он окончил гимназию, медицинский факультет Венского университета, где начал свою научную деятельность как специалист в области физиологии и неврологии. Вскоре из-за тяжелого материального положения семьи оставил «чистую науку» и стал врачом-психиатром, уже к 1899-му разработав психоанализ, обессмертивший его имя. Отсюда, из столицы Австрии, летели его письма к Марте Бернайс, где речь очень часто шла, напомним, и о хронической нехватке денег. Поэтому совершенно искренно Фрейд писал много позже в труде «Недовольство культурой» (1929): «С того, кто в юности испытал и лишения и нищету, кто познал безразличие и надменность имущих, следовало бы снять подозрения в том, что у него нет понимания и благожелательности по отношению к борющимся против имущественного неравноправия».

В то же время Фрейд считал, что коммунисты в России ошибочно полагают, что все зло якобы происходит от частной собственности. Ученый был убежден, что ликвидация частной собственности не решит проблему врожденной людской агрессивности, ибо это, по его мнению,— «неискоренимая черта человеческой природы». «Становится понятным, что попытка создания новой коммунистической культуры в России находит свое психологическое подкрепление в преследовании буржуазии. Можно лишь с тревогой задать себе вопрос, что будут делать Советы, когда они уничтожат всех буржуев»,— критически писал Фрейд. Он считал «безмерной иллюзией» идею о равенстве всех людей, поскольку сама природа установила неравенство физических и умственных способностей.

Вообще «Фрейд и Россия» — большая тема, еще недостаточно исследованная. «В России психоанализ известен и распространен»,— писал Фрейд уже в 1914 году. Действительно, почти все его работы к этому времени были переведены на русский язык. Многие крупные русские ученые — психиатры Н. Е. Осипов, И. Д. Ермаков, Ю. В. Каннабих, выдающиеся психологи А. Р. Лурия, Л. С. Выготский разделяли идеи психоанализа и в дальнейшем развили эту теорию.

Отечественная философская мысль оценивала теорию Фрейда неоднозначно, но роль этого учения в развитии мировой культуры, искусства и философии была столь огромна, что крупнейшие русские философы, изгнанные в 1922 году на «философском» пароходе из Советской России, Н. А. Бердяев (1874—1948), С. Л. Франк (1877—1950), Б. П. Вышеславцев (1877—1954) Л. П. Карсавин (1882—1952),— каждый по-своему оценивали учение Фрейда.

В статье «О рабстве и свободе человека» (1930) Бердяев, размышляя о конфликтности эротической жизни человека, отмечал:

«Фрейд совершенно прав, утверждая дисгармоничность, конфликтность половой жизни. Человек испытывает травмы, связанные с полом. Он испытывает мучительные конфликты между бессознательной половой жизнью и цензурой общества, социальной обыденностью.

Это конфликты и сексуальные, связанные с полом, и эротические, связанные с любовью. Но для Фрейда проблема любви-Эроса остается закрытой».

Это критическое замечание, связанное с «ограниченностью миросозерцания Фрейда», получило дальнейшее развитие в движении бердяевской мысли: «Пол есть безличное в человеке, власть общего, родового; личной может быть только любовь».

Еще более остро и обстоятельно рассмотрен этот аспект проблемы — «психоанализ как миросозерцание» — в одноименной статье С. Л. Франка в 1930 году. Он разграничивает психоанализ как медицинскую гипотезу и как мировоззрение.

В отличие от других оппонентов, обвинявших философскую мысль Фрейда в иррационализме, Франк, напротив, видит в мировоззрении автора психоанализа

позитивизм и рационализм. И это вызывает у него критику фрейдизма, который он считает «циничным мировоззрением». Не потому, что Фрейд говорит о низменных сторонах человеческой жизни, а потому, что не верит в реальность высших начал духовной жизни; свысока относится к духовной жизни, усматривая в ней лишь иллюзорное отражение чисто животных импульсов.

Но Франк признает за психоанализом «лишь какой-то элемент правды», указывает, что «Фрейд и здесь обнаруживает свойственную ему интеллектуальную проницательность». Но тут же как бы занижает и эту оценку, поскольку мысль Фрейда о том, что в человеческой душе есть вообще влечение к гибели, к самоуничтожению и что «любовь» и «смерть» связаны между собой неразрывными нитями, по мнению Франка, высказывалась многими проницательными сердцеведами. В целом же Франк критически оценивает «разрушительный, нигилистический характер психоанализа» в мировоззренческом аспекте.

В критическом восприятии психоанализа Бердяеву и Франку не уступает и Вышеславцев. Крупный специалист по немецкой классической философии, он решил сопоставить традицию христианского платонизма, идущую от Соловьева и Бердяева, с данными современной психологической школы. В книге «Этика преображенного Эроса» он вступает в непримиримую полемику с теорией Фрейда. Русский философ признает определенную научную заслугу Фрейда в том, что в основе самых возвышенных форм человеческого сознания, религии, искусства — подсознательные, сексуальные инстинкты. Но — и в этом главный полемический выстрел Вышеславцева — создатель психоанализа не смог постичь истинный смысл сублимации, неизбежно предполагающей возведение низшего к высшему, а не в сведении высшего к низшему. Поэтому с позиций Фрейда всякая возвышенная, «сублимированная» форма сознания иллюзорна: индивидуальная любовь есть иллюзия; религия, нравственность и красота тоже не что иное, как иллюзия, обманное представление, поскольку представляют собой подавленную сексуальность. По Вышеславцеву, на одном полюсе фрейдизм и психоанализ, на другом, противоположном,— платоническое и христианское понимание сублимации.

Характерно, что все крупные отечественные мыслители обращались к творчеству гениального русского писателя Ф. М. Достоевского.

Свою философию Эроса Бердяев связал с русской литературой. В работе «Миросозерцание Достоевского» (1923) он доказывает, что все творчество Достоевского проникнуто страстной любовью. По Бердяеву, в романах Достоевского воплощены два типа любви: любовь-сладострастие и любовь-жалость. Оба эти чувства составляют два полюса любви. Любовь — это всегда путь к другому, разврат же приводит к невозможности выхода из замкнутости в себе, из ложного самоутверждения, что демонстрирует Федор Павлович Карамазов.

Примечательно, что размышления Бердяева о философии любви в России смыкаются с идеями другого крупного философа — Л. П. Карсавина. В статье «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви» (1921) ученый анализирует свойственный Достоевскому дух Эроса, которым проникнуто его творчество. Рассуждая о двух типах любви в романе Достоевского «Братья Карамазовы», философ видит в любви всевластную, неодолимую, живую стихию, в основе которой диалектическая идея — о «двуединстве» любви, о слиянии любви и любящего. Диалектическая природа любви — по Карсавину — представляет двуединство жизни и смерти, свободной личности и абсолютного бытия.

Обращался к Достоевскому и выдающийся философ С. Л. Франк. В статье «Достоевский и кризис гуманизма» (1931) Франк задается вопросом: чем обусловлено огромное влияние Достоевского на духовную жизнь Запада? Объяснение философа таково: проблема человека, подлинного существа человеческой личности является центральной в творчестве Достоевского. Но эта проблема занимала также умы лучших представителей европейской культуры XIX—XX веков в то время, когда в Европе происходил кризис гуманизма как мировоззрения, основанного на безрелигиозной вере в человека и его возможности. «Достоевский,— писал Франк,— не отворачивается с брезгливостью и презрением ни от одного человеческого существа, напротив, перед лицом морализующего общественного мнения он есть признанный адвокат своих падших,

злых, слепых, буйствующих и бунтующих героев». В интерпретации русского философа, Достоевский в иррациональной глубине сознания своих героев видит признаки истинно великого, вечного. Ибо лишь там может произойти встреча человека с Богом и приобщение к добру и свету. Здесь, по мысли Франка, и находит свое воплощение новый гуманизм Достоевского.

Совершенно по-иному трактует творчество гения русской и мировой литературы Фрейд в статье «Достоевский и отцеубийство» (1928), блестяще используя методологию и технику психоанализа для понимания философских, эстетических и этических концепций Достоевского, равно как и его многогранной личности, «как писателя, как невротика, как мыслителя-этика и как грешника».

Фрейд считает бесспорным, что место Достоевского-писателя в одном ряду с Шекспиром. «Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом Инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы». Фрейд сразу же объявляет: «К сожалению, перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие». Интересны и самобытны мысли Фрейда о Достоевском как моралисте. Представляя его человеком высоконравственным на том основании, что только тот достигает высшего нравственного совершенства, кто прошел через глубочайшие бездны греховности, мы игнорируем одно соображение. В философском понимании Фрейда, нравственным является человек, реагирующий уже на внутренне испытываемое искушение, при этом ему не поддаваясь. Кто же попеременно то грешит, то, раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели,— того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь. Он не исполняет основного принципа нравственности — принципа отречения, в то время как нравственный образ жизни — в практических интересах всего человечества.

Философски рассуждая именно таким образом, Фрейд пришел к выводу, что попеременно то грешить, то каяться — характерная русская черта, как и сделка с совестью. Эта мысль Фрейда вызывает очень серьезные возражения вследствие своей односторонности,

как и его мнение «о бесславном конечном итоге» нравственной борьбы Достоевского. После исступленной борьбы во имя примирения притязаний первичных позывов индивида с требованиями человеческого общества он вынужденно регрессирует к подчинению мирскому и духовному авторитету — к поклону царю и христианскому Богу... Фрейд считал, что Достоевский «упустил возможность стать учителем и освободителем человечества и присоединился к тюремщикам». Это тоже требует доказательств, которых Фрейд не представляет читателю. Вступая на путь собственно психоаналитического исследования, Фрейд предполагает, что в этом и проявился невроз Достоевского, из-за которого он и был осужден на такую неудачу. По мощи постижения и силе любви к людям ему был открыт иной — апостольский — путь служения.

Фрейд исследует чрезвычайно повышенную аффективность Достоевского, его эпилептическую болезнь как симптом тяжелого невроза и его огромную потребность и способность любить, проявляющуюся в его сверхдоброте и позволявшую ему любить и помогать там, где он имел бы право ненавидеть и мстить, например, по отношению к его первой жене и ее любовнику.

Фрейд на основе психоанализа высказывает предположение, что несильные припадки начались у Достоевского уже в детстве, и только после потрясшего его переживания на восемнадцатом году жизни — убийства отца — приняли форму эпилепсии. По мнению Фрейда, очевидна связь между отцеубийством в «Братьях Карамазовых» и судьбой отца Достоевского. Психоанализ склонен видеть в этом событии тягчайшую травму, и в реакции Достоевского на это — ключевой пункт его невроза. Он ссылается на высказывание брата писателя — Андрея Достоевского о том, что Федор «уже в молодые годы перед тем, как заснуть, оставлял записки, что боится заснуть смертоподобным сном и просит поэтому, чтобы его похоронили только через пять дней». Психоанализ разъясняет, что смысл таких припадков — в отождествлении с умершими или с другим человеком, еще живым, но которому мы желаем смерти. Психоаналитическое учение утверждает, что этот другой для мальчика обычно отец, а припадок является как бы самонаказанием за пожелание смерти ненавистному

отцу. Отношение мальчика к отцу двойственно: помимо ненависти, из-за которой хотелось бы устранить отца как соперника, есть и некоторая доля нежности к нему. Страх перед отцом из-за кастрации делает ненависть к нему неприемлемой, кастрация ужасна как в качестве кары, так и цены любви. Анализируя Эдипов комплекс, характеризующий всю гамму отношений в семейном треугольнике (отец, мать, ребенок) применительно к сложной личности Достоевского, Фрейд ссылается на одну сцену из «Братьев Карамазовых». Это разговор Дмитрия Карамазова со старцем, из которого ясно, что Дмитрий носит в себе готовность к отцеубийству и бросается перед ним на колени. Святой как бы отстраняет от себя искушение исполниться презрением к убийце или им погнушаться, а потому смиряется перед ним. Фрейд отмечает, что симпатия Достоевского к преступнику действительно безгранична, далеко выходит за пределы сострадания и напоминает благоговение, с которым в древности относились к душевнобольному. Преступник для него — почти спаситель, взявший на себя вину, которую в другом случае несли бы другие. Убивать больше не надо, после того как он уже убил, но следует ему быть благодарным, иначе пришлось бы убивать самому. Этическая ценность этой доброты не оспаривается. «Может быть,— пишет Фрейд,— это вообще механизм нашего доброго участия по отношению к другому человеку, особенно ясно проступающий в чрезвычайном случае обремененного сознанием своей вины писателя».

Можно не соглашаться с интерпретацией личности русского гения Фрейдом, но нельзя не признать оригинальности и философичности в его психоаналитических объяснениях личности Достоевского. Несложно проследить логическую связь этой работы Фрейда с более ранней — «По ту сторону принципа наслаждения» (1919), одной из самых дерзновенных по творческому анализу природы инстинктивной сферы человеческой психики. Он поднялся до философского понимания всеобщих биологических законов жизнедеятельности организма, включая человека. Понятие «Эрос» дополняется понятием «Танатос», двух главных сил природы, которые стремятся «объединить живое вещество во все большие и большие единицы» или, наоборот,

«вернуть живую материю в неорганическое состояние». Эти идеи — с позиций психоанализа — являются основными в теории вытеснения и сублимации. Поразительно, но еще в 1910 году на международном конгрессе в Гамбурге на предложение обсудить концепцию Фрейда председатель заявил: «Это предмет не для научного конгресса, а для полиции». Но уже с середины 20-х годов фрейдизм стал практически господствующей ориентацией в западноевропейской и американской психологии и сексологии. По свидетельству Томаса Манна, долгое время воздух был наполнен мыслями и результатом психоаналитической школы.

«Психоанализ — мое творение. В течение десяти лет им занимался один только я, и все неудовольствия, вызванные у современников этим явлением, всегда обращались против меня»,— вспоминал Фрейд в «Очерках истории психоанализа» (1914).

«Неудовольствия» были очень серьезными: официальная Вена сделала все возможное, чтобы отклонить свое участие в возникновении психоанализа. Фрейд предполагал, что если бы он согласился обсуждать психоанализ на шумных заседаниях венских медицинских обществ, где разразились бы все страсти и были бы высказаны все ругательства, готовые сорваться с языка и таившиеся в уме, то гонение на психоанализ было бы прекращено, и Фрейд не стал бы чужим в своем родном городе, признав правоту поэта Шиллера, вложившего, правда, по другому поводу, в уста Валленштейну:

Никак мне венцы не простят,
Что я лишил спектакля их.

Кстати, на враждебность официальных медицинских кругов Вены Зигмунд Фрейд с горечью сетовал еще в письмах к невесте, когда, возвратившись из парижской стажировки, делал доклад о результатах своих исследований в клинике Сальпетриер под руководством великого французского невролога Шарко (1886). Собственно, предыстория психоанализа в его письмах к Марте. Сколько раз в письмах к невесте упоминается имя его старшего друга, соавтора «Этюдов об истерии» венского врача Йозефа Брейера. Молодой Фрейд доверял ему и свои личные тайны, в частности,

одному из первых рассказал о помолвке с прелестной девушкой из Гамбурга Мартой Бернайс. «Катарсический метод» Брейера Фрейд во всех своих работах признавал предварительной ступенью психоанализа.

Содержание «катарсиса» в том, что симптомы у больных истерией связаны с потрясающими, но забытыми сценами их жизни. И врач в процессе лечения больного заставляет его под влиянием гипноза вспомнить былые переживания и воспроизвести их.

Началом же собственного психоанализа Фрейд считал решительный отказ от гипноза и введение метода свободных ассоциаций.

Вместе с Брейером, в гостеприимном доме которого Фрейд часто бывал, он открыл регрессию, характерную для психических процессов. Сущность регрессии в том, что ассоциации больного от тех сцен его психической жизни, которые необходимо объяснить, влекли его назад к еще более ранним переживаниям, к юности, а затем и к детским впечатлениям больного. Оказалось, что психоанализ ничего не может объяснить в настоящем состоянии больного, не обращаясь к его прошлому. Всякое болезненное переживание предполагает другое, более ранее, которое в тот момент может и не стать явным признаком неврозов, но обнаруживает эту предрасположенность впоследствии.

Еще в 1899 году Фрейд лечил пациентку по имени Дора. Бесчисленное множество раз анализировал он сцены, вызвавшие вспышку нервного заболевания. Затем он обратился к детским переживаниям пациентки, предложив ей вспомнить все, до мельчайших деталей исследуя это. И тогда Дора увидела сон, где всплыли забытые подробности ее детства. Анализируя этот и другие сны больных, Фрейду удалось найти верный путь лечения. Об этом он писал в фундаментальном труде «Толкование сновидений» (1900). На основе многочисленных клинических исследований Фрейд доказал, что в нашем мозгу сохраняются следы всех прежних переживаний, которые ярко проявляются во снах. В это время, когда уменьшается контроль сознания и разума, человек способен воспринимать то, что вскоре обнаружится в осязаемой форме.

Не забудем, что еще в годы помолвки он активно занимался анатомией головного мозга в Вене, а затем в Париже. Об этом тоже свидетельствуют его письма

к невесте. Впоследствии в книге «Толкование сновидений» он с полным основанием утверждал: «Диагностическая способность снов — явление, которое широко известно, но возникающий телесный недуг нередко обнаруживается раньше и отчетливее, чем в состоянии бодрствования. Более того, все телесные ощущения во сне многократно усиливаются».

Бессознательная жизнь человека проявляется главным образом в сновидениях. И совсем не случайно Зигмунд Фрейд, оказавший огромное влияние на литературу и искусство XX века, основы своей знаменитой теории психоанализа заложил и развил на рубеже двух столетий в фундаментальном труде «Толкование сновидений» (1900). В сновидениях реализуются скрытые или ранее не осуществленные желания человека. Именно сновидения помогают и современной науке глубже исследовать «хрупкую проблему» человеческой психики.

В эти годы научные круги официальной Вены игнорировали многие идеи Фрейда, в лучшем случае считая их «шуткой дурного тона». Начались разногласия даже со старым другом Йозефом Брейером, который по-прежнему придерживался своей «гипноидной теории». Фрейд же отверг гипноз в качестве лечения и, в отличие от Брейера, видел в психическом раздвоении личности результат процесса «вытеснения» переживаний раннего детства.

Это «вытеснение» может быть сексуально окрашенным, нежным или враждебным. Но сам факт вытеснения сексуальной энергии из сферы бессознательного и «перенесения», преобразования ее в другие виды психической энергии — этот факт Фрейд считал бесспорным доказательством «происхождения творческих сил невроза». Кстати, и сам Фрейд страдал некоторыми недугами, в частности неврастенией на почве усталости и одиночества, а также мигренью. Обо всем этом он с обезоруживающей откровенностью сообщал в письмах к невесте. Но, разумеется, это не было просто информацией. Отнюдь. Как истый ученый, Фрейд и себя, и свое собственное душевное состояние подверг тогда только зарождавшемуся психоанализу. Глухая стена изоляции, возникшая вокруг идей Фрейда, держалась в Европе не один год. Его имя ханжи от науки подвергали едким насмешкам, не давая себе

труда тогда, как, впрочем, и в дальнейшем у нас, в России, вникнуть в суть его теории. Фрейд тяжело переживал это, но рядом с ним всегда было его «сокровище», его любимая Марта, теперь уже супруга и друг. Об этом периоде Фрейд вспоминал не без горечи: «Вокруг меня очень скоро образовалась пустота. Утешением за дурной прием, который гипотеза сексуального происхождения, или первопричины неврозов, встретила даже в тесном кругу друзей, служила мысль, что я отважился на борьбу за новую и оригинальную идею».

Правда, идея, ответственность за которую легла на плечи Фрейда, по его собственному признанию, была изначально дана ему тремя учеными, к которым он питал глубочайшее уважение: Йозефом Брейером, затем профессором Шарко, которого Фрейд всегда благоговейно считал своим гениальным учителем и, наконец, профессором Хробаком, известным венским гинекологом. Все трое передали Фрейду мнение о сексуальных первопричинах неврозов, которое они, строго говоря, не разделяли. По этому поводу Фрейд замечал, что «совсем не одно и то же высказать какую-нибудь мысль в виде беглого замечания или отнестись к ней серьезно, устранить все противоречия и завоевать ей место среди других признанных уже истин. Это отличается примерно так же одно от другого, как легкий флирт от законного брака со всеми его обязанностями и трудностями».

В создании учения о «вытеснении» Фрейд был, безусловно, самостоятелен. Но однажды ему показали отрывок из книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление», где философ пытался объяснить причины безумия. «То, что этот мыслитель говорил о сопротивлении какому-либо мучительному явлению, настолько совпадало с содержанием моего понятия о вытеснении, что только благодаря неначитанности я имел возможность сделать это оригинальное открытие»,— иронически признавался Фрейд.

Действительно, читая одного из основателей философии жизни Артура Шопенгауэра (1788—1860) и Фридриха Ницше (1844—1900), поражаешься сходству их понятий с некоторыми, глубоко самостоятельными идеями Фрейда. К примеру, термин «Оно», обозначающий инстинктивное влечение, впервые встречается

именно у Ницше. Правда, в понимании Фрейда «Оно» — одна из трех инстанций психического механизма, наряду с «Я» и «Сверх-Я». «Оно» под пером Фрейда означает средоточие агрессивных и сексуальных влечений, тогда как «Сверх-Я» представляет собой моральное сознание, а «Я» осуществляет приспособление человека к реальности.

Эту концептуальную близость чувствовал и сам Фрейд. В ту пору он «вполне сознательно отказался от громадного наслаждения, которое дает чтение книг Ницше», полагая, что влияние идей немецкого философа уменьшит самостоятельность и объективность его собственного научного поиска. Фрейд был твердо убежден, что «никакие предвзятые идеи не должны служить помехой в переработке его психоаналитических впечатлений». Учение о «вытеснении» — фундамент, на котором зиждется все здание психоанализа, теоретическое осмысление наблюдений над невротиками. Понимание и исследование бессознательной душевной деятельности человека помогли открыть в жизни невротика причины его страданий и благодаря этому успешно лечить его. Бессознательное рассматривается им как активная часть личности и вместе с тем — как хранилище эмоций, забытых или вытесненных фактов.

Но здание психоанализа оказалось бы непрочным, логически незавершенным, не будь многочисленных клинических наблюдений сексуальных переживаний детей и взрослых. «Научный триумф по поводу идей о детской сексуальности бледнел при мысли, что открытий такого рода следует, пожалуй, стыдиться,— признавался Фрейд.— Тем более удивительным казалось, что столько труда положено другими на то, чтобы не замечать столь бесспорное положение».

К проблеме детской сексуальности он обратился и в работе о Леонардо да Винчи «Воспоминание детства», где практически применил метод психоанализа к исследованию личности величайшего художника итальянского Возрождения Леонардо да Винчи (1452—1519), гений которого поистине универсален: его слава военного инженера была не меньшей, чем известность музыканта, игравшего на лютне, сконструированной им. На этой работе следует остановиться подробнее, тем более что массовый читатель пока лишен возможности познакомиться с нею: в двухтомник она

не включена и вышла мизерным тиражом в Ростове-на-Дону.

Исследование психологии личности Леонардо Фрейд вел с целью понять характер, историю души и всеохватывающий гений человека, казавшегося его современникам не менее загадочным, чем потомкам. Оставив громадное художественное наследие, он сочетал в себе ученого-экспериментатора, создавшего чертежи летательных аппаратов, изучавшего питание растений и их реакцию на яды.

Научные исследования отвлекали Леонардо от кисти, нередко он бросал начатую картину и почти не заботился о судьбе своих произведений. Это и ставили ему в вину современники.

Исследуя детские воспоминания Леонардо о коршуне, Фрейд пытается объяснить, почему остались незавершенными многие полотна Леонардо: «Леда» и «Святой Онуфрий», «Вакх» и «Иоанн Креститель в юности».

Портрет моны Лизы, жены богатого флорентийца Франческо Джокондо, он писал четыре года, но так и не смог закончить. Заказчик так и не получил картину, которая теперь является гордостью Лувра.

Чтобы проникнуть в душевную жизнь человека, даже такого гения, как Леонардо да Винчи, нельзя, как это бывает в большинстве случаев, из скромности и стыдливости обходить особенности его сексуального поведения. Это, по мнению Фрейда, бесспорно. Анализируя огромные пласты исторического материала, ученый отмечал: «В те времена, когда безудержная чувственность боролась с мрачным аскетизмом, Леонардо был примером строгого воздержания, которое вряд ли можно ожидать от художника, так ярко изображавшего женскую красоту».

В чем же здесь тайна и как ее объяснить? Фрейд, изучив огромное количество исторических, эпистолярных, искусствоведческих материалов, по-новому оценивает такие проявления в сексуальной жизни человека, которые иными оппонентами рассматривались как доказательства болезни или ущербности.

Превращение психической энергии в различные практические действия также невозможно без потерь. Сдерживание чувства любви на то время, пока познаешь, приводит к замещению. Отдаваясь познанию, уже

не так сильно любят или ненавидят, а то и вообще пренебрегают любовью и ненавистью. Исследуют вместо того, чтобы любить. И поэтому, быть может, жизнь Леонардо так бедна любовью по сравнению с жизнью других великих людей.

Леонардо был не в состоянии ограничить свои поиски, отделить художественное произведение от всей громады мироздания.

Когда в характере личности мы видим одно-единственное сильно выраженное влечение, как у Леонардо — любознательность, то объясняем это особой склонностью, которая возникает уже в раннем детстве и укрепляется впечатлениями детства.

Для малышей характерно постоянное любопытство. Нескончаемыми «почему?» ребенок хочет заменить только один главный вопрос, откуда и как он появился. Начиная с трехлетнего возраста ребенок, как свидетельствуют психоаналитические наблюдения, решительно отвергает мифологический смысл сказки об аисте. Этого недоверия достаточно для начала умственной самостоятельности ребенка. Фрейд считает, что начиная с трех лет дети переживают период инфантильного сексуального исследования. Они чувствуют свой разлад со взрослыми и не прощают им обмана.

Он ведет исследование по-своему, догадываясь, что ребенок пребывает во чреве матери, строит свои предположения о зарождении ребенка от еды, о трудно постижимой роли отца. Уже тогда он предчувствует существование полового акта, который представляется ему как нечто предосудительное и насильственное. Фрейд исследовал неврозы у детей в клиниках Вены и Берлина, о чем он тоже писал Марте («Дети мне нравятся больше, чем взрослые больные. Они такие маленькие, и их головы еще ничем не затуманены»). На основе психоанализа и врачебных наблюдений он полагал, что период детского сексуального исследования разом обрывается энергичным вытеснением и для дальнейшего развития любознательности (в ее ранней связи с сексуальными интересами) есть три варианта. Исследовательское начало может разделить судьбу сексуальности, любознательность остается с того времени угнетенной, и свобода умственной деятельности ограничивается в течение всей жизни. Ясно, что это способствует образованию неврозов.

Отметим, что Фрейд многократно подчеркивает важность свободы, непредвзятости интеллектуального творчества. Иногда интеллектуальное развитие достаточно сильно, чтобы противостоять мешающему сексуальному вытеснению. Подавленное сексуальное начало возвращается из области бессознательного в виде навязчивой склонности к анализированию, во всяком случае, изуродованное и несвободное, но достаточно сильное, чтобы окрасить умственные процессы наслаждением и страхом, присущим сексуальному.

Наблюдения за повседневной жизнью показывают, что многим удается переключить значительную часть своего полового влечения на профессиональную деятельность. Половому влечению особенно свойственна такая «щедрость», ибо оно обладает способностью сублимироваться, то есть может в зависимости от обстоятельств заменить свою ближайшую цель другими, более высокими и несексуальными целями.

Фрейд, размышляя о психологическом своеобразии Леонардо, стремясь разгадать загадку его гениальности, обращает внимание на тот тип личности, самый редкий и совершенный, который избегает как сдерживания интеллектуального поиска, так и невротического навязчивого влечения к анализу. Сексуальное вытеснение — по Фрейду — имеет место и в этом случае, но ему не удается отодвинуть часть сексуального наслаждения в сфере бессознательного. Страсть к исследованию и здесь носит на себе характер запретного и заменяет собой половую деятельность. Вследствие полного различия глубинных психических процессов (сублимирование, а не прорыв из бессознательного) эта страсть не приобретает характер невроза и свободно служит интеллектуальным интересам.

Фрейд обратил внимание на соединение у Леонардо сильной страсти к исследованиям с бедностью его половой жизни, которая ограничивалась, так сказать, идеальной гомосексуальностью. То, что после напряжения детской любознательности в направлении сексуальных интересов ему удалось большую долю своего либидо преобразовать в страсть к исследованию, и есть ключ к тайне его существа.

Леонардо был незаконным ребенком нотариуса Пьеро да Винчи, потомка земледельцев, которые именовались по месту жительства. Ссылаясь на русского

писателя Д. С. Мережковского, Фрейд также предполагает, что мать Леонардо — крестьянка Катарина — оказала на него в детстве сильное влияние.

Единственный раз Леонардо в ученых записках, где говорится о полете коршуна, привел сведения о своем детстве. Он вспоминал картину, всплывшую из ранних детских лет: «Кажется, мне было судьбой предназначено так основательно заниматься коршуном, потому что у меня сохранилось, наверное, очень раннее воспоминание, будто, когда я лежал в колыбели, прилетел ко мне коршун, открыл мне хвостом рот и много раз толкнулся хвостом в мои губы».

Вот как Фрейд трактует это. Сцена с коршуном — не воспоминание Леонардо, но фантазия, которую он создал позже и перенес в свое детство.

Стремясь осветить сокровенное, Фрейд смотрит на фантазию о коршуне глазами психоаналитика, и она уже не кажется странной. Переводя ее на общепонятный язык с помощью техники психоанализа, он видит ее эротический смысл. Фрейд пишет: «Содержащийся в фантазии образ коршуна, двигающего там хвостом, соответствует представлению об извращении полового акта...» Тем более, что «хвост есть один из известнейших древних символов и способов изображения мужского полового органа».

Леонардо относит мнимое воспоминание о коршуне к грудному возрасту. Под этой фантазией скрывается не что иное, как отголосок впечатления от кормления материнской грудью (эту прекрасную сцену он, как и многие другие художники, изображал кистью, рисуя Богоматерь с Младенцем). Мы объясняем фантазию сосанием материнской груди и обнаруживаем вместо матери — коршуна. Откуда возник этот коршун и как он попал сюда?

Фрейд высказывает смутную догадку. В священных иероглифах древних египтян мать изображали в виде коршуна. Египтяне почитали такое божество материнства. Эту богиню называли Мут, только ли случайно созвучие с немецким словом «Mutter» (мать). Из книги мудрости восточных жрецов «Гермес Трисмегистус», на которую ссылается Фрейд, известно, что коршун считается символом материнства, так как древние египтяне думали, будто существуют коршуны только женского рода.

Леонардо мог хорошо знать этот миф, он был человеком огромной эрудиции. А кроме того, во всех источниках отцы церкви распространяли предание о коршунах, споря с теми, кто сомневался в возможности непорочного зачатия.

Гораполло, один из самых авторитетных авторов древности, утверждал, что коршуны оплодотворяются от ветра. Анализируя какой-нибудь детский вымысел, Фрейд стремился отделить его реальное содержание от позднейших воздействий, изменений. В случае с Леонардо он считал, что замена матери коршуном указывает на то, что ребенок чувствовал отсутствие отца и жил только с матерью.

Но из официального документа 1457 года — флорентийского налогового кадастра — мы узнаем, что в числе членов семьи был и Леонардо, пятилетний незаконный сын синьора Пьеро да Винчи, к тому времени уже состоявшего в браке с донной Альберой.

Несомненно, должны были пройти годы разочарований, прежде чем решились взять незаконное дитя, здоровое и красивое, вместо тщетно ожидаемых законных. Наиболее соответствовали бы подобному толкованию фантазии о коршуне, если бы маленький Леонардо не сменил свою одинокую мать на супружескую чету. Ведь в первые три-четыре года складываются впечатления и вырабатываются стереотипы реагирования на внешний мир, которые никакими позднейшими впечатлениями не могут быть замещены. Тот факт, что Леонардо первые годы жизни провел только с матерью, должен был оказать огромное влияние на его внутреннюю жизнь. И маленький Леонардо, вероятно, с особым усердием размышлял, откуда берутся дети и какое отношение имеет отец к их появлению.

Таким образом, ощущение этой связи между исследовательским складом его души и историей его детства привело позже к мысли, что ему, наверно, было предопределено изучать птичий полет, потому что его еще в колыбели посетил коршун.

Любознательность, направленная на птичий полет, происходит из детского сексуального исследования.

Материнское божество Мут изображалось обычно с женской грудью и мужским торсом.

Итак, у богини Мут то же соединение материнских и мужских черт характера, что и в фантазии Леонардо.

Почему образу, который должен олицетворять сущность матери, фантазия придает противоположный признак мужской силы? Разгадкой, по мнению Фрейда, служит теория инфантильной сексуальности.

Самой удивительной чертой этой фантазии является то, что она превратила сосание материнской груди в пассивный акт, т. е. в ситуацию, несомненно, гомосексуального характера. Фрейд полагает, что эта фантазия указывает на его давнишнюю связь между детским отношением Леонардо к своей матери и его позднейшей, явной, хотя и идеальной гомосексуальностью. Во всех случаях гомосексуальности, исследованной Фрейдом, обнаруживалось, что в раннем детстве имело место сильное, хотя и забытое впоследствии эротическое влечение к лицу женского пола (как правило, к матери). И у всякого художника Фрейд предполагает те же стремления, которые других толкают к сексуальному действию, ибо невозможно представить, чтобы в душевной жизни человека не было места сексуальности в широком смысле слова — либидо, пусть далеко отклонившегося от первоначальной цели или нарочно сдерживаемого от своего удовлетворения.

Фрейд вновь и вновь обращается к русскому писателю Мережковскому, пролившему свет на то, кем была эта Катарина. Не без оснований он строит догадку, что мать Леонардо, бедная крестьянка из Винчи, приехала в 1493 году в Милан навестить своего 41-летнего сына, но заболела, умерла и была похоронена сыном с большой пышностью. Все расходы на похороны — от двух фунтов воска до платы за катафалк и колокольный звон, Леонардо тщательно записал в своем дневнике. Счет затрат на погребение когда-то горячо любимой матери есть искаженное проявление его огромного горя. Нормальной психике такая деформация несвойственна, но при неврозах встречается часто.

Сильные, но вытесненные в подсознание чувства находят выход в незаметных и даже нелепых поступках. Это может объяснить, почему Леонардо записывал расходы на погребение матери. Подсознательно он, как в детстве, испытывал к ней чувство, имевшее

эротическую окраску. Сопротивление этому детскому влечению не допускало, чтобы в дневнике ее память была почтена более достойно. Компромиссный выход из невротического конфликта проявился в виде короткой записи, ставшей загадкой для потомков.

Те, кто видел картины Леонардо, помнят застывшую улыбку сомкнутых губ на странно прекрасном портрете флорентийки моны Лизы Джоконды. Эта улыбка, отмечал Фрейд, вот уже четыре века загадочно очаровывает зрителей.

Анализируя мнения многочисленных критиков-искусствоведов, он приходит к выводу, что в улыбке моны Лизы соединены два разных начала. В этом шедевре идеально воплощены противоположности, из которых состоит женская любовь: скромность, самоотверженная нежность и жестокая, требовательная чувственность, стремящаяся подчинить себе мужчину. Фрейд разделяет мнение русской исследовательницы А. Константиновой: «За долгое время, когда художник был занят портретом, он так проникся им и сжился со всеми деталями этого женского образа, что черты его и особенно таинственную улыбку и странный взгляд стал переносить на все лица, которые он потом писал».

Развивая эту мысль, Фрейд полагает, что, возможно, улыбка моны Лизы покорила Леонардо потому, что пробудила что-то, уже давно дремавшее в его душе (вероятно, старое воспоминание). Воспоминание это было достаточно глубоко, чтобы, проснувшись однажды, больше его не покидать. Еще в юности Леонардо искусно вылепил несколько смеющихся женских и детских головок.

Итак, его художественные упражнения начались с разработки двух сюжетов, которые должны нам напомнить сексуальные объекты, обнаруженные при анализе фантазии о коршуне. Если прелестные детские головки были повторением его самого, то улыбающиеся женщины были не чем иным, как повторением Катарины, его матери. В таком случае мы вправе предположить, что у его матери была загадочная, блаженно-восторженная улыбка, которая забылась, но затем вспомнилась, когда он увидел ее вновь у флорентийской дамы.

Под этим влиянием в нем проснулось влечение, которое возвращает Леонардо — уже на новом уровне

мастерства — к первым художественным опытам, к изображению улыбающихся женщин. Он рисует «Мону Лизу», «Святую Анну втроем» и несколько странных картин, персонажи которых отмечены той же загадочной улыбкой. Так благодаря своим ранним эротическим переживаниям празднует он триумф, еще раз преодолевая своим искусством тормозящий запрет.

Итак, материалом для психоаналитического исследования служат факты биографии, а также случайные события и воздействия внешней среды, с одной стороны, и сведения о том, как реагирует на них индивид — с другой.

Опираясь на знание психического механизма, психоанализ пытается понять сущность индивида в динамике его реакции, открыть его изначальные побудительные мотивы и их дальнейшее превращение и развитие. Если это удается, то по взаимодействию характера и судьбы, субъективных и объективных факторов выясняется жизненное поведение личности.

Фрейд считал несомненным, что случайность незаконного рождения Леонардо и страстная любовь к нему матери имели решающее влияние на формирование его характера и дальнейшую судьбу в силу того, что наступившее после этой детской фазы сексуальное вытеснение переключило либидо в страсть познания и обрекло в течение всей жизни на сексуальную пассивность. Но это вытеснение не должно было наступить неизбежно, у другого оно, может быть, не наступило бы вовсе.

Фрейд не абсолютизировал возможности психоанализа и отчетливо видел его границы. Две особенности Леонардо остаются необъяснимыми средствами психоанализа: его необычайная склонность к вытеснениям и его выдающаяся способность к сублимированию примитивных влечений.

Влечения и их превращения — это самое большое, что доступно психоанализу, выявляющему психологическую связь между внешними переживаниями и реакцией на них личности с ее влечениями.

Защищая свои исследования, в которых огромное значение придается случайностям, он считал упреки оппонентов несправедливыми. Мнение, будто случайность недостойна решать нашу судьбу, возвращает нас

к миросозерцанию, победу над которым подготовлял Леонардо, утверждая, что Солнце недвижимо. «Нас, конечно, обижает, что праведный Бог и благое Провидение не охраняют нас лучше от подобных влияний в самый беззащитный период нашей жизни. При этом мы охотно забываем, что, в сущности, все в нашей жизни случайно, начиная от нашего зарождения... Еще нельзя во всех подробностях определить и разграничить, что в нашей жизни обусловлено необходимостями нашей физиологии, а что — случайностями нашего детства, но в целом не может быть сомнения в важном значении именно первых наших детских лет»,— писал ученый.

Следует сказать, что эта маленькая монография о Леонардо воспринимается как бестселлер. Блестящая эрудиция Фрейда и на сей раз обнаружилась со всей очевидностью. Многократно он обращается к Д. С. Мережковскому, избравшему героем исторического романа Леонардо. Фрейд считает русского писателя тонким психологом, исследовавшим ненасытную страсть Леонардо к знаниям; недаром великого художника называли «итальянским Фаустом».

Фрейд и сам был, думается, во многом подобен Фаусту нашего времени. Не случайно в 1930 году Фрейд был удостоен премии имени Гете — своего любимого поэта, к которому он так часто обращался еще в письмах к невесте.

Этот удивительный человек прожил яркую и долгую жизнь. Он начал дерзким, нетипичным отпрыском добропорядочной еврейской семьи торговца шерстью, а завершил жизненный путь в Лондоне, в вынужденной эмиграции,— в возрасте 83 лет. Фашисты преследовали и травили его в родной Вене, а в нацистской Германии все произведения мыслителя были сожжены публично. Геббельс лично руководил в 1933 году этим варварским актом. От фашистских чернорубашечников всемирно известного ученого спасло правительство США, выкупив его за большие деньги. А все сестры Фрейда погибли в гитлеровских концлагерях.

Книги Фрейда с начала 20-х годов продолжают завоевывать признание многочисленных читателей во всем мире. Томас Манн произнес знаменитую речь о Зигмунде Фрейде. Стефан Цвейг посвятил соотечественнику впечатляющее по силе воздействия художественно-документальное эссе.

Как яркая творческая индивидуальность, Стефан Цвейг свидетельствовал, что фрейдовские мысли «свободно обращаются в крови эпохи и языка; требуется, собственно говоря, больше напряжения для того, чтобы мыслить вне их, чем для того, чтобы мыслить ими». Действительно, крупнейшие умы в области философии, искусства и литературы находились в сфере влияния учения Фрейда и его научной школы, влиятельной и поныне. Когда Стефан Цвейг послал ученому свою рукопись о Достоевском, то получил ответ из Вены, с улицы Берггассе, 19, где жил Фрейд. Как и в статье «Достоевский и отцеубийство»,— но только в узких рамках дружеского послания 19 октября 1920 года, Фрейд еще раз излагает свое понимание «великолепия поэтического творческого дара» Достоевского с позиций психоанализа. Он спорит с Цвейгом, оставившим за Достоевским приписываемую русскому гению эпилепсию, то есть «органическое мозговое поражение вне душевного строя, как правило, связанное с ее упрощением». У Достоевского же, напротив, истерия, проистекающая из самого душевного склада русского писателя. И это вовсе не медицинский педантизм, а нечто существенное, выражающее себя в гениальном художественном творчестве. Фрейд считает это признаком особенно сильного и неразрешенного конфликта, свирепствующего между первичными устремлениями и затем раскалывающего душевную жизнь на два лагеря. «Думаю, что всего Достоевского можно было бы построить на истерии»,— доверительно сообщает Стефану Цвейгу Фрейд. Он напоминает известному европейскому прозаику то место из биографии Достоевского, где устанавливается трагическая связь между позднейшим недугом его зрелых лет с наказанием со стороны отца, последовавшим при обстоятельствах весьма серьезных. Этот факт из детства писателя и придал позднейшему случаю перед казнью травматическую силу для повторения в виде припадка, и всей жизнью Достоевского завладевает двоякое отношение к авторитету отца — царя: сладострастно-мазохистское подчинение и мятежное возмущение. Мазохизм включает в себя чувство вины, всеми силами стремящееся к «освобождению».

И далее Фрейд высказывает необычайно глубокое суждение, согласно которому амбивалентность, раз-

двоенность чувств «есть также наследие душевной жизни примитивного человека, сохранившееся, однако, гораздо лучше и в более доступном сознанию, чем у других народов, виде в русском народе». Это сильное предрасположение к амбивалентности, в сочетании с детской травмой, могло предопределить необычайную интенсивность заболевания истерией.

Фрейд напоминает о склонности к амбивалентности своих подлинно русских пациентов, как и почти всех героев Достоевского.

Его резюме делает честь Фрейду не только как исследователю, врачу, но и человеку, способному синтезировать, объединять достижения разных наук для объяснения сложных явлений человеческой психики.

В письме к Стефану Цвейгу он заключал: «Без психоанализа Достоевский непонятен, то есть он в нем не нуждается, так как каждым своим персонажем и каждой фразой сам его поясняет. То, что «Братья Карамазовы» трактуют как именно личную проблему Достоевского — отцеубийство — и основополагают психоаналитический тезис о равноценности деяния и злого намерения, всего лишь один из примеров. Также и своеобразие его половой любви, которая либо безудержная страсть, либо глубокое сострадание, неуверенность его героев в том, любят ли они или ненавидят, когда любят, и когда именно они любят, и т. п., указывает, на какой необычной почве произросла его психология».

Нигде так точно не определил Фрейд основную задачу психоанализа, как в письме Ромену Роллану от 19 января 1930 года. Это письмо, где первая строка *«Уважаемый друг»* — воплощение вежливости и любезности, а последняя *«Искренне Ваш преданный Фрейд»* — глубоко полемично. Фрейд расходился с Ролланом в оценке интуиции, в отношении к мистическим воззрениям на природу и общество. Рассуждая об интуиции, Фрейд иронизировал: «...Мистики ей доверяются, ожидая от нее разрешения мировых загадок». По мнению ученого, мистика никак не может нам открыть ничего, кроме примитивных, близких первичным позывам побуждений и реакций, очень ценных при правильном понимании — для эмбриологии души, но непригодных для ориентации в чуждом нам внешнем мире. И пожелание ярого полемиста: «Если бы

нам с Вами еще раз в жизни лично встретиться, хорошо бы об этом поспорить. Издалека же сердечное приветствие лучше полемики».

Учение о психоанализе, родившееся из врачебной практики, шагнуло далеко за рамки медицины, оказало огромное влияние на философию, искусство, литературу XX века.

В чем же причины фрейдовской «эпидемии», охватившей европейское и американское искусство и философию последних десятилетий? Почему именно Фрейд стал своеобразным символом многих особенностей новейшей культуры, а его учение воспринималось как «климат общественного мнения»?

Дело в том, что влияние Фрейда на Западе не ограничено какими-нибудь рамками. Фрейдизм, по сути, стал «целой этической концепцией, а не простым механическим приложением к искусству, которое можно легко распознать и отличить от традиционных творческих методов». Это отмечал английский писатель Джеймс Олдридж, книги которого широко известны в нашей стране.

Необходимо уточнить, учение Фрейда явилось не только этической, но и художественной, эстетической концепцией, далеко оторвавшись от первоначальной почвы клинических наблюдений. Фрейдизм стал системой взглядов на человека и чуждое ему общество, а сам Фрейд воспринимался многими современниками, в числе которых был и С. Цвейг как «великий разрушитель древних скрижалей, антииллюзионист, человек, который своим беспощадным рентгеновским взором проникает сквозь все прикрытия и предрассудки».

Основной причиной широкого и стремительного распространения фрейдизма стала психоаналитическая концепция человека, которая воспринималась как своеобразная модель структуры «гомо сапиенс».

Фрейдовская концепция объясняла душу человеческую, исполненную любви, страданий, пороков и достоинств.

Многие писатели и художники восприняли открытия Фрейда как новаторскую, научно аргументированную критику лицемерного общества, морали и особенно ее ханжеского замалчивания проблемы пола.

Работы Фрейда обосновали пристальное внимание к индивидуальному миру человека. Но ведь это и есть

главная проблема искусства: «Мир Человека и Человек в окружающем мире».

В Европе и США учение Фрейда нередко рассматривается как сильный катализатор современного искусства. На основе обобщения богатейших эмпирических данных фрейдизм обосновал новое, более глубокое представление о природе человека. Он оказал особенно значительное влияние на содержание, форму и творческий метод модернизма. Фрейд привнес авторитет строгой науки в исследование побудительных стимулов и коренных целей человеческой деятельности. То, что интуитивно изображали мастера кисти и слова, у Фрейда обрело системность и аргументацию. Благодаря психоанализу широко распространилась точка зрения, что человеческие влечения и страсть — это гораздо бо́льшая сила в жизни людей, чем социально обусловленная мораль. Вследствие этого искусство углубляется в исследование внутренней реальности человека, проявляющейся, согласно психоанализу, в мифах, символах и сновидениях.

Фрейд «только поднес зеркало к нашим лицам, говоря то, что обычно говорили великие философы и великие трагические писатели». Пожалуй, автор этого суждения, американский литературовед Стэнли Хьюман, прав, но с одной существенной оговоркой: сам Фрейд-ученый тоже смотрелся в это зеркало. И, в свою очередь, испытывал взаимовлияние художников, философов, поэтов. Совсем не случайно для подтверждения идей психоанализа он широко и свободно привлекал факты из античной и современной литературы — от Софокла до Шни́тцлера, популярного австрийского драматурга. Более того, Фрейд считал, что Артур Шнитцлер параллельно и независимо от него открыл близкие психоанализу положения и в поэтической форме выразил то, что позднее было сформулировано им в научной теории. Действительно, один из героев драмы Шнитцлера «Покрывало Беатриче» почти по Фрейду характеризует сущность сновидений.

Фрейд и сам признавал, что в его понимании «поэты — драгоценные союзники, и к голосу их следует прислушаться. Ибо ведомо им многое между небом и землей такого, что не снится нашим школьным мудрецам. В знании психологии поэты оставили далеко позади нас, людей прозы, потому что, творя, они

черпают из таких источников, каких мы еще не открыли для науки».

Фрейд даже готов отказаться от приоритета открытия самого главного в психоанализе — бессознательного. «Поэты и философы открыли бессознательное раньше меня... То, что я открыл, это лишь научный метод изучения бессознательного».

Первую четверть XX века многие деятели науки и культуры не без основания называли «психоаналитической эрой». Например, автор обширного исследования «Фрейд на Бродвее» Д. Сиверс убежден, что драматургия США в результате распространения психоанализа обрела независимость от европейского театра и нашла свое содержание и национальные формы его воплощения. Амбивалентные — раздвоенные — натуры, вроде Бланш Дюбуа из пьесы Теннеси Уильямса «Трамвай «Желание», наводнили подмостки театров мира.

Фрейд разрабатывал на основе психоаналитической теории коренные проблемы эстетики, и в частности, категорию «комического». Привлекая множество фактов литературного и искусствоведческого характера, обобщая клинические наблюдения, Фрейд доказал, что все наши мысли, и слова, и действия обусловлены не свободной волей, а причинно-следственной связью, воспоминаниями, хранящимися в скрытом виде в глубинах подсознания.

В книге «Остроумие и его отношение к бессознательному», которую многие считают шедевром психологического прозрения и анализа научной мысли, исследуя десятки анекдотов, острот, рассмотрев с позиций психоанализа каламбуры Гейне, афоризмы Лихтенберга, Фрейд определил психологическое происхождение остроумия, комизма и юмора, их различие и сходство. В связи с этим он писал: «Во всех трех видах работы нашей душевной деятельности удовольствие вытекает из экономии; все три вида аналогичны в том, что представляют собой методы получения удовольствия из душевной деятельности, удовольствия, которое, собственно, было потеряно лишь вследствие развития этой деятельности. Ибо эйфория, которую мы стремимся вызвать этими путями, является не чем иным, как настроением духа в тот жизненный период, когда мы вообще справлялись с нашей

психической работой с помощью незначительной затраты энергии, настроением духа в нашем детстве, когда мы не знали комизма, не были способны создавать остроты, не нуждались в юморе, чтобы чувствовать себя счастливыми в жизни».

Эта работа, умножившая славу Фрейда и его научной школы, как и «Толкование сновидений», «Основы психоанализа», создана через 15—20 лет после свадьбы Зигмунда Фрейда и Марты Бернайс.

Остается добавить лишь одно: в те четыре года (1882—1886), когда полторы тысячи писем Фрейда летели на крыльях любви к его невесте, молодой, тогда еще малоизвестный ученый был, несомненно, счастлив.

Светлана Лайне

Письма

1882—1886

1882

Большой науке я сделаю серьезный комплимент, если скажу: «Высокая наука, я остаюсь Вашим покорным слугой, Вы внушаете мне глубокое благоговение, но не сочтите меня безнравственным, Вы никогда не смотрели на меня по-дружески, никогда не говорили мне утешительных слов. Вы не отвечаете, когда я пишу; Вы не слышите, когда я говорю; я знаю другую Даму, которую ценю больше, чем Вас, и она стократно вознаграждает меня за служение ей».

Вена, 10 июня 1882 г.

Моя дорогая, горячо любимая девочка!

Я знал, что как только нас будет разделять расстояние, ясно пойму всю меру своих лишений. Но все еще не могу осознать глубину своих чувств. Твой нежный образ неотступно стоит передо мной. Это сладкая греза, солнечная мечта, и я боюсь отрезвления.

Друзья говорят, что это и есть настоящая любовь. Вспоминаю отдельные черты твоего облика, такие прелестные и необычные, дарящие чувство такого блаженства, что никакая фантазия никогда не создаст ничего подобного.

Моя Марта — очаровательная девушка, о которой все говорят почтительно, с уважением. И это при первой встрече пленило меня, а благородное доверие наряду с любезностью усилило во мне веру в собственную ценность и вселило новые надежды, прилив творческой энергии, что так необходимо мне.

Если мы встретимся снова, я смогу преодолеть робость и некоторую натянутость наших отношений. Мы вновь окажемся одни в Вашей милой комнатке, моя девочка опустится в коричневое кресло, а я сяду у ее ног на круглую скамеечку. И мы будем общаться друг с другом... Ни смена дня и ночи, ни вторжение посторонних, ни прощания — никакие заботы не смогут разлучить нас.

Твой прелестный портрет, твой образ... Признаюсь, я сначала недостаточно ценил, когда перед глазами был прообраз, прототип. Но теперь, чем чаще я всматриваюсь в портрет, тем больше вижу и сходство и различие с моей любимой. Я ожидал, что на портрете

бледные щеки станут алыми, как те розы, которые держали твои нежные руки. Но дорогой образ остается спокойным и словно говорит мне: терпение, терпение... Я ведь пока только образ, знак, тень на бумаге, а сущность снова явится тебе, и ты никогда не сможешь меня забыть.

С удовольствием помещаю твой портрет среди моих домашних богов, которые висят над рабочим столом. Но суровые мужские лица, о которых я думаю с уважением, как бы подсказывают мне, что нежное девичье лицо должно быть отделено от них. И я готов хоть двадцать четыре часа в сутки вновь и вновь воскрешать свои воспоминания.

У меня не выходит из головы, что я где-то читал об одном человеке, который носил свою возлюбленную в маленьком шкафу, но после долгих размышлений оставил это занятие. Это, кажется, сказка «Новая Мелузина» в драме Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Этот сюжет смутно напоминает о моих желаниях. Спустя долгие годы я перечитал эту книгу и нашел подтверждение своим догадкам. Притом нашел больше, чем искал. Забавнейшие легкие намеки внезапно то здесь, то там вызывали у меня ассоциации с нашими отношениями.

Но когда вспоминаю, какое значение придаешь ты моему самоутверждению, я то сержусь на эту книгу, то с наслаждением отбрасываю ее, утешая себя тем, что моя Марта — не русалка, а прелестное человеческое дитя. Мы находим общий язык с помощью юмора и хорошо понимаем друг друга, хотя ты, возможно, будешь разочарована, когда вновь перелистаешь эту маленькую книгу о Вильгельме Мейстере. Но мне не хотелось бы забивать твою голову дикими фантазиями и серьезными идеями, которые одолевают меня.

Это письмо, любимая Мартхен, я написал не сразу. Эли [1] и Шенберг были вчера и сегодня вечером у меня; вчера кроме них было еще несколько девушек. Чтобы не возбуждать никаких подозрений, я казался обходительным, компанейским, хотя охотнее остался бы наедине с собой.

Только взгляд Шенберга доставил мне отраду, и рой самых дорогих воспоминаний — в красках и зву-

[1] Эли — брат Марты.

ках — ожил во мне, когда я смотрел на его энергичное, честное лицо. Главный человек в этих воспоминаниях ты, волшебница... И потому Шенберг, которого ты и я знаем, становится мне с каждым днем приятней.

...Помню прощание с тобой на вокзале и твой последний привет. А сегодня услышал от Эли известие о твоем приезде, о котором страстно мечтаю.

Твой брат, мне кажется, хорошо себя чувствует у нас в Вене. Я не пошел с ним дальше, сказав ему, что с момента твоего приезда я не одинок. Кроме того, я нашел забвение в работе и утешил себя верой в то, что Марта будет моею так долго, как долго останется Мартой.

Моя дорогая невеста! Если я не решался раньше связать твою судьбу с моею и разделить не только радость, но и суровое несчастье, если я должен тебя все-таки увезти, то позволь это сделать теперь. Постарайся забрать у твоих любимых родственников все фото, на которых ты еще ребенок. Мне думается, я смогу сохранить старые фотографии, которые принадлежат твоей матери, по меньшей мере, до твоего возвращения. Если тебе нужно что-нибудь отсюда, я буду счастлив, как никто другой, выполнить любое поручение.

Позволь мне знать все о твоих нынешних отношениях (деловых, дружеских). Это даст мне возможность легче перенести твое отсутствие.

Используй пребывание в Гамбурге для укрепления своего здоровья. Я бы с удовольствием посмотрел на твои щеки, пухленькие, как на детских фотокарточках.

День уже заканчивается, письмо уже полностью написано, лист бумаги кончается, и я вынужден завершить таким образом беседу с тобой... Будь здорова и не забывай бедного мужчину, чью душу ты спасла и осчастливила.

Твой Зигмунд.

Минна [1] передала мне сердечный привет через Шенберга.

---

[1] Минна — младшая сестра Марты Бернайс.

Вена, вторник, 27 июня 1882 г., до полудня, в лаборатории

Моя милая невеста, я вырвал несколько листов из моей расчетной книжки, чтобы написать тебе во время эксперимента, который провожу. Перо я похитил с рабочего стола профессора. Коллеги думают, наверное, что я занят только экспериментами и один из них даже задержал меня минут на десять. Рядом со мной один врач для бедных исследует в лаборатории мази, не представляют ли они вред для здоровья.

Передо мной в аппарате кипят и вздымаются клубами газы, за которыми я должен начинать наблюдение.

В целом здесь все располагает к самоотречению, ожиданию. Химия состоит на две трети из ожидания; жизнь, очевидно, тоже, и самое прекрасное, что можно себе позволить, это то, что я сейчас делаю.

Твое милое письмецо пришло неожиданно и потому вдвойне желанно. Я чувствовал себя на седьмом небе от счастья, ощущая в дорогих строках очаровательное смущение. Будь внимательна, девочка, наведи снова порядок в своих выдвижных ящиках, я надеюсь,— новый порядок. ...Хотел еще что-то сказать, но мой изначально глупый сосед втянул меня в беседу о солях ртути. Да осудит его Бог за это.

Твое письмецо как бы компенсировало сегодняшнюю скверную погоду, оно словно солнечный луч в голубом небе, хотя на самом деле туманно и дождливо.

Почему ты думаешь, что адрес, по которому ты теперь написала письмо, бросается в глаза. Здесь это наиболее удобно, или ты думаешь, что этот адрес бросается в глаза именно в Вандсбеке? Твое письмецо (я не хочу больше говорить «очаровательное») прибыло из Берлина. Я хотел бы сказать все самые ласковые слова в твой адрес — сожалею только, что знаю их так мало.

На конверте — почтовый штемпель Гамбурга. Вандсбек так близко от Гамбурга? Ты уже видела море? Шлю ему большой привет, мы еще придем к морю вместе. Земля и море должны действовать сообща, а моя невеста должна оставаться цветущей. Разлука сделает ее еще более привлекательной.

Я так тщеславен, что хочу уважать и признавать тебя все-таки не больше, чем родину. Как это дерзко с моей стороны, если знать, что ты — любима.

Бедная Минна должна была выдумывать пять страниц длинного письма экспромтом. Что за опасные вещи написала ей Мартхен? Позволь мне все-таки знать, что пишет обо мне Эли. Это должно быть довольно забавно.

Ты делаешь меня ленивым, Мартхен. Я работаю в течение дня, но вечером я совершенно не способен даже книгу посмотреть. Поэтическими произведениями не интересуюсь. Потому что сам пережил прекрасную поэзию.

Большой науке я сделаю серьезный комплимент, если скажу: «Высокая наука, я остаюсь Вашим покорным слугой, Вы внушаете мне глубокое благоговение, но, не сочтите меня безнравственным, Вы никогда не смотрели на меня по-дружески, никогда не говорили мне утешительных слов. Вы не отвечаете, когда я пишу; Вы не слышите, когда я говорю; я знаю другую Даму, которую ценю больше, чем Вас, и она стократно вознаграждает меня за служение ей. У нее только один слуга, не тысячи, как у Вас. Вы поймете, что теперь я посвящаю себя невзыскательной, милостивой Даме. Вспомните меня добром, я снова вернусь. Я должен писать Марте».

Но все будет выглядеть по-иному, лучше, если смогу ежедневно видеть мою Мартхен и говорить с ней.

Обе Дамы (и Наука, и Марта) смогут тогда мирно уживаться, ладить друг с другом, и гордая, неприступная Дама должна будет уступить другой — ласковой и скромной, чтобы направлять путь и вознаграждать.

Вчера я был у своего друга Эрнста фон Флейшля [1], которого я до сих пор не представил тебе. Раньше я во всех отношениях завидовал ему. Теперь у меня есть преимущество. Он десять или двенадцать лет был помолвлен; она была его ровесницей и готова была сколько угодно ждать его, а он поссорился с нею по неизвестным мне причинам.

Эрнст — отличный человек, по натуре и воспитанию он принадлежит к числу лучших. Его физическое совершенство, развитое упражнениями, сочетается с глубоким умом и многообразными дарованиями.

[1] Эрнст фон Флейшль (1847—1891) — ассистент Венского института физиологии.

Красивый, благородный, наделенный всеми талантами и прилежанием, имевший оригинальное суждение о большинстве вещей, он был моим идеалом. Когда мы стали друзьями, я искренне радовался его достоинствам. На этот раз поделился с ним мнением об одном памфлете, а он учил меня японской игре «Гоу». Он поразил меня тем, что изучает санскрит. Я обещал держать это в тайне, но сразу же знал, что раскрою Марте эту тайну, как и другие, более важные.

Я думал о друге, который превосходит меня во многих отношениях, и меня вдруг пронзила мысль, как он мог бы поступить с такой девушкой, как Марта, какое сияние он мог бы придать такому алмазу, как Марта? Ведь ты уже привела в восторг наш бедный Календерг. И Альпы, и водный путь в Венецию, и великолепие собора святого Петра в Риме меркнут по сравнению с тобой. Наверное, это прекрасно — ощущать значимость и влияние любимого, такого мужчины, как Эрнст, у которого немало преимуществ предо мною. И возможно, девять лет ее счастливой жизни резко контрастировали бы с девятью годами моего скромного бытия. Но я умею ждать, и Бог вознаградил меня, послав такое сокровище, как ты, Марта. Я испытал настоящее мучение, живо представив себе, как легко могла бы случиться твоя встреча с Эрнстом. Ведь он ежегодно проводит два месяца в Мюнхене, вращается в обществе образованных людей. Его вполне могла бы увидеть Марта, например, у своего дяди [1]. Хотел бы я знать, какое впечатление произвела бы на него она.

Затем я отбросил прочь мрачные плоды своего воображения. Мне стало ясно, что я не уступлю свою возлюбленную, если даже она поступит неверно по отношению ко мне. Часть счастья, от которого Марта добровольно отреклась в час нашей помолвки, мы еще наверстаем. Девушка должна обещать оставаться довольно долго молодой, бодрой и свежей, и даже спустя девять лет так прелестно удивляться всему новому и прекрасному, как она это делает теперь.

Надеюсь, Марта все-таки не уйдет с головой в домашние заботы, ведь Марта — не Лизетта [2].

---

[1] Михаэль Бернайс (1834—1897) — дядя Марты, профессор истории литературы Мюнхенского университета.

[2] Лизетта — персонаж одного из стихотворений Христиана Геллерта (1715—1769).

Должен ли я в будущем иметь нечто лучшее, если заслужу? Мечтаю только об одном: Марта станет моею.

Сердечный привет моей дорогой от Зигмунда.

Гамбург, воскресенье, 23 июля 1882 г.

Натан называет тебя еврейкой.
Какой жизнерадостный еврей!
Говори дальше,
Что еще скажет бравый Натан?

Эти строки из драмы Лессинга или нечто подобное. Я не могу сейчас побежать в городскую библиотеку, чтобы проверить цитату. Тот, кто навечно стоит на Генземаркт [1], простит меня за такую вольность.

...Вспоминаю первые дни нашего знакомства. Признаюсь, я сразу влюбился в маленькую девушку и неожиданно для себя оказался в Гамбурге [2]. Помнишь, ты прислала мне кольцо, которое твой отец некогда подарил матери. По аналогии я заказал другое маленькое кольцо для твоего крошечного пальчика. Но оказалось, что настоящее кольцо, то есть подлинник вещи, у тебя дома. Все, кто видел его, говорили, что это копия подлинника, совсем как в драме Лессинга. Мне было досадно от этого. В голову лезли мрачные мысли, казалось, никого не смогу полюбить. Меня осенила грустная мысль: не любит ли она другого, а, может, другие без ума от нее. Вот с таким умонастроением я приехал в Гамбург. Утро было, как всегда, теплым и прекрасным, а вечер похож на утро. День же я благодарил за то, что он так естественно заполняет время между добрым утром и не менее добрым вечером.

Разумеется, я предполагал, что девушек могут отпугивать деспотические свойства моей личности. Но это не заставило меня отказаться от своих стремлений. Я жаждал чего-то исключительного, требовал от жизни великого и в малом хотел увидеть символы значительных явлений.

[1] В Гамбурге на Генземаркт стоит памятник великому немецкому мыслителю и писателю Лессингу (1729—1781).

[2] Марта с семьей в это время жила в окрестностях Гамбурга.

Моя любимая из семьи ученых — и занимается она сейчас писательством, то есть в данное время неутомимо пишет мне письма, как и я. Естественно, ей приходится тратить небольшие деньги на почтовую бумагу. Мне тоже. И вот для моей любимой прилежной девушки я выбрал такую бумагу, на которой она может писать только мне — в этом и состоит мой деспотизм. Внутри каждого листа бумаги — по моей просьбе — гравер великодушно поставил монограммы «М» и «З» — начальные буквы твоего и моего имени. Таким образом, эту почтовую бумагу можно использовать только для общения со мной.

Человек, которому я в пятницу заказал эту необычную бумагу, обещал исполнить только в воскресенье. «Поскольку в субботу,— сказал он,— мы не работаем. Так у нас принято испокон веков». Ох, я знаю эти старые обычаи!

Коммерсант, к которому я обратился, был моложавым, покровительственно-любезным господином. На вид я дал бы ему пятьдесят четыре года. Я сильно заблуждался. Оказалось, что семьдесят четыре года. Он хвастался своей работоспособностью и страстью к наслаждениям. Более того, он уверял, что и не думает скоро расставаться с жизнью. Этот человек мне понравился. У меня тоже было оптимистическое настроение в тот момент. В воскресенье мы встретились вновь. Он очень гордился качеством и элегантностью выполненных монограмм. Видимо, я тоже немного импонировал ему, ибо он обошелся со мной не только как с клиентом, но и решил показать здание немецкого банка напротив его магазина.

— Там лежат деньги гамбургских коммерсантов, не желающих хранить их дома. Подвалы банка до отказа заполнены золотом и серебром.

Я высказал предположение, что часть драгоценных металлов, вероятно, находится и на складах его магазина. Тогда он мне подробно объяснил, почему так много богатых людей стремится положить свои сбережения именно в банк.

— Если клиент виноват и задолжал мне, то, вместо того, чтобы платить наличными, он идет в банк и переводит деньги со своего счета на мой,— пояснил мой собеседник.

Должен признаться, что я так и не понял особен-

ностей банкового дела, связанных с уплатой долгов. Но старик не отпускал меня, и мне пришлось поставить стул рядом с ним. Он расспрашивал, где я уже побывал, рекомендовал мне и то и другое и сказал:

— Я охотно показал бы Вам город, но я старый еврей, Вы только посмотрите на мою внешность.

Его борода была взлохмачена. «Мог бы вчера побриться в парикмахерской»,— подумал я.

— Не правда ли, Вы знаете, какой пост скоро наступит?

К сожалению, я знал. По преданию, спустя несколько лет после рождества Христова был разрушен Иерусалим. Но нужно ли все это рассказывать тебе, моя любимая? «Что мне Гекуба?» [1] Мне совершенно безразлично это. Иерусалим разрушен, а Марта и я живы и счастливы. Возможно, будущие историки докажут, что если бы Иерусалим не разрушили, то евреи погибли бы, как многие народы до этого события. Только после разрушения былых храмов началось формирование иудейской религии.

— За девять дней до иудейского поста мы отказываемся от любых удовольствий. Это — память о разрушении Храма в Иерусалиме. Нас здесь немного людей старой закалки и мы крепко придерживаемся религиозных традиций. Но, правда, от жизни не отгораживаемся. Многим мы обязаны одному человеку.

Раньше в Гамбурге и Альтоне [2] была одна еврейская община, позже она разделилась. Религиозным образованием занимались раввины, уже давно осевшие в Германии. Пригласили мы известного тогда раввина Бернайса [3], незаурядную личность. Этот человек и занимался нашим духовных воспитанием. Был ли он уроженцем Гамбурга? Нет, он приехал из Вюрцбурга. Наполеон I в свое время послал его туда учиться. Он прибыл сюда, в Германию, совсем молодым человеком, но до тридцатилетнего возраста он жил не здесь.

— Знали ли Вы его семью? — поинтересовался я.

— Конечно. Я рос вместе с его сыновьями,—

[1] «Что мне Гекуба?» — выражение из трагедии Шекспира «Гамлет».

[2] Альтона — район Гамбурга.

[3] Дедушка Марты — Исаак Бернайс (1792—1849) был раввином германо-израильского объединения синагог.

и напомнил два имени: Михаэля Бернайса в Мюнхене и Якоба Бернайса [1] в Бонне.

— Да,— подтвердил он,— но был еще и третий сын, который жил в Вене. Он умер там. При жизни он все время был как бы в тени по сравнению с братьями. Я тоже знал его. Богатая натура отца удачно воплотилась в детях. Отец был лингвистом, филологом, комментировал старинные трактаты. Дети тоже стали выдающимися людьми, унаследовав отцовский талант. Первый сын стал известным филологом, продолжившим исследования отца. Второй обладал тонким художественным вкусом и в своих работах раскрыл огромное эстетическое богатство творений наших великих поэтов. Третий сын [2], серьезный и замкнутый, осмыслил жизнь глубже, чем это возможно с помощью науки и искусства. Он, по мнению многих знавших его, был идеальным человеком. Он создавал новые духовные богатства, а не истолковывал уже созданные сокровища человеческой мысли.

Копию его кольца — драгоценный сувенир на память о нем — подарила мне Мартхен. Если бы этот старый еврей, с таким воодушевлением рассказывавший о благотворном влиянии своего духовного учителя, мог догадаться, что мнимый доктор Вале [3] из Праги завтра будет целовать внучку того высокочтимого господина!

А старый еврей все предавался юношеским воспоминаниям, и черты Мудрого Натана, героя драмы Лессинга, виделись мне в его колоритном облике. Он отзывался о незабываемом наставнике юности, раввине Исааке Бернайсе как о человеке духовно щедром, гуманном и глубоко религиозном. Мудрый раввин полагал, что не следует навязывать свои взгляды тому, кто ни во что не верит. Порой он становился очень требовательным. То, что нам по легкомыслию казалось не столь важным и даже безрассудным, он осмысливал как непреложный закон. Например, он считал, что грешно безразлично относиться к религиозным заповедям о пище. Вообще, это может стать предметом глубоких размышлений. Действительно, человечество в течение столетий верит. Следовательно, веру,

[1] Якоб Бернайс (1824—1881) — профессор филологии в Бонне.
[2] Борман Бернайс (1826—1879) — отец Марты.
[3] Доктор Вале — друг Фрейда и прежний поклонник Марты.

религию ни в коей мере нельзя считать безрассудством. Напротив, в религии есть некий высший смысл. Когда Бог создал первых людей, поселив их в садах Эдема, земного рая, то первой его заповедью стала, как известно, заповедь о пище — от какого древа они могли вкушать, а один из них не имел разрешения на это. И если одна из первых заповедей Господних касалась пищи, то вправе ли мы равнодушно наблюдать, когда ее нарушают.

Он поделился со мною еще несколькими глубокосодержательными толкованиями религиозных заповедей. Святое писание претендует исключительно на истинность и предполагает покорность и послушание верующих. Но все это никак не связано с неотъемлемым правом человека на сомнения и уж тем более на ниспровержение каких бы то ни было авторитетов.

Но Лессинг прав в том смысле, что религиозное воспитание многих поколений обусловило прогресс человечества. Влияние религии на сознание человека огромно, особенно когда религиозные, глубоко философские идеи перестали быть застывшими догматами. Они стали объектом глубоких научных размышлений и, конечно, оказали огромное влияние на мировое искусство, поэзию и литературу. Сколько гениальных мыслителей и поэтов черпали из религиозных сюжетов духовную пищу для своих творений. Даже если отвлечься от глубокого содержания религии, то надо признать, что ее необычайная одухотворенность и логическая стройность вдохновляли лучшие умы человечества.

Старый еврей хорошо запомнил все наставления гамбургского раввина. Не потому, что воспринимал его как святого, нет.

— Он учил нас радоваться, постигая глубокий смысл религиозного учения. Он был настроен критически по отношению к земной жизни и давал нам ясные представления о благих и совершенно определенных целях религиозного воспитания.

И все это хранил в своей памяти старый еврей, сделавший нашу монограмму для внучки своего Учителя.

— Раввин не был сухим аскетом. Напротив, он внушал нам, что все люди, и евреи, в частности,

созданы для радости, труда и наслаждения. Он жалел каждого, кто не мог радоваться и наслаждаться.

Здесь я вспомнил Эли с его жизнерадостным мироощущением: «Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо». А старый еврей продолжал говорить о необходимости радоваться даже малому в этой жизни, а за каждую удачу благодарить Бога. И главное, помнить, что все в этом прекрасном мире взаимосвязано. Человек создан для радости, повторял он, радость — для человека. Его наставник особенно настойчиво провозглашал это в дни празднеств.

— В Новый год христианин обычно полагает, что наступят лучшие времена, а все плохое — уйдет. Для еврея Новый год — торжественный день примирения и согласия, день, определяющий его судьбу на целый год. Казалось бы, мы должны испытывать страх перед решением Господним, но этого, к счастью, не происходит. Напротив, стремимся доказать, что любим Бога и целый день постимся. Мы соблюдаем пост, потому что любим Бога. А любовь может принести и не такую жертву. Новый год, таким образом,— это праздник любви Бога. Иудейская религия учит, что человек в этот день должен ощущать радость. Словом, это праздник Божьей радости.

В это время пришел другой клиент, и Натан, прервав речь, мгновенно превратился в ловкого коммерсанта. Я взволнованно откланялся, но старый еврей, наверное, так и не догадался, какое отношение имею я к его Учителю. На прощанье он обещал, если будет по делам в Праге, то не откажет себе в удовольствии разыскать меня.

Увы, он не найдет меня в Праге. Но, чтобы не огорчать его, хотелось бы доставить ему другую радость. Если моя Мартхен приедет в Вену и возьмет что-нибудь из семейных реликвий, напоминающих о ее благородном деде, мы зайдем на Адольфплац к тому старому еврею, ученику твоего дедушки, и ты назовешь свою фамилию — Бернайс. И старый еврей поймет, как много воды утекло с тех пор, когда он благоговейно внимал своему Учителю, но благородство раввина Бернайса живет в его внучке.

Верю, это важно знать и для нас с тобой. И если религия способна придать жизни высокий смысл и радость, то она не покинет наш дом.

Вена, 18 августа 1882 г., ночью

А мне любовь лишь
Твоя нужна.
Дает мне радость
И жизнь она.
Мой друг, для счастья,
Любя, живи,—
Найдешь ты счастье
В своей любви [1].

Моя любимая!

Один мой друг, неисправимый грешник, с которым охотно делюсь жалобами на несовершенство мира, сегодня вдруг вытащил из книжного шкафа томик Гете и прочел из его неподражаемых стихов эти строки. В них столько глубокого внутреннего чувства.

Эти поэтические строки созвучны сейчас моей душе гораздо в большей степени, чем моему другу. И я, чтобы не выдать своего волнения, поспешил расстаться с ним. Хотелось остаться наедине со своими мыслями.

Работа уже не спорилась, сосредоточиться в тот день после обеда, как ни старался, не смог. После обеда мне встретился давний товарищ, с которым вместе учились в университете. К сожалению, трагические неудачи отбросили его далеко от первоначальных замыслов юности. Общение с друзьями приобретает теперь особую притягательность; почти одновременно мы ощутили серьезность жизни. Идеалы, казавшиеся нам в юности высокими и легкодостижимыми, отодвигались все дальше и дальше. В результате они стали еще дороже. Некоторые замкнулись в себе и уже молча старались сохранить в своем сердце эти высокие стремления.

Сейчас я расстроен, устал и уже с меньшей надеждой смотрю в будущее. Но, размышляя о своей судьбе, я не хотел бы променять ее ни на какую другую. Я думаю не столько о себе, сколько о Мартхен, моей Мартхен, и мне так хочется предложить ей что-нибудь хорошее.

Почти все мои друзья очень бедны и обещают друг другу помочь, если смогут. Они — хорошие люди, иначе я не считал бы их своими друзьями. Но, по сути,

[1] Перевод А. Глобы.

мы, к сожалению, так мало можем помочь друг другу. И тем не менее редко кто из них не стремится вселить надежду и поддержать другого. Я задумался о психологии этого состояния. Ведь человек, поддержавший другого, и сам становится сильнее, увереннее от того, что сделал благое дело. Таким образом, он как бы возвысил и собственную душу. А глубинный психологический механизм этого явления, мне кажется, таков: благодетель, принимающий хотя бы частично несправедливости мира на себя и отводящий их от друга, подсознательно, а может быть, сознательно, надеется, что аналогично поступят и по отношению к нему.

Это счастье — быть любимым девушкой, которая стала твоей избранницей. И все-таки я не вправе отрекаться от того, что многие мужчины помогают мне выжить.

...Итак, я легко примирился с тем, что мы так бедны. Рассуди, моя милая, если бы успех точно соответствовал заслугам, то задушевное отношение между людьми, возможно, и поубавилось бы.

Я не знаю, любишь ли ты или тебе лишь приятно мое признание в любви. Если бы со мною случилось несчастье, разве могла бы моя девушка сказать: «Я больше не люблю тебя. Ты потерял всякую ценность в моих глазах». Это было бы чудовищно и напоминало мир официальных чинуш, о заслугах которых можно судить по мундиру, погонам да наградам на груди.

Неужели все в жизни зависит от капризного случая? Богатых баловней судьбы благополучно минуют несправедливости и несчастья. А что же остается бедным? Может ли для них верная любовь стать такой ценностью, без которой все на свете меркнет или становится фальшивым? Без тебя я невзрачен и беден, с тобой я стану богатым и сильным, равнодушным ко всеобщему признанию, верю в это.

О, моя дорогая Мартхен, мы так бедны. Но это — не причина отступать от добрых традиций: мы должны сообщить все родственникам и знакомым, что любим друг друга и хотим жить вместе. Но тогда нас спросят: «А что у вас за душой, какой капитал?» — «Ничего, кроме того, что верно любим друг друга».— «И больше ничего?»

Что же нам нужно практически? Две или три комнатки, где можно жить, есть, встречать гостей. Печь,

в которой всегда пылал бы огонь для приготовления пищи.

А каким должно быть внутреннее убранство жилья? Столы и стулья, кровати, зеркало, напоминающее нам, счастливым, о стремительном беге времени, кресло для приятных размышлений, ковер, помогающий хозяйке содержать пол в чистоте. Белье, изящно перевязанное лентой и уложенное в ящики шкафа; твое платьице нового фасона и шляпы с искусственными цветами, картина на стене, посуда для каждодневного обихода и бокалы для праздничного застолья, тарелки и блюда да еще крохотная кладовка с маленькими запасами. Туда можно заглянуть, если сильно проголодался или неожиданно нагрянул гость. Большая связка ключей... Мелочи? Но все это приносит с собою радость и уют. Да, прежде всего, домашняя библиотека, ночной столик и лампа, чей мягкий свет располагает к доверительности и интимности. И каждый предмет в доме должен содержаться в хорошем состоянии, иначе хозяйке не понравится.

Многие вещи будут безмолвно свидетельствовать о серьезной работе, благодаря которой содержится такой дом. Другие вещи — символы художественного вкуса хозяев и память о дорогих друзьях, о городах, где они побывали и с большим удовольствием вспоминали о приятных часах, которые так хочется возвратить.

Все это — маленький мир счастья, мир благородной человечности. И это так необходимо каждому. Однако это еще не фундамент семейного очага. Настоящую жизнь в него могут вдохнуть только два человека, невыразимо любящие друг друга. Могут ли влиять на нас такие мелочи, как каждодневный быт? Пока не пробил час великой судьбы, самоотречения, могут — и без всяких сомнений. Но мы должны каждый день говорить, что все еще крепко любим друг друга. Ужасно, когда два любящих сердца не способны найти ни достойной формы, ни времени для ласковых слов. Они как бы берегут нежность на случай неожиданной беды, болезни, когда сама ситуация вынудит их к этому. Не надо скупиться на нежность. Чем более тратишь ее, тем более она восполняется другим. Если о нежности забывают, то незаметно утрачивается душевная связь, и отношения супругов бывают подобны в таком случае

ржавому замку. Вроде бы и есть замок, да что им откроешь, если весь заржавел? Не единожды два любящих сердца оказывались в подобной ситуации.

Думаю о тебе. Ты так далеко от меня. Усилием воли заставляю себя смириться с этим. Мое бедное, милое дитя, сколько печали уже выпало на твою долю, хоть ты и не склонна делиться своими переживаниями. Наверное, не сразу сможешь вздохнуть с облегчением. Ведь порой тебе кажется, что счастье покинуло тебя. Нет, надо стремиться достойно получить свою долю радости жизни. Верю, ты принесешь много счастья. Ты сама — мое счастье, без тебя я падаю духом, все валится из рук. С тобой, для тебя мне хочется энергично действовать, работать и наслаждаться этим миром вместе с тобою.

Сердечный привет тебе. Может быть, в эту минуту ты тоже думаешь обо мне и вспоминаешь то время, когда ждала меня в саду.

Твой Зигмунд.

Вена, 25 сентября 1882 г.

Моя любимая Мартхен!

Не дождавшись твоего ответа, спешу сообщить о себе и своих делах. Честно говоря, мне так не хватает личного общения с тобой. Хочу быть совершенно откровенным и даже доверчивым, что, по-моему, так естественно между людьми, решившими связать свою судьбу, отдавшими друг другу руку и сердце. Тем не менее признаюсь, у меня нет особого желания писать, не получая ответа. Если ты не будешь поддерживать наш диалог в письмах, я, пожалуй, и вовсе прекращу переписку. Пока ведь — только мои монологи, обращенные к любимой в разлуке. Эти монологи нуждаются в поддержке и постоянном развитии, иначе, если негативные эмоции будут накапливаться, может возникнуть ложное впечатление о наших отношениях. Взаимность — вот гарант нашей дружбы и любви.

Я не всегда очень ласков, часто серьезен и откровенен, как это и подобает среди друзей. Убежден, что дружба немыслима без искренности. Все-таки надеюсь,

что ты замечаешь мое отсутствие среди тех, кто окружает тебя сейчас. Отсутствие человека, для которого ты — самая большая ценность на земле. Поверь, я не считаю это своей заслугой. Но понимаю, что мое восприятие твоей личности, мое отношение к тебе очень отличается от тех, кто, не раздумывая, позабавился бы тобой как милой игрушкой. Для них такой выбор очень легкий и предпочтительный.

Моя милая, хорошая, не подумай, пожалуйста, что мне доставляет удовольствие упрекать тебя. Нет, я лишь считаю, что между нами не должно быть никаких недомолвок и обид. Ты ведь прекрасно понимаешь, с того момента как мы решили связать свою судьбу в одну, мы оба должны стать иными, чем прежде, то есть жить интересами и заботами друг друга. Смею заметить, что и в старости ничто не сможет вытеснить нынешний образ любимой девушки.

Буду крайне удручен, если в итоге ты загрустишь и заплачешь. Нет, ты постарайся поставить себя на мое место. А если вдруг и я зареву от обиды?

Супружество — трудная задача. Чтобы решить ее, мы должны крепко поддерживать, а в случае необходимости и исправлять ошибки друг друга. Одни лишь страстные любовные признания не помогут. В моем представлении семейная жизнь немыслима, когда один скрывает свои неприятности от другого, утаивает реальное положение вещей. Жить вместе — значит помогать друг другу во всем, делить и радость и беду.

Мне кажется, девушки обычно ждут и даже требуют от дружеского общения с мужчиной только сплошных удовольствий. Вы, девушки, часто вполне удовлетворены, если соблюдены только внешние приличия и можно о ком-нибудь отозваться примерно так: «Он (или она) сегодня так мил и сердечен».

Когда в августе я был нездоров и Эли навестил меня, он укоризненно спросил, почему я, тяжелобольной, не лег в больницу, чтобы не обременять родных. Вот такого в наших отношениях не должно быть, моя любимая. Ни при каких обстоятельствах мы не можем быть в тягость друг другу. Мечтаю проводить с тобою тихие, светлые часы, окружить тебя вниманием и заботой и надеюсь на взаимность. Хочется, чтобы мы всегда любили друг друга, уважали бы привычки

и вкусы в той мере, в какой это только возможно между близкими. Надеюсь, мне это удастся.

Скажу откровенно, однажды ты заставила меня глубоко страдать. Помнишь случай, когда ты решила пожертвовать мною ради дружбы с Фрицем, точнее, для Фрица. Я все вытерпел, и в конце концов ты осознала свой проступок. Правда, в тот момент я недооценил твое настойчивое стремление утвердить свою самостоятельность. Ты искренне рассказала мне об этом и как бы дала мне право считать отнюдь не каждое твое решение окончательным и бесповоротным.

Нам так необходимо взаимное доверие. Когда любимая становится еще и другом, это лишь возвышает ее. Было бы ужасной потерей для нас, если бы я, например, вздумал видеть в тебе лишь возлюбленную, а не друга. Содержание наших отношений в таком случае намного обеднилось бы. В человеческих взаимоотношениях прекрасна лишь правда без всяких прикрас и утаиваний.

Вот тебе моя рука, которую предлагаю с сердечным желанием и доверием и поступи со мною так же [1].

Вена, вторник, 5 октября 1882 г.

Кому же другому, как не моей горячо любимой, искренне уважаемой Марте, должен я сообщить о результате своего визита к профессору Нотнагелю [2].

Не сердись, моя прелестная девушка. Сегодня в полдень я был просто смущен и очарован тобою и потому не смог ввести тебя в ту обстановку, в которой оказался, борясь за свое место под солнцем. Но меня волнует не только моя борьба и мои научные интересы, которые внутренне связаны меж собой. Более всего я невыразимо счастлив тем, что ты проявила внимание ко мне. Мне так необходимо твое участие во всем, что связано со мной. Все мои идеи представят большую ценность лишь при условии, если ты при-

---

[1] Письмо без подписи. Вероятно, как предполагает Эрнст Фрейд, оно было передано Марте лично.

[2] Профессор Нотнагель — руководитель Второй медицинской клиники Вены.

мешь участие в их разработке вместе со мною. Хотя итог визита к профессору не совсем такой, как хотелось бы мне, я не вижу никаких оснований терять надежду на лучшее будущее, если ты, мой милый ангел, выдержишь все трудности вместе со мною.

Итак, я был у Н. со всеми моими сочинениями и с рекомендацией Мейнерта [1]. Дом новый, почти готовый, квартира еще пахнет лаком, а комната ожидания просто великолепна. На стене — удивительная картина. На ней изображены четверо детей, один из которых — замечательный юноша, который через двадцать лет займет ведущее положение в медицине; маленькая девочка, с несомненными признаками такой красоты, что уже через десять лет молодежь на студенческих балах будет драться из-за нее. Оба — брюнеты; я предположил — и как оказалось впоследствии — совершенно правильно, что их мать была темноволосой. Кроме них — некрасивая блондинка более старшего возраста; черты ее напоминают отцовские. Она держит на руках дитя, бесспорно похожее на нее.

Затем я осмотрел множество книг вдоль стен, большой портрет серьезной темноволосой женщины, запечатленной с мольбертом основательницы семьи и рядом — мужчина, который будет решать нашу судьбу.

Жутко сознавать, что этот человек знает обо мне решительно все, и я совершенно ничем не могу помочь себе. У меня создалось такое впечатление, словно он принадлежит к другой породе. Древнегерманский дикарь. Совершенно светлые волосы едва отличаются от цвета кожи. Голова, шея, щеки, брови густо заросли волосами. Две огромные бородавки на щеках и переносице. Никакого намека на красоту, но общее впечатление чего-то очень значительного.

Внешне я выглядел взволнованным, но внутренне, как всегда, был готов к борьбе за свои идеи.

— Мне поручено вручить Вам рекомендательное письмо профессора Мейнерта и выразить его сожаление по поводу того, что он не застал Вас на днях. Возьму на себя смелость передать Вам его открытку, поскольку это в моих собственных интересах.

В то время как он читал письмо, я присел на корточки и увидел, что там было написано:

[1] Профессор Мейнерт — руководитель психиатрической клиники, в которой работал Фрейд.

«Уважаемый коллега! Я рекомендую Вам г-на доктора Зигмунда Фрейда. У него несколько ценных работ в области гистологии. Прошу обратить внимание на его пожелания и стремления.

Надеюсь вскоре увидеть Вас. Ваш Теодор Мейнерт».

— Рекомендация моего коллеги Мейнерта очень важна для меня. Итак, что Вы желаете, господин доктор?

Когда он обращался ко мне, возникало очень приятное впечатление. Он говорил, как человек, действительно думающий, и в его словах таилась мысль, сдержанная, но вызывающая доверие.

— Хотя, конечно, нетрудно догадаться о Ваших устремлениях. Известно, что теперь Вы хотите занять должность ассистента. Можно предположить и то, что спустя некоторое время — короткое или продолжительное,— займете другое, более высокое положение. Ваши научные работы представляют определенный интерес. У вас будет достаточно возможностей продолжить свои медицинские исследования. Словом, я придерживаюсь мнения представить Вас как претендента на должность ассистента. У Вас с собой Ваши работы, господин доктор?

Я вытащил из кармана мои статьи и комментировал их, в то время как он просматривал тексты.

— Сначала я был зоологом, потом — физиологом, теперь занимаюсь гистологией.

Я закончил и уже собрался уйти, чтобы не занимать драгоценное время профессора, как советовал мне Брюкке, который не́когда начинал у него ассистентом. Но тут начал говорить он:

— Не буду скрывать от Вас, здесь побывали многие господа в качестве претендентов на вакантную должность. Не хочу вселять в Вас никаких надежд. Это было бы бессовестно с моей стороны. Но я намерен назвать Ваше имя как претендента на эту вакансию и постараюсь помочь Вам в этом деле. Другие кандидаты будут свободны. Как я уже сказал, не даю никаких обещаний, да Вы и не ждете их. Поживем — увидим. Ваши работы я хотел бы оставить у себя.

Это прозвучало совсем по-дружески. Когда я отдавал ему свои статьи, он уже не казался мне таким резким, как раньше.

Дело в том, что первое место уже было обещано одному кандидату (сыну пражского профессора, как гласит молва), и речь может идти о второй вакансии. судьба которой еще не решена. Но профессор намерен оставить за собой свободу действий, хотя он серьезно воспринял мою кандидатуру.

— Еще одна просьба, г-н профессор. Теперь я аспирант в больнице широкого профиля, и если Вы не можете вселить в меня никаких надежд и раскрыть перспективы, то, возможно, Вы позволите проходить аспирантуру у Вас, как и все другие?

— Что это значит — аспирант? Я не очень хорошо ориентируюсь в этом.

Я коротко объяснил ему (моя девушка должна смириться с подробным рассказом), что наша больница состоит из двух частей: клиники и отделений. В клиниках профессор ведет занятия с аспирантами и студентами, в отделениях главный врач вместе с младшими врачами (без студентов) лечит больных. Профессор имеет право выбора, кого именно из аспирантов он возьмет, главврач лишен возможности тщательно отбирать младших коллег. Каждый врач может стать аспирантом, как я, но при этом он надеется и ждет, что, возможно, освободится вакансия младшего врача в больнице. Поняла, Мартхен?

Профессор Н., казалось, ничего не понял, поскольку он резюмировал так:

— Если у Вас есть перспектива занять место хирурга и представится шанс, не упустите его. Продолжайте работать в области науки, а когда подойдет время, рассмотрим Ваше заявление о должности ассистента. Я приму это в расчет.

— Но у меня нет возможности сейчас в полной мере отдаться науке. Я должен освоить медицину во всех ее аспектах, предельно широко и быстро. Чтобы обрести научную самостоятельность, вероятно, уеду в Англию, где у меня есть родственники. Я уже долго работал даром, за спасибо.

Придется оставить незавершенной одну работу, связанную с химией в медицине, которую уже начал.

— Не думаю, что Вы должны непременно что-то публиковать,— сказал он в ответ,— продолжайте работать только в научном плане. Ведь можно заниматься научными исследованиями.

— Я знаю это, и кроме того, методы работы физиолога не очень отличаются от режима научного работника.

— Вот именно,— подхватил он.

— Хотелось бы заняться тем, что в ближайшее время потребуется практикам.

— Делайте это, если считаете нужным. С моей точки зрения, Вам ничто повредить не может, и если возникнет подходящая ситуация, я дам знать.

— Итак, если я Вас правильно понял, мне нужно действовать так, словно и не было разговора с Вами.

— Да,— сказал он,— обеспечьте себя на все случаи жизни. Я ничего не могу обещать. Это было бы безнравственно с моей стороны. И все-таки Вы предпочитаете академическую или практическую карьеру?

— Мои склонности и моя прежняя жизнь доказывают, что лучше — первое, но я должен...

— Да, Вы должны жить и в настоящий момент зарабатывать на жизнь. Я это понимаю. Еще раз повторяю: поживем — увидим.

После этих слов он встал.

— Благодарю Вас в любом случае. Могу ли я спустя некоторое время получить мои работы? Это последние экземпляры.

— Как только прочту их, прошу Вас через три-четыре недели зайти ко мне и я возвращу всё. Теперь я очень занят.

— Позвольте поблагодарить Вас, господин профессор. Впрочем, самое существенное содержится также в годовом отчете и учебнике профессора Швальбе «Неврология».

Еще один поклон, и я ушел.

Ну, моя любимая, каково? В ближайшее время ничего не изменится. Первое место уже потеряно. Что касается второй должности, то я, конечно, буду принят в расчет как конкурент, о чем профессор честно и сказал. Через несколько дней Мейнерт, который пользуется у Н. большим авторитетом, лично будет ходатайствовать за меня, и если он, вместе с другими друзьями, которые есть у меня среди профессоров, сделают это, тогда мои шансы возрастут. Пока же буду продолжать работать так, словно ничего не произошло. Я еще подумаю над тем, чем энергично заняться именно сейчас. Размышляю над непривлекательной, но прак-

тически очень важной и интересной областью кожных заболеваний.

Завтра хочу зайти к Мейнерту и сказать, что никакого свободного аспирантского места там нет. Вот такие у меня намерения.

Твоя бедная мать, несмотря на то, что наши интересы антагонистичны, симпатичный человек. Надеюсь, ей уже стало лучше. И еще надеюсь увидеть тебя в субботу приблизительно в десять часов утра.

Твой верный Зигмунд.

1883

Моя любимая!

Ты все-таки больше никогда не говори мне, что ты холодна и не можешь найти верных слов для выражения своих чувств. Даже когда ты упрекаешь меня в чем-нибудь, то делаешь это так удивительно нежно, что я мог бы ответить только долгим поцелуем и сердечными объятиями, и не иначе. Надеюсь, когда-нибудь это станет приятным воспоминанием для нас, и тогда я расскажу тебе, как тосковал и страдал без тебя. Страдал так сильно, что даже не могу окончательно поверить, что ты будешь рядом со мной всегда.

Вена, 13 июля 1883 г.,
2 часа ночи

Садовник Бюнзов [1] — счастливый человек, поскольку имеет возможность приютить мою возлюбленную. Почему я не стал садовником или поэтом вместо прозаической профессии врача? Если тебе потребуется помощник для работы в саду, то готов предложить свои услуги, чтобы говорить маленькой принцессе доброе утро и, может быть, когда-нибудь попросить поцелуй за букет. Но я отправил письмо не садовнику Бюнзову, а тебе, моя дорогая, моя Корделия-Мартхен. Объясню, почему написал так поздно. Ведь тебе интересно, любимая?

Твоя ангина уже прошла, и ты, конечно, воспримешь это письмо благосклонно. Это будет так мило с твоей стороны. Надеюсь, ты напишешь мне об этом. В противном случае, я подумаю, что тебе неприятны мои письма.

Не допускай, однако, слишком сильного заласкивания своего горлышка шарфами и так далее. Не переусердствуй, немного закалки может укрепить здоровье.

Я радуюсь твоим весточкам и надеюсь, ты хорошо питаешься сейчас и отдыхаешь. Если тебе нужны деньги, то напиши мне, моя дорогая. У меня скоро они появятся.

Сегодня был очень жаркий, самый мучительный за последнее время день. От изнеможения я словно впал в детство. Потом заметил, что валюсь от усталости и пошел к Брейеру [2]; а возвратился поздно.

---

[1] Марта отдыхала в это время в Дюстернброке, недалеко от Киля, и жила в доме садовника Бюнзова.

[2] Доктор Йозеф Брейер (1842—1925) — венский физиолог.

У него болела голова, и он, бедняга, принял соль салициловой кислоты. Первое, что он сделал, отправил меня в ванну, откуда я вышел помолодевшим. Первая мысль, после того как воспользовался его гостеприимством, была о тебе: будь моя Мартхен здесь, она одобрила бы мой визит.

Конечно, моя девочка, еще долгие годы я буду нуждаться, и я не рассчитываю ни на какое неожиданное чудо, кроме как на возможность всегда, всю жизнь быть вместе с тобою, любимая. Затем мы, без пиджаков, поднялись наверх (я пишу в домашнем халате), сели ужинать и начался длинный медицинский разговор об отклонениях, морали интимных отношений и нервных болезнях, и снова предметом обсуждения стала твоя подруга Берта Паппенхейм [1]. Мы очень искренне и глубоко доверительно относимся друг к другу, и он рассказал мне то, что я тебе должен сейчас сказать: женюсь на Марте, она станет женой, появятся дети... И тут я расстегиваюсь и добавляю: на той самой Марте, у которой теперь в Дюстенброке небольшая ангина. Марта и есть, собственно, настоящая Корделия и теперь, когда наступает глубочайшее внутреннее доверие, больше не надо ничего.

Тогда он вдруг совершенно неожиданно признался, что называет жену именно так, Корделией, потому что она сохранила нежность и не разменивалась по пустякам, не пошла против своего отца.

У обеих Корделий, тридцати семи лет и двадцати двух лет, должно зазвенеть в ушах, потому что мы вспоминали о них с серьезной нежностью.

Ну, а теперь — сердечный привет, ибо я еще не проснулся окончательно.

Твой Зигмунд.

[1] Берта Паппенхейм — пациентка Брейера, известная как Анна О. по совместному исследованию Брейера и Фрейда «Этюды об истерии» (1895).

Вена, 29 августа 1883 г., среда, после полудня

Моя любимая Марта!

Твое очаровательное и умное письмецо, твое точное описание ярмарки в Вальдебекер очень порадовали меня. И это так содействует улучшению моего здоровья. Если бы не катар, то я мог бы говорить о хорошем самочувствии.

Ты думаешь почти так же, как Вагнер в «Фаусте» во время прекрасной прогулки, и я должен действовать с обдуманной мягкостью доктора Фауста: я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

Любимая, ты совершенно права. Сутолока и толчея на ярмарке, хотя и нравятся народу, не предрасполагают мыслящего человека к высоким помыслам. Для меня ожидаемые и уже имеющиеся наслаждения — это прежде всего часы беседы с любимой, ласковой девушкой. А кроме того, огромное наслаждение — чтение, которое с ощутимой ясностью представляет нам, что мы думаем и чувствуем, помогает понять сложные проблемы жизни, вообще смысл человеческого бытия.

Прости, если я сам себя процитирую, но мне вдруг пришла мысль о том, что я думал о судьбе: темным, неразвитым людям без комплексов живется проще, а мы всегда ощущаем отсутствие чего-то. Чтобы сохранить целостность личности, мы зачастую предпочитаем наслаждение, волнения, тревоги, а не здоровье и развитие наших способностей. Беспокоясь, мы жаждем сберечь свои силы для чего-то, сами не зная для чего. И эта привычка подавлять естественные желания придает нам некий характер утонченности.

Мы воспринимаем мир глубже, и потому можем считать себя способными к глубоким чувствам. Почему мы не спиваемся? Может быть, потому, что нам не приятен кошачий вой, который пьяные вынуждены слушать на улицах. Почему не влюбляемся каждый месяц снова? Если при каждой разлуке обрывается кусочек нашего сердца, то почему порой мы так черствы? Потому что нам тяжелее в несчастье и бедствии.

Мы осознанно стремимся к тому, чтобы поменьше страдать от жизни и побольше получать удовольствия от нее. Все люди, как и мы с тобой, связаны жизнью

и смертью, годами лишены радости. Они понимают, что вместе им легче противостоять тяжелым ударам судьбы, иногда отнимающей самое дорогое. Люди, которые способны на глубокое чувство, могут любить только один раз. Я убежден в этом.

Весь жизненный путь обычного человека предполагает своим непременным условием то, что он будет изо всех сил бороться с повседневной тяжкой нищетой. Хотя нищие, возможно, более свободны от многочисленных условностей общественной жизни. Беднякам поневоле приходится быть толстокожими и лишенными утонченных чувств, иначе они не выдержат всех тягот жизни. Они следуют своим здоровым инстинктам и помнят, что природа и общество направлены против их любви. В таком случае зачем пренебрегать сиюминутным наслаждением, если ничего другого и ждать нельзя?

Бедные слишком бессильны, слишком уязвимы, чтобы у нас возникало желание подражать им. Если я вижу народ, который относится с презрением ко всякому благоразумию, то всегда думаю, что это своеобразная компенсация за все тяготы, эпидемии, болезни, нищету. Все эти беды они, к глубокому сожалению, встречают незащищенными со стороны социальных учреждений.

Не буду дальше развивать эти мысли, однако можно представить, что народ совершенно иначе любит, рассуждает и работает, чем мы. Есть психология простого человека, которая сильно отличается от нашей. У бедных гораздо больше естественных чувств, чем у нас. И только в них еще не погибли страсти, которые продолжают изменять бытие, жизнь, которая для каждого из нас завершается смертью, то есть небытием.

Любимая, если эти разговоры тебе не нравятся, не сердись на меня. Ты не знаешь масштаба твоего влияния на меня. Понимаю, что ты не можешь действовать тем же способом, что и я при определенных обстоятельствах. Это зависит от наших переживаний, наших чувств. Об остальном решительно умолкаю. Вполне доволен, что полностью нахожусь под опекой моей принцессы. Так приятно подчиняться любимой, но если бы мы не были так далеко друг от друга, моя Мартхен.

Та бедная девушка, в судьбе которой я принимал

деятельное участие, на несколько дней перестала меня волновать. При этом было два осложнения, которые совсем не имеют аналога с нашими отношениями. У врача не полностью притупляется чувство человеческой беды. Однако это чувство обостряется, если имеешь счастье, семью.

У меня возникли деловые разногласия с Пфунге, я возражал ему в присутствии профессора Мейнерта. В итоге я оказался прав, хотя Пфунге использовал в споре всю свою взбалмошность и сумасшедшие идеи. Однако я решил признаться тебе, что в моей натуре есть склонность деспота и мне страшно тяжело управлять собой. Ты это уже, конечно, знаешь, и если ты меня, несмотря на это, любишь, тогда я тем более счастлив.

Каждый свободный час я посвящаю работе, началом которой недоволен. Может быть, ты права, Мартхен, когда пишешь, что я чересчур остро реагирую на успехи и неудачи. С моим методом еще не до конца все ясно, однако я размышляю над ним. К сожалению, он не всегда помогает достичь хорошего результата.

Спокойной ночи, моя милая, любимая, моя дорогая принцесса. Твое письмо так необычайно меня окрылило. Остаюсь любящим тебя.

Твой Зигмунд.

Вена, воскресенье, 9 сентября 1883 г.,
3 часа после полудня

Моя любимая!

Ты все-таки больше никогда не говори мне, что ты холодна и не можешь найти верных слов для выражения своих чувств. Даже когда ты упрекаешь меня в чем-нибудь, то делаешь это так удивительно нежно, что я мог бы ответить только долгим поцелуем и сердечными объятиями, и не иначе. Надеюсь, когда-нибудь это станет приятным воспоминанием для нас, и тогда я расскажу тебе, как тосковал и страдал без тебя. Страдал так сильно, что даже не могу окончательно поверить, что ты будешь рядом со мной всегда. Я не имею сейчас права слишком много думать

об этом, иначе терпение мое лопнет прежде, чем я смогу вынести свое нынешнее тяжкое положение.

Марта, отвечая на твои вопросы, я позволю все же заметить, что я не такой сильный человек, как ты думаешь. Я чувствую себя плохо в те дни, когда нет писем от тебя, моя дорогая. Кратковременная бездеятельность пошла бы мне на пользу и доставила приятное удовольствие. Даже если ничего не выйдет с курортом, то я все-таки не буду печалиться. Как уже теперь знаешь, с отдыхом в Кашау ничего не получилось. Но мне не хочется быть ленивцем, который лишь охотится за удовольствиями. Ты, определенно, скажешь, что для нашей совместной жизни надо запастись трудолюбием и умением радоваться жизни. Мне всегда думалось, что для достижения любой цели есть короткий и длинный путь. Я вынужден идти долгим путем, преисполнившись веры, что все равно достигну цели. В данном случае это и происходит.

То, что ты столь честолюбива, мое милое дитя, право же, очень привлекательно. Но я бы не был самим собою, если бы не искал в науке удовлетворение, которое немыслимо без упорного, длительного труда, поисков и счастливых мгновений научных открытий. Я никогда не принадлежал к числу тех, кто не мог бы спокойно перенести, что его инициалы, высеченные на прибрежных скалах, неизбежно смоет морской прибой.

Сокровище мое, не представляю, кем бы я стал сейчас, если бы не нашел тебя: без честолюбия, без многих радостей в мире и наслаждений, украшающих жизнь, без твоего неповторимого очарования,— с умеренными духовными потребностями и совершенно без материальных средств. Более того, я хранил бы эти скудные средства, как убогий или обреченный. Ты даешь мне не только цель и направление, но и так много счастья, что я уже не могу довольствоваться своим скудным настоящим.

Ты даешь мне надежду и уверенность в успехе. Я понимал это, когда ты еще не любила меня, и тем более знаю теперь, когда ты любишь меня. Благодаря тебе я стал уверенным в себе смелым мужчиной.

Марта, мое дорогое сокровище, наше счастье всецело зависит от нашей любви. И я хочу счастья не

меньше, чем желаешь его ты. Говорю это не из трусости, с уверенностью, потому что сознаю ничтожность всех других стремлений по сравнению с горячим желанием быть всегда с тобой. Ты мила и дорога моему сердцу.

Новость, которую я тебе могу сообщить, вот какая: Шенберг ежедневно бывает у меня, и я его состоянием совершенно доволен. Он очень занят предстоящим итальянским путешествием, так как вскоре возвращается его брат Алоис.

Моя мама вчера заболела, простудилась, в результате немного обострилось ее старое заболевание легких. Но уже сегодня лихорадка утихла. Паули тоже нездорова.

С Долфи я вчера совершил загородную прогулку в Петцлейнсдорф. Она ждала меня, пока я освободился от приема пациентов. Возвращались мы через Дорнбах.

Долфи — самая любимая, самая лучшая из моих сестер. У нее такой богатый внутренний мир. Но, к сожалению, она чересчур утонченная натура и слишком впечатлительна. Мы беседовали в основном, конечно, о тебе. Она станет навсегда твоей задушевной подругой. Но инстинктивно она угадывает, что на меня ее суждения никакого влияния не оказывают.

Марти! Разве возможно, чтобы твои желания, о которых я так долго ломал себе голову, не осуществились? Ты, наверное, хочешь купить еще что-нибудь, скажи мне об этом. Когда ты прочтешь мое письмо, я снова вышлю тебе деньги. Делать тебе подарки — для меня такая большая радость, что мне даже кажется, что я этого сейчас еще не заслуживаю... Не правда ли, ты понимаешь мое намерение?

Единственная моя, любимая, я хотел написать тебе сегодня больше, но у меня были в гостях всю вторую половину дня Шенберг и Францешини. Потом мы вместе с ними поужинали. А теперь меня клонит в сон, я чувствую себя таким несчастным от того, что должен писать тебе, вместо того, чтобы целовать твои сладкие губы. Так позволь мне пожелать тебе спокойной ночи и на сегодня попрощаться с тобою.

Преданно любящий твой Зигмунд.

Вена, воскресенье, 16 сентября 1883 г.

Моя дорогая!

Я хочу тебе сказать, что некоторые твои мысли и рассуждения просто несправедливы и неправильны и было бы хорошо, если б ты исправилась. Те две вещицы, которые понравились тебе, я бы с радостью подарил. Ты должна написать мне также, сколько стоит куртка, которая тебе пришлась по душе. Сейчас у меня пока никаких денег нет, но позже, в следующем месяце, я мог бы условиться об этой покупке.

Ты все-таки не отказывай себе, дорогая, в маленькой роскоши, я ведь тоже так не поступаю. А ты молода и способна так искренне радоваться! Я совершенно уверен, что все люди, которые просто видят тебя, желали бы сделать что-нибудь хорошее, приятное тебе. Почему же ты хочешь лишить меня счастливой возможности делать подобное? Разве я не имею никаких прав?

Твое письмецо подействовало на меня, как ангельский голос. Он как бы возвысил меня над глупыми заботами, неустойчивым настроением, над колебаниями и сомнениями.

Не хотелось бы портить твое настроение, но у меня так мрачно на душе, что не в силах больше выдержать неожиданное горе. Сейчас иду в морг, где препарируют труп моего друга Натана Вайса. Он был женат меньше месяца и недавно возвратился после десятидневного свадебного путешествия. Натан оставил два письма для полиции. В письмах просил пощадить своих родителей, когда им будут говорить о происшедшем, и во-вторых, ничего не сообщать в газетах о том, что жена изменила ему.

Тринадцатого сентября в два часа пополудни его нашли повесившимся на Дандштрассе, у себя в комнате. В четверг вечером обо всем стало известно в госпитале, где работал Натан Вайс. Один из коллег поспешил в его кабинет, в надежде опровергнуть горестные слухи. Но кабинет оказался закрытым. Брат Натана, тоже врач в этом же госпитале, подтвердил мрачную новость. Рано утром в пятницу ко мне пришел Люстгартен. Я был в постели, когда появились еще двое коллег все с тем же горестным сообщением. Мы не хотели верить этому. Невыносимо тяжело

видеть мертвого, безмолвного человека, в котором еще недавно было так много жизни, энергии и беспокойства. И жизнерадостности в нем было так много, как ни в ком другом.

И даже теперь, когда его гроб засыпали землей, я не могу свыкнуться с мыслью, что его больше нет и никогда не будет. Почему же случилось непоправимое, почему? Он ведь был на верном пути к цели, у него были все возможности достигнуть всего, к чему он стремился. Он был доцентом и наслаждался своей ролью, своей значимостью на работе. У него была солидная репутация как у специалиста. С недавних пор он руководил отделением в больнице. Ему была обеспечена большая практика.

Натан ведь совсем недавно женился. Но дальше, очевидно, есть такие детали жизни, которые и подтолкнули его к смерти. Эти детали нам неизвестны. Но то, что причины смерти связаны с женитьбой Натана, в этом нет никакого сомнения. Я не помню, насколько подробно я рассказывал тебе о предыстории этой женитьбы. Но я думаю, снова должен все повторить, все, что я знаю о нем, повторить все, словно он и не умер.

Его образ, словно живой, встает передо мной, вспоминаются его хорошие и плохие поступки, отдельные черты. Его жизнь была многогранна, как жизнь поэта, и его смерть может быть воспринята как неизбежная катастрофа.

Его отец — лектор в местной религиозной школе; он очень одаренный ученый, он мог бы преподавать китайский язык и конечно же стать университетским профессором. Но при всем этом он очень тяжелый, плохой, жестокий человек. «Мой отец — просто чудовище»,— так обычно говорил Натан. Мать — энергичная, прилежная, добродушная женщина, у которой не было никакой духовной близости с мужем, но зато много детей. Она разделила с ним нищенское существование. В доме царила жестокая бедность и совсем не было атмосферы любви и сердечности, никакого воспитания детей и многочисленные требования к ним. Чтобы удовлетворить безмерное тщеславие отца, все его сыновья должны были непременно учиться. В основном, к сожалению, им это совсем не удавалось. А один из сыновей после полугода учебы застрелился, потому что не видел другого выхода из сложившейся

ситуации. Только Натан и его брат, который теперь работает в той же больнице, получили высшее образование.

Натан был самым одаренным из сыновей. Он унаследовал талант отца, но по своей натуре был добродушным человеком. Хотя, правда, некоторые были склонны считать его плохим парнем, а другие хорошо отзывались о его поступках.

Надо сказать, что все его стимулы, все устремления, весь стиль жизни были направлены на самоутверждение. Он отлично знал, что он ждет от жизни, и даже если что-то не получалось у него, он никогда не разбирался в средствах. Он был просто не в состоянии учитывать критические замечания в свой адрес и быстро забывал, что же он сделал плохое либо намеревался сделать. У него всегда было стремление делать добро — обычно он так и поступал.

Брейер справедливо говорил о нем, как о ненасытном человеке. Он вспоминал, как однажды старый житель Цвикау спросил своего сына: «Мой сын, чего ты пожелаешь?» И тогда сын ответил: «Всего». Натан был волевым, и он действительно желал всего. Колоссальное самомнение соответствовало его энергии и совершенно необычным манерам. Но он достигал своих успехов не только благодаря этому: я всегда видел в нем и другие черты. Главной чертой всего его облика была огромная жизнерадостность. У него были друзья, говорящие на разных языках, с разным образом мыслей. И сам он никогда не был легкомысленным или безразличным человеком в обычной жизни и доказывал, что никто не мог так хорошо что-нибудь сделать, как он. Во всем, что он говорил и думал, была пластика, теплота, ощущение значительности, которое, несмотря на его недостатки, обнаруживало в нем глубину.

Поскольку его талант был не очень велик, он мало знал, никогда не углублялся в проблемы и не признавал основных условий научной деятельности: критичность и основательность в нем вовсе отсутствовали. Его достижения, в сущности, были посредственными, больше чисто внешними, без оригинального содержания. Во всем ощущался его темперамент, его личность, жизненность и ясность его представлений. Это было похоже на поэтический образ в одном стихотворении

Антона Ауэршперга. Лес, поляна и солнечные лучи взаимодействуют, но как по-разному они выражают себя. Когда Вайс рассказывал об известном факте, он производил впечатление, словно совершил большое открытие, принадлежащее лично ему. Если он в своем редкостно шутливом стиле изображал заурядного среднеевропейца, то действительно становился таковым. Он внушал любившим его людям так мало веры, несмотря на свой заразительный смех. Значительная часть того доброго мнения, которое складывалось у людей о его деятельности, была инициирована им самим, он прямо говорил об этом, он был всегда там, где речь шла о нем, говорил только о себе и только как о лучшем, прилежнейшем современном специалисте, знатоке своего предмета. Положительным моментом его одаренности была динамичность, с которой он думал, и шутливость, которая с этим сочеталась. Можно прямо сказать, что его самочувствие, самоощущение и настроение были физиологическим следствием его бойкости и ясности его представлений. Он был всегда таким, какими мы бываем в состоянии опьянения шампанским: вино дает возможность чувствовать себя легким, энергичным, счастливым. Непрестанная быстрая смена движений Натана производила впечатление, что перед тобой бешеный, одержимый манией. Поэтому нам всем так тяжело поверить, что он мертв. Никто не видел его спокойным в последнее время.

Он был всегда сосредоточенным, всегда занимался одним и тем же. Отсюда — его односторонность и субъективность. Ему недоставало широты взгляда. Он питал интерес не ко всей науке в ее целостности, а лишь к определенной части медицины. Ему не хватало способности наслаждаться всем человеческим и естественным. В течение четырнадцати лет он не выходил из больницы и жил, как автомат, устремляясь из дома в гостиницу, кафе и обратно. В минуты отдыха он с увлечением играл в карты или в шахматы, и, несмотря на сильное возбуждение, которое им овладевало во время игры, было истинным наслаждением наблюдать за ним во время игры и слушать его оригинальные, едкие шутки. Это наслаждение было подобно тому, какое испытываешь во время театрального представления. Он был из тех, кто не способен тихо созерцать красоту мира. Возвратившись из свадебного путе-

шествия, он признался мне: «Я не могу часами любоваться морем и при этом еще испытывать вдохновение».

Общаясь с кем бы то ни было, он никогда не чувствовал ни капли неловкости или застенчивости. Его не очень интересовало, что происходит в мире, разумеется, кроме его профессии. Часто он отличался бестактностью и цинизмом. Когда ты и Минна увидели его, он показался вам необычным. Но в тот момент он вел себя вполне прилично и безобидно. В студенческие годы он влюбился в одну девушку и, к сожалению, не понравился ей. Она вышла замуж за человека, у которого были такие качества, которые начисто отсутствовали в характере Натана. С тех пор ничто не смягчило его нрав.

Он добивался успехов за счет хорошей репутации врача. Друзей имел немного, меня он нередко критиковал. Все его воспринимали как некий феномен, который не подчиняется обычным человеческим нормам и правилам. Он мог в течение нескольких лет ничего не рассказывать друзьям о своих делах и всегда был очень экспансивен. Правда, он был откровеннее с теми, кого видел чаще. Казалось, что душа у него нараспашку; только после его смерти мы узнали, что он многое скрывал. Ко мне он относился уважительно, с чувством дружбы и, можно сказать, любил меня, хотя и порицал порой. Однажды он сказал странную вещь. В случае его смерти он хотел бы завещать мне наследство, чтобы я мог в дальнейшем полностью распоряжаться его имуществом. Он предложил это, когда его честолюбие уравновешивалось благородством и добродушным юмором.

Он не делал тайн, когда в этом не было необходимости. Его реальные успехи и научные достижения несколько смягчали впечатление о нем, как о человеке заносчивом и высокомерном. Собственно, он и не нуждался в чьем-либо одобрении. Когда ему хотелось выглядеть благородным, бескорыстным, ему удавалось это с поразительной легкостью. Вот такой характер.

Но, говоря объективно, несмотря на его великодушие ко мне, должен признать, что он обладал такими качествами, которые в конце концов свели его в могилу. Возможно, он находился под влиянием

своих несбывшихся надежд на счастье и любовь. Может быть, он искал себя в творчестве, в работе и не смог полностью реализовать свои способности. Может быть...

Ему хотелось посещать богатые дома и играть там роль, на которую в действительности он претендовать не мог. Как-то случайно он сказал мне, что намерен жениться и таким образом осчастливить бедную девушку и внушить людям уважение к своей особе. У него было три кандидатуры: Хелене Файн, юная Хаммершлаг [1] и наша Роза [2], которую он, может быть, однажды видел. (Я узнал об этом только вчера.) Он начал ухаживать за первой, самой богатой. Возможно, он стремился и таким образом гарантировать себе обеспеченную жизнь.

Отчетливо помню день, когда три года назад он сказал: «Сегодня ко мне приходила лечиться дама с двумя дочерьми. Какие обаятельные люди! Если бы у меня были деньги и побольше здоровья, я бы немедленно женился на старшей». То была его последняя любовь. Вскоре он сообщил родственникам, что посватался. Брунхильда долго не соглашалась. Она была существом чопорным, не слишком преданным и очень претенциозным. Однако славилась умом и осторожностью. Я видел два ее письма. Они произвели на меня впечатление деловитости и солидности в сочетании с женской утонченностью стиля.

К тому времени ей исполнилось уже двадцать шесть. Грезы о хорошей партии остались несбыточной мечтой. Ей казалось, что нет и потребности любить. Он бурно предложил руку и сердце и встретил отказ. Ей не нравилась его надменность, заносчивость и тысячи этических ошибок, которые он вольно-невольно допускал в общении с нею. Однако Натан обещал ей стать лучше, мягче, обещал не ругаться. Вполне возможно, что все он выполнил бы при ее надежной поддержке. Наконец она уступила, поверив в его любовь. Вероятно, вначале она относилась к нему с некоторой симпатией. Если чувство приходит впервые, то сложно определить, настоящая ли это любовь.

Натан известил друзей и коллег о своем счастье.

---

[1] Единственная дочь семьи, с которой были дружны родители Фрейда.

[2] Роза — сестра Фрейда.

Когда его спрашивали о приданом невесты, он отвечал, что это его совершенно не интересует. Постепенно он становился все более мрачным и экспансивным. Начался разлад, пошли ссоры. Он находил для ссор то один, то другой повод. Она тоже загрустила, плакала, не разговаривала и вообще не находила никакой радости в общении с ним. К тому же оказалось, что она и ее сестра больны истерией. Я пытался убедить Натана, что только симпатии деликатной и не вполне здоровой девушки не достаточно, чтобы навсегда связать с ней свою судьбу, пытался убедить его отложить свадьбу или, по крайней мере, дать ей время для размышлений и ни на чем не настаивать. Но честолюбие заставило его во что бы то ни стало добиться ее благосклонности, и он посватался. Он делал ей подарки на тысячу гульденов, давал огромные суммы на всякие безделушки. Чтобы роскошно обставить квартиру, вмиг истратил все сбережения. Но несмотря ни на что, она упорно ему отказывала, а он все больше сердился и гневался. Когда он признался мне, что она предложила ему жениться на ее сестре и вздохнула с облегчением после того, как добилась отсрочки свадьбы, стало ясно, что она не любит его. Я рассказал об этом Брейеру.

Вот как отозвался Йозеф Брейер: «Может случиться непоправимое, если девушка выходит замуж с таким настроением. Подобные отношения обычно заканчиваются тем, что один из родственников объясняет ей, что лучше вообще не связывать свою судьбу с таким человеком. Или же вся родня старается помочь ей. Невесту отправляют в небольшую поездку, и больше она к жениху не возвращается».

Как ни горько, но я убеждал Натана поверить, что она не любит и обязательно покинет его. Я предлагал ему трезво поразмыслить над ситуацией и принять определенное решение. Но он ни в коей мере не допускал возможности отказа и жертвовал всем ради одной-единственной цели. Он не хотел показаться людям неудачником.

Надо сказать, что ее родственники тоже вели себя неумно и не могли благотворно влиять на нее. Она же, бедняжка, не найдя в себе мужества решительно отказаться, лишь вновь отсрочила свадьбу. После беседы со мной он обещал через пять дней уехать. Но вместо отъезда сыграли свадьбу. Перед невестой,

видимо, стояла дилемма: либо скорое замужество, либо вообще ничего. Нетрудно догадаться, почему она так поступила. Предполагаю, он слишком рано устранил все запретные ограничения на пути к ней и взял силой то, что хотел. В результате он вызвал в этой болезненной и обидчивой девушке сильное психическое отвращение и нравственное недовольство. И заглушил тем самым ее прежнюю симпатию к нему. Он думал, что любви можно добиться силой, так же, как добивался он других успехов. Ложный стыд перед людьми мешал ему признаться, что он отвергнут.

После свадьбы я видел его только раз, и пообщаться нам не удалось. Панет видел его еще двенадцатого числа этого месяца, спрашивал, как складывается его супружеская жизнь. Он ответил, что все самое лучшее уже позади. Он не был склонен к доверительной беседе. Тринадцатого он повесился.

Что же произошло, что толкнуло его на этот трагический шаг? Люди готовы взвалить всю вину на его несчастную жену. Я не верю им, не разделяю их суждений.

Размышляя о причинах трагедии, я пришел к выводу, что он покончил с собой потому, что отчетливо осознал свою неудачу, слишком тяжелую для него. Бешенство, ярость отвергнутой страсти, гнев, мысль, что вся его научная карьера и незаурядные способности — ничто в сравнении с тяжелым семейным несчастьем. А кроме того, сильная обида на то, что его обманули с богатым приданым, которое до свадьбы обещали невесте. А главное, по-моему, его неспособность довериться людям, его неспособность поделиться с нами своей бедой. Его погубило безмерное тщеславие мужчины, склонного к тяжелому нервному возбуждению. И когда он понял свое положение, он впал в страшное отчаяние. К смерти его подтолкнули особенности его психики, особенности его себялюбия, которое оказалось более сильным, чем благородство и требовательность его натуры.

Во время похорон разгорелась ссора двух семей. Над открытым гробом раздался безобразный вопль об отмщении, такой несправедливый и безжалостный, как будто его исторгнул сам покойник.

Преподаватель одного из вузов, Фридман, знако-

мый и коллега его старого отца, сказал на похоронах: «Родители надеялись на то, что сын будет утешением и защитой их в старости. И вот теперь он в гробу. В Писании сказано, что, если найден мертвый человек и никто не знает, от чьей руки он погиб, тогда родным и близким покойного надо обязательно выяснить, кто же убийца. Но, конечно, родители и братья не желали Натану зла». И Фридман начал обвинять родственников жены в том, что именно они нанесли ему смертельный удар. При этом он почти кричал. Темпераментным и властным голосом этот суровый иудей требовал возмездия. Мы были возмущены. Нам так стало стыдно перед христианами, которые тоже присутствовали на похоронах. Теперь у них есть все основания полагать, что мы поклоняемся богу ненависти, а не любви. Тихий и кроткий голос Пфунгена утонул в потоке несправедливых обвинений.

И жена, и отец Натана дали в газетах объявление о его кончине. Таким образом, пресса дважды сообщала об этом трагическом событии и оба раза предвзято: каждый старался обвинить другую сторону. Возможно, им еще предстоят взаимные разоблачения, бестактные и, в сущности, безобразные.

Его смерть была чем-то похожа на его жизнь, такая же порывистая и непредсказуемая. Его необычный образ останется в памяти родных и друзей.

И все-таки счастлив тот, у кого в жизни есть любимая, как у меня. Сегодня я больше не в состоянии писать, милая Мартхен.

С глубокой любовью твой Зигмунд.

Вена, вторник, 9 октября 1883 г., ночью

Моя любимая Мартхен!

Что я теперь делаю? Я прилежнее, чем прежде, и здоровее, чем прежде. Подробно изучил массу газет, частично для себя, частично для медицинского журнала. Сижу в лаборатории, где провожу эксперимент, работа идет хорошо, хотя мне еще приходится преодолевать уйму трудностей. С пяти до одиннадцати часов,

я чуть было не забыл, работаю в больничных палатах врачом-дублером, любознательным, все усердно записывающим, иногда оперативно действующим.

Общее состояние, моя любимая,— нечто тяжелое, похожее на опьянение или сон. Я согласен и на это, лишь бы одолеть долгую разлуку с тобой.

Мои личные устремления сводятся сейчас к тому, чтобы почти все время заниматься научной деятельностью и врачебной практикой. Для меня напряженная работа, обилие дел подобны своеобразному наркозу, приглушающему боль разлуки с тобою. Погружаясь в мир науки, я отвлекаюсь от грустной действительности. И знаешь, именно в интересной работе нахожу спасение от моей сильной обидчивости и раздражительности. Таков я ныне. Мне кажется, что волны всемирной жизни не бьются в мои двери. Иногда я решительно гоню от себя сладостные мечты, как если бы я стал монахом, когда его посылают в монастырскую келью отыскать шеффель [1] зерна.

В моем мозгу все чудесно размещается, словно в отдельных ячейках: факты, теории, диагнозы, формулы. Вся медицина естественно входит в мою голову, плавно и свободно. Там обитают бактерии, изменяя свою окраску то на зеленый, то на голубой цвет; там проходят воображаемые научные симпозиумы по борьбе с холерой; эти советы и предложения, родившиеся в моем мозгу, скорей всего ни на что не пригодны, но громче всего сейчас тревога: туберкулез! Является ли он заразным или благоприобретенным, каковы причины его возникновения, прав ли господин Кох [2] в Берлине, когда утверждает, что открыл палочки туберкулеза, которые можно создать в лабораторных условиях.

Сон, грезы исчезают, жизнь входит в мою келью, когда приходит письмо от тебя. Тогда исчезают сложные проблемы, бледнеют непонятные истории болезней, потом, словно по волшебству, улетучиваются пустые теории, соответствующие, как это именуется, современному состоянию науки. Тогда мир становится таким теплым, таким веселым, таким понятным. Моя очаровательная, любимая не имеет никакого отноше-

---

[1] Шеффель — старинная мера зерна.

[2] Профессор Роберт Кох (1843—1910) — современник Фрейда, открыл в 1881 г. бациллу туберкулеза.

ния к призракам и химерам. Ее присутствие я ощущаю отнюдь не с помощью химических реагентов. Она, моя возлюбленная,— мое счастье и не имеет совершенно никакого отношения к болезням. Надеюсь, что ты совершенно здорова. Это во мне говорит врач, для которого душевное и физическое здоровье человека всегда необходимо.

О, Марта, это было бы так удобно, если бы каждый человек мог выразить свой жизненный опыт в виде собрания определенных формул и рекомендаций. Но человек и в течение дня не может оставаться человеком, если он не меньше чем одиннадцать часов в сутки накапливает и суммирует жизненные впечатления. И тогда — каждодневно мы снова начинаем новую жизнь. И, следовательно, обретаем новый жизненный опыт.

Завтра я снова напишу тебе, моя дорогая. Будь здорова. Будь немного повеселее.

Твой верный Зигмунд.

Вена, вторник, 23 октября 1883 г.

Моя любимая Мартхен!

Да будет мне позволено высказаться, несмотря на то, что я иногда так плохо думаю и так сердито пишу. Если я тебя снова обидел, то только из-за того, что я думаю о моей страсти, о моем одиночестве, о моей основной цели и о тех цепях, которыми я прикован. Я испытываю иногда приступы отчаяния и малодушия, и только твоя верность и добродетельность спасают меня. Ты не должна высмеивать меня за это и полагать, что я слишком гибок и переимчив в настроениях и суждениях.

Сегодня после обеда, моя дорогая девочка, у меня опять блестящий успех: найден новый метод лечения, который обещает быть более долговечным и надежным, чем прежде. У меня такое предчувствие, словно я предвижу конечный результат: я нашел именно то или почти то, что искал.

Тяжелая жизнь не должна меня особенно огорчать, поскольку мы здоровы, и судьба хранит нас от особых

несчастий. Впоследствии мы, конечно, достигнем того, к чему стремимся. Небольшой домик, где много забот и никогда нет нужды, где радостно быть вместе и отражать превратности судьбы и постигать ответ на вечный вопрос: «Для чего мы, собственно, живем?» Я ведь знаю, как ты любишь, какой чудесный дом ты можешь обустроить, какой участливой, веселой и заботливой ты будешь.

Я предоставлю тебе всю власть, которую ты только пожелаешь, и ты наградишь меня любовью и терпимостью за все мои слабости, которые, может быть, достойны осуждения. Если позволят мои обширные занятия, мы будем вместе читать, постигать все новое, что нас увлечет. Я буду иногда учить тебя тому, что не представляет интереса для девушки до тех пор, пока она не узнала по-настоящему своего спутника и его дело, которому он отдает силы и время. И тогда мои интересы, благодаря твоему вниманию, станут новым наслаждением для меня. Ты не будешь осуждать меня, если я даже не добьюсь успеха. Однако относительно искренности и чистоты моих желаний и помыслов, моей честности ты можешь не сомневаться. В лучшие годы твоей молодости ты хранишь верность, и я всегда буду гордиться тобой. Ты сможешь читать во мне, как в открытой книге, все, что захочешь, и мы будем счастливы, помогая и поддерживая друг друга.

Ты будешь отвлекать меня от всех пороков, от мелкой злобы, зависти, пустой алчности. Если ты вдруг захочешь отвлечь меня от научной деятельности, я расскажу тебе историю про Бенедикта Штиллинга [1], который недавно умер в Касселе. В молодости он много занимался наукой и должен был занять видное положение в клинике. На протяжении тридцати лет он работал, по утрам изучая спинной мозг, а вечерами исследуя головной. Штиллинга можно назвать первым среди исследователей, которым мы обязаны знанием этих замечательных органов человека. Он отличался прилежанием и упорством. Его воодушевленность сочеталась с большим талантом, что не редкость среди евреев.

Моя любимая Марта, частью того, чем ты станешь для меня в будущем, ты стала уже сейчас. Ты должна

[1] Бенедикт Штиллинг — немецкий анатом и хирург (1810—1879).

стать для меня самым главным в моей жизни. Когда все хорошо, то счастье неизбежно. Ты и я разделены сейчас расстоянием, и потому пока несчастливы.

Спокойной ночи, моя верная невеста. Излей мне только свою душу. Пиши мне. Мне становится так грустно, когда от тебя долго нет писем.

Твой Зигмунд.

Вена, 15 ноября 1883 г.,
четверг, 5 часов вечера

Моя дорогая маленькая принцесса!

Это имя так прочно утвердилось за тобою. В последние дни я думаю только о тебе и ни о ком другом. Постоянно возвращаюсь к счастливому дню помолвки, благословенному дню, подарившему нам радость. Вспоминаю подробности нашей первой встречи. Это было семнадцатого, в субботу. Какое совпадение: в этом месяце семнадцатое число тоже выпадает на субботу. Мое сватовство мне не нужно повторять, не так ли?

Сегодня — праздник, и я совершенно ничего не делаю и только воспоминания возвращают меня в недавнее. Погода отвратительная. Вечером, наверное, пойду к Хаммершлагам. Я уже настолько размягчился, что этот визит будет благостным для меня, ведь со мною там обходятся по-дружески. Хаммерщлаги [1] будут все расспрашивать о тебе, а я рад возможности вновь и вновь говорить о тебе.

Твои слова в последнем письме о Милле [2] и его жене побудили меня найти это место в сочинениях Милля и кое-что тебе рассказать. В статье Брандеса [3] содержатся лишь его собственные впечатления об этом человеке, что никак не умаляет уважительной оценки этой личности и ее роли в современной истории. Но у меня есть повод порассуждать, тем более что Ком-

[1] Хаммершлаг был учителем Фрейда в гимназии и другом его отца.

[2] Джон Стюарт Милль (1806—1873) — английский философ и экономист.

[3] Георг Брандес (1842—1927) — датский историк литературы.

перц [1] доверил мне перевод последнего тома произведений Милля. Я тогда сильно ругал его безжизненный стиль. Из его творений никогда нельзя извлечь какой-нибудь афоризм, сентенцию, меткое словечко на память. Но позже я прочитал философские произведения Милля, очень остроумные, динамичные. Он был, вероятно, человеком столетия и более чем кто-нибудь иной свободен от власти обывательских предрассудков. Как всегда бывает в подобных случаях, он выдвигал абсурдные требования относительно эмансипации женщин и в целом по поводу женского вопроса.

Я помню, что главный его аргумент в том сочинении, которое я переводил, заключался в том, что женщина, вступая в брак, не так уж много приобретает по сравнению с мужчиной. Можно согласиться с тем, что семья, дом, уход и воспитание детей требуют от человека очень много, но многое ему и дают. Хотя если считать упрощенно условием домашнего хозяйства непременное выколачивание пыли, приготовление пищи и так далее, то, конечно, у женщины все это отнимает гораздо больше времени, чем у мужчины. Но Милль просто забыл, как исторически складывались отношения между мужчиной и женщиной в семье. В целом рассуждения Милля мне кажутся антигуманными. Из его автобиографии, написанной так чопорно, невозможно уяснить, что люди состоят из мужчин и женщин и это различие есть самое значительное из всех различий между людьми. Его отношение к жене тоже, как мне думается, не особенно гуманно. Он женился уже в зрелые годы, детей у них не было, о любви — как все мы знаем — не может быть и речи. Была ли его жена столь замечательной персоной, как он это преподносит,— сильно сомневаюсь. В общем, он считает, что можно вовсе не принимать во внимание, что женщина — это совсем другое существо, которое мы, мужчины, должны всячески оберегать. Он приводит примеры бесправного положения негритянок. Девушка, даже если она не имеет права голоса и других прав, может отругать мужчину за то, что тот позволил поцеловать ей руку в знак любви.

Нежизнеспособна и его мысль о том, что женщины должны бороться за свое существование точно так же,

[1] Теодор Комперц (1832—1912) — профессор филологии в Вене

как и мужчины. Выходит, я должен думать о моей нежной, любимой девушке как о конкурентке. Семнадцать месяцев назад я сказал своей милой, что люблю ее и предлагаю ей руку и сердце. Следовательно, она должна позабыть о конкуренции и позаботиться об уюте и спокойствии домашнего очага.

Неужели женщины должны зарабатывать и добывать хлеб насущный точно так же, как и мужчины. Возможно, воспитание, среда, укоренившиеся привычки содействуют угнетению женщин, но как многого они достигают совсем по-иному. Возможно, с точки зрения права это не выдерживает никакой критики. В таком случае всё очарование, которое женщины дарят миру, исчезает и мы скорбим об утраченном идеале женщины.

Я думаю, всякая реформаторская деятельность в области законодательства и воспитания потерпит крах потому, что бессмысленно спорить с природой и женщина достигает положения в обществе и в семье благодаря красоте, обаянию и доброте. Нет, я предпочту остаться старомодным в этом вопросе. Я так страстно тоскую по тебе, моей Марте, такой, какая ты есть, и надеюсь, что и сама ты не хочешь ничего другого. Закон и обычай должны дать женщине много открыто признаваемых в обществе прав, но есть ситуации, которые никто, кроме самой женщины, не может решить. В юные годы она — очаровательная возлюбленная, в зрелые годы — любимая жена. Можно было бы еще много говорить об этом, но мы ведь одинаково думаем по этому поводу.

Будь здорова, моя милая. Твое письмо сегодня еще не пришло.

Сердечный привет и поцелуй шлет твой Зигмунд.

1884

Я очень упрям и не боюсь научного риска. Мне нужен значительный стимул, чтобы сделать массу дел, которые люди рассудительные должны считать не очень благоразумными. Действительно, я, довольно бедный человек, должен заниматься наукой. И в то же время я — самый несчастный мужчина, желающий сохранить верность и любовь одной бедной девушки. Приходится жить и дальше в таком же темпе, много рисковать, много надеяться, много работать. Для обычного буржуазного благоразумия я совершенно потерян.

Вена, четверг, 10 января 1884 г.

Мое дорогое сокровище!

Удобство — это последнее, на что я имею право, и я не замечал бы его отсутствия, если бы ты заботилась обо мне.

Если ты когда-нибудь потом заглянешь в маленькую книжечку, которую мы собирались вести как хронику нашей помолвки, то останешься, в основном, недовольной. Но мы найдем выход из этого состояния. Только помни, пожалуйста, свое обещание сделать все, чтобы не оставлять меня в одиночестве. Я считаю это обещание сильным оружием, которое ты позволила мне хранить. Сдержишь ли ты слово или нет, я не могу предвидеть. Хотя ты оказала достаточное сопротивление, когда мы обсуждали проект твоего переезда ко мне. Твоя воля, твое желание значили для меня не меньше, чем мое собственное. Но ты не вправе считать, что я не должен тебя отпускать [1]. Разве я могу принести во имя тебя жертву, которая была бы приятна только мне? Нет, это не подходит, и все другое тоже, может быть, не подходит. Мы теперь разделены расстоянием, моя милая Мартхен, и хотя мне не хочется говорить о работе, но только она нас, одиноких, может снова объединить.

Вчера на улице я встретил отца. Он все еще полон замыслов, все еще на что-то надеется. Я решил написать Эмануэлю и Филиппу, чтобы помочь отцу в нынешних делах. Правда, он не хочет этого, потому что привык рассчитывать преимущественно на плохой ис-

[1] Такова была воля матери Марты относительно переезда из Гамбурга.

ход. Вчера я все-таки написал очень резкое письмо Эмануэлю. Но почему я должен омрачать тебя рассказом о таких печальных вещах!

Недавно я был в семье Хаммершлагов. Они приняли меня очень сердечно. Старый профессор взял меня сотрудником и дал деликатное поручение — поговорить по душам с молодым медиком Альбертом. Затем он мне сообщил, что решил раскошелиться и помочь бедным. Один богач передал ему определенную сумму для оказания помощи беднякам. Он предложил мне содействовать в этом деле. Профессор часто рассказывал мне, что провел юность в жестокой нужде. Нельзя надеяться на помощь со стороны государства бедным.

Я мог бы, собственно, этим не заниматься. Мне только хочется внести вклад в это дело, принять участие не на словах, а на деле. Профессор не первый раз так заботится обо мне. И во время учебного года он бескорыстно вытаскивал меня и других из нужды. Вначале я очень стыдился этого, но когда познакомился с его взглядами, то понял, что он — хороший человек. Ему можно доверять, и он не потребует ответных обязательств.

Мне удалось скопить пятьдесят гульденов. Хочу их отдать родителям и сестрам.

Я сам много работаю и мог бы теперь ничего не делать для других. Я изложил свои взгляды профессору и, по меньшей мере хотя бы частично, должен ему помочь. Разговор происходил у него дома, и я не нахожу слов, чтобы достаточно полно охарактеризовать его и уяснить его отношение к одной девушке. Я попросил его пригласить Розу [1], и как только мы вместе с ней вошли в комнату, он начал так говорить о ее сестрах, что даже я заметил, что он словно охладел к жене. Я не знаю никаких хороших, гуманных психологических мотивов отдаления людей друг от друга, но они, безусловно, есть. Роза найдет, конечно, силы пережить удар и поделиться с Анной [2]. Может быть, они получат рекомендацию у фрау Н. Ей это будет легче обсуждать, чем со мной. Эта рекомендация пригодится и для двух других девушек. Ты не вправе забывать о том, что они очень бедны и к тому же старшие дети в семье. Один из сыновей — лакей,

[1] Роза Фрейд (1860—1942) — младшая сестра Зигмунда Фрейда.
[2] Речь идет об Анне Хаммершлаг.

а девушки зарабатывают на хлеб учительским трудом в народных школах.

Другой же, Альберт,— медик, получает большую стипендию и работает лаборантом у профессора Людвига [1], химика. Он был мне всегда симпатичен и выглядел по сравнению с ними благополучнее, как богатый шваб. Я питал глубокую симпатию еще с гимназических пор к старому еврейскому учителю. Итак, теперь ты знаешь все и, вероятно, благодарна мне за откровенность. Но как я еще мало знаю о тебе, моя единственная.

...В целом я не доволен тем, как продвигается моя работа. Постоянно и настойчиво собираю и обобщаю интересные наблюдения над больными, много читаю, каждый раз много и самостоятельно занимаюсь. Надеюсь, что со временем все-таки опубликуюсь.

Ты права, что бедный Натан [2] был первым ординатором и я войду в его комнату, в которой он жил полгода, и почувствую, что по ночам здесь обитает его дух. Но у меня очень хороший сон, и я ничего не боюсь.

Желаю больших успехов в твоих вечерних чтениях. Мне хотелось бы поразить этим известием наших дам. Будут ли со временем такие вечера устраиваться и для мужчин?

Да, ты знаешь, все-таки Вольфингине [3] помолвлена.

На мой взгляд, Чаймс [4] очень привлекательна, прекрасна, но вначале ей все дается тяжело. «Батл оф Лайф» была бы легче и пригоднее для вас, но ты ведь в этом сама прекрасно разбираешься.

Сегодня у меня журнал и служба.

Завтра будет веселее, моя дорогая, любимая. Ты не имеешь права не ответить мне на все, о чем ты думала при чтении этого письма.

Спокойной ночи.

Твой Зигмунд.

---

[1] Доктор Эрнст Людвиг (1842—1915) — профессор химии в Венском университете.

[2] Доктор Натан Вайс (1851—1883) — ассистент нейрологической клиники Вены, друг Фрейда.

[3] Шутливое прозвище кузины Фрейда — г-жи Вольф.

[4] Имеется в виду героиня английского писателя Чарльза Диккенса (1812—1870).

Вена, вторник, 7 февраля 1884 г.

Моя маленькая принцесса!

Это прекрасно, что твое последнее письмо принес белый почтовый голубь с красной ленточкой. Он прилетел, когда я писал статью. Твое письмо подарило мне бодрость, и работа пошла веселее. В полчетвертого начал — в полдевятого вечера уже закончил. Я даже подпрыгнул от радости. Между прочим, я всегда делаю это физкультурное упражнение, когда есть повод для хорошего настроения. И конечно, мне так захотелось написать тебе. Но неожиданный визит приятеля нарушил мои планы. Я пошел, чтоб немного развеяться, к нему в гостиницу, и вот пишу тебе лишь сегодня.

Днем я был занят тем, что делал выписки из одной книги по просьбе моего русского знакомого, потом готовил перевод с немецкого на английский и предложил американскому коллеге отредактировать рукопись. Завтра я отнесу оба экземпляра Флейшлю и уж тогда — всё. Теперь у меня снова есть время и для больных, и для чтения. Такая возможность, вероятно, непродолжительна. По крайней мере, это продлится не так долго, как хотелось бы. Вообще-то человек должен иметь время для размышлений о жизни.

Зильберштейн сегодня снова навестил меня, он очень расположен ко мне, как и раньше. Одно время мы были закадычными друзьями. Нас объединяли ни спорт, ни взаимная выгода, а только бескорыстная потребность общаться друг с другом. Мы проводили вместе все время, свободное от школьных занятий. Вместе изучали испанский, придумывали загадочные истории и таинственные имена, почерпнутые из книг великого Сервантеса.

В нашей хрестоматии по испанской литературе мы нашли рассказ, герои которого — две собаки. Расположившись перед дверьми госпиталя, они вели между собой философско-юмористический диалог. Мы решили присвоить себе их имена — так они нам понравились. Общались мы и устно и письменно, в основном называя себя так: мой друг — Берганза, а я — Сипион. Как часто я оставлял другу записки, которые начинались с обращения «Дорогой Берганза», а подписывался: «Твой верный Сипион ждет тебя возле госпиталя

в Севилье». Вместе мы создали научный кружок, шутливо назвав его «академией», скромно ужинали, нередко вскладчину, и скучали друг без друга, если один из нас на какое-то время находился в другой компании. Правда, иногда он неохотно делился своими мыслями, но оставался всегда очень человечным, со своим мнением, своим кругом чтения, самобытным юмором. Но во всем этом было нечто бюргерское, филистерское.

Когда он заболел, я лечил его. Однажды он пригласил всех нас, старых товарищей, на прощальный вечер в предместье Вены. Сам лично разливал нам в бокалы пиво и старался не показывать, как он расстроган. Потом, когда мы вместе были в кафе, хирург Розанс отпустил несносную шутку, только для того, чтобы высмеять сентиментальность моего друга. Мне стало жаль его: ледок отчуждения, возникший в последнее время, был сломан. Я произнес прощальную речь и, глядя на него, сказал, что он, уезжая, увозит с собой и память о моей юности. Я не знал тогда, насколько оказался прав.

Первое время мы переписывались, он жаловался на своего полусумасшедшего отца, на безрадостное существование. Я пытался разбудить его прежние романтические инстинкты, поднять настроение, но безуспешно. Потом он переехал в Бухарест, надеясь, что ему удастся там занять достойное место в обществе. В юности он увлекался поэзией индейцев, Купером, «кожаным чулком» и морскими приключениями. В последние годы держал лодку на Дунае и нередко приглашал друзей на прогулки по воде. Причем — любопытная деталь — на веслах были наемные гребцы.

Мы, хоть и нечасто, но все-таки общались друг с другом. Потом в мою жизнь вошла ты и все, что связано с тобою. Новый друг, новые стремления, новые заботы...

Противоречия, которые и раньше были с Зильберштейном, стали еще очевиднее, когда я рассказал ему о тебе. Он не понял моих чувств. Сам он решил жениться на богатой глупой девице, которую ему сердобольные знакомые прислали на смотрины. Теперь он привык к «денежному мешку», который все же оказался недостаточным для того, чтобы он смог стать самостоятельным коммерсантом и иметь соб-

Марта в три годика

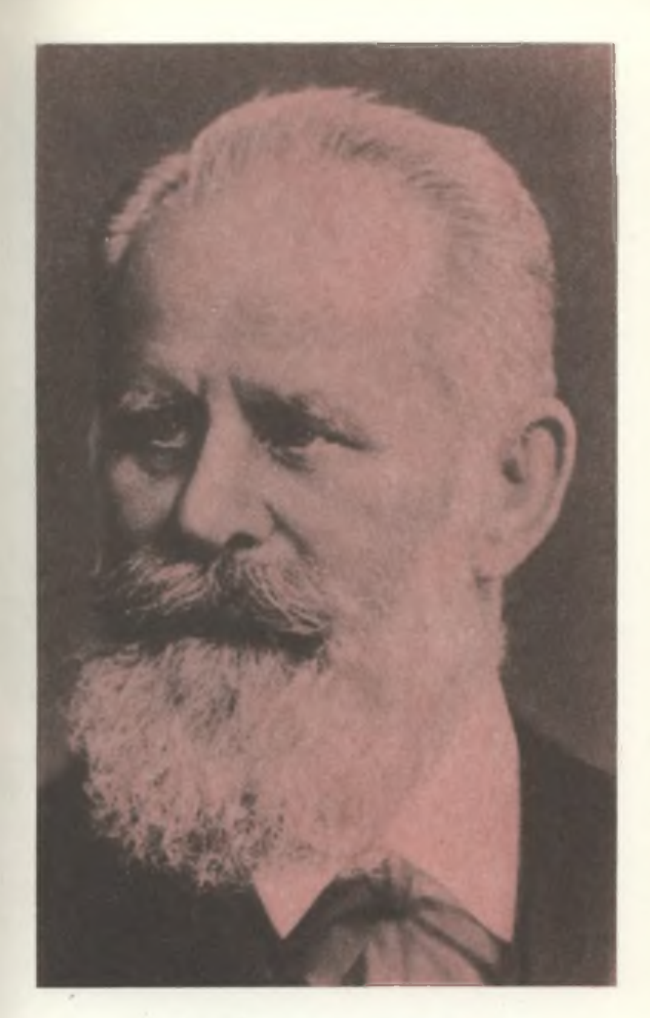
Зигмунд Фрейд и Марта Бернайс.
Вандсбек, 1885

Доктор Йозеф Брейер, профессор психологии, близкий друг Фрейда

Профессор Теодор Г. Мейнерт

Надворный советник Германн Нотнагель

Марте 19 лет

Марта Бернайс в 21 год

Исаак Бернайс, дед Марты

Минна Бернайс, сестра Марты, 1885

Доктор Эрнст фон Флейшль

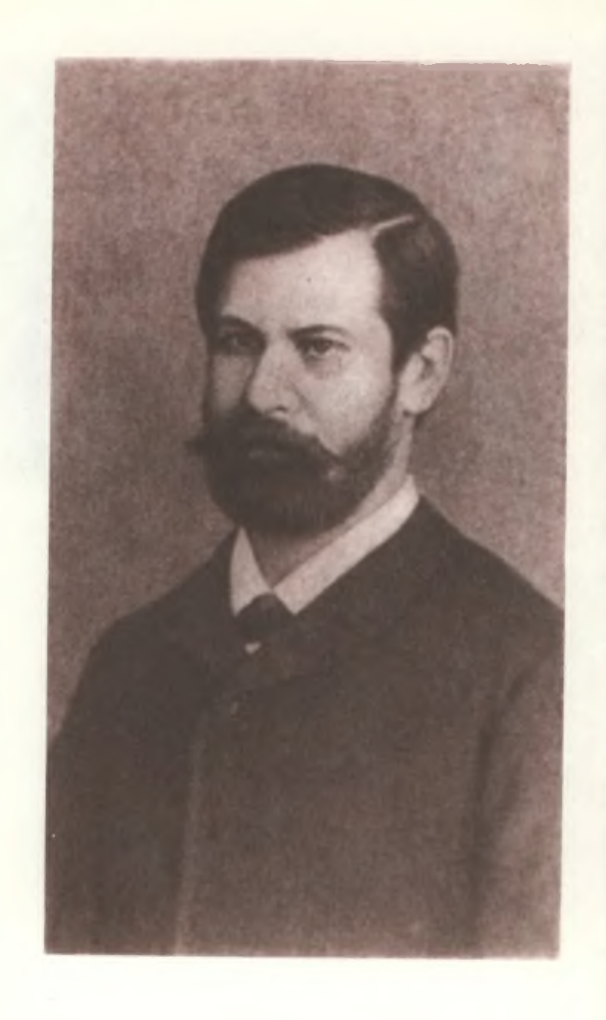
Венская общегородская клиника

Марта Бернайс, сентябрь 1884 г.

Супруги Хаммершлаги

Зигмунд Фрейд, 1885

Профессор Жан-Мартин Шарко

Эммелин Бернайс, мать Марты

ственное «дело». Ну, а что стало со мною, ты прекрасно знаешь.

И вот теперь, спустя время, мы снова встретились с Зильберштейном, и, конечно, оба размышляли над тем, как причудлива жизнь, как обуздывает она наши честолюбивые желания, одного — раньше, другого — позже. Его первой любовью в юные годы была Анна, потом он встречался с Фанни. Затем наступил период, когда он влюблялся во всех девушек без разбору, и вот теперь никого не любит.

У меня же все наоборот. Раньше не было никого, теперь есть ты, единственная. Вот и рассказал я тебе историю моего друга Зильберштейна. Теперь он стал банкиром, потому что ему не понравились юриспруденция, право. Сегодня он снова хочет собрать старых собутыльников, как и прежде, в Хернальсе, предместье Вены, но я очень занят на службе и думаю не о прошлом, а совсем о другом.

Будь здорова, мое дорогое сокровище. Мой почтовый ящик пока пустой. Твое письмо придет, наверное, завтра.

Твой Зигмунд.

Вена, вторник, 20 марта 1884 г., раннее утро

Заносчивый ты человечек!

Напрасно ты испытываешь смущение от своей фотографии. Не хочу лишний раз говорить, как она должна понравиться тому, кто любит тебя. Твердо знаю, что нельзя огорчать других, если хочешь снискать их уважение.

Сегодня должны проявиться злосчастные последствия моего рискованного поступка. Однако я совершенно здоров, не чувствую боли, а только сильную усталость в голени. Будем считать, что эта история завершилась.

Сегодня хочу идти к мастеру, изготовляющему медицинские приборы, и начать новые расчеты для электронных инструментов. Видишь ли, я был ранее

легкомыслен, и теперь мне приходится рисковать, поскольку я должен обеспечить себе маленький гешефт, на котором могу заработать пятьдесят гульденов. Дело в том, что я хочу снова запустить в лабораторию четыре или пять человек. А потом приду домой и буду читать. Если Брейер сегодня не придет, то вечером я преподнесу ему сюрприз. Ведь он мне сказал вчера, что хорошо было бы меня полечить, как других пациентов.

Здорова ли моя принцесса? В чем причины твоей усталости? Не думай, что я не способен заботиться о твоем здоровье, раз болен сам. Но все-таки больной имеет то преимущество, что чаще получает письма от своей возлюбленной, и потому я снова иду в постель.

По душе ли тебе такая угроза?

С самым сердечным приветом
твой Зигмунд.

Вена, вторник, 19 июня 1884 г.

Мое любимое сокровище!

Не могу припомнить, чтобы когда-нибудь я не очень подробно отвечал на твои милые, благородные письма, но сегодня должен писать коротко. Мы ведь скоро, надеюсь, сможем лично побеседовать друг с другом. Для «Кока» [1] вчера только подготовил рукопись на полтора листа. Первую половину статьи уже сегодня отредактировал.

Пара золотых, которые я заработал, пришлось израсходовать на моих учеников, которых я сегодня и вчера выгнал домой.

Теперь передо мной лежит корректура второй работы [2], которую я должен прочитать и оживить, исполняя служебные обязанности в журнале. Я здоров, как лев, веселый и жизнерадостный. Большая занятость не отражается на моем настроении. Санитар, приставленный к душевнобольным [3], позволяет им

---

[1] «Юбер Кока» — центральный журнал по общей терапии.

[2] В письме от 14 февраля 1884 г. Фрейд делился с невестой мыслями о начале этой работы. Речь идет о рукописи «Структура элементов нервной системы», изданной в 1884 г.

[3] Брейер предложил Фрейду хорошо оплачиваемую работу на несколько месяцев в качестве врача, сопровождающего пациентов во время поездок.

все, что ты только можешь представить. Но и это не снимает моего жизненного тонуса.

Моя любимая, мрачные соображения, которыми ты поделилась со мною, ты должна решительно гнать от себя. Ты ведь знаешь ключи к моей жизни: какие большие надежды я возлагаю на свое дело и верю, что они полностью сбудутся, как только я смогу заняться врачебно-исследовательской работой. Временами я более угрюм, чем прежде. А теперь, когда ты стала моим «главным принципом», я хочу без остатка служить тебе. Это становится вообще главным условием, которое я ставлю перед своей жизнью, иначе она мало что значит для меня. Я очень упрям и не боюсь научного риска. Мне нужен значительный стимул, чтобы сделать массу дел, которые все рассудительные люди должны считать не очень благоразумными. Действительно, я, довольно бедный человек, должен заниматься наукой. И в то же время я — самый несчастный мужчина, желающий сохранить верность и любовь одной бедной девушки. Приходится жить и дальше в таком же темпе, много рисковать, много надеяться, много работать. Для обычного буржуазного благоразумия я совершенно потерян. Теперь вот вынужден не видеться с тобой. Или только через три месяца увидеться, и все из-за того, что наши отношения еще не очень определенные.

Через три месяца Эли уже будет в Гамбурге. Надеюсь, обстоятельства и состояние дел не воспрепятствует этому.

Короче, я почти ничего не знаю о будущем. Я не имею права не считаться с этим, но уверен, что меня ждет радость снова держать твою ладонь в своей руке. А это так же жизненно необходимо для меня, как еда и питье. Я знаю, что доставил тебе немало печали и лишений, желая похитить у тебя несколько недель счастливого семейного отдыха. Я следую моим импульсивным побуждениям и не боюсь ни препятствий, ни риска. Хочу быть сильным пред тобой, Марта.

Потом со свежими силами продолжу эксперимент, который очень интересен по содержанию, но вряд ли экономически вознаградит меня за три месяца работы. Прибыль не велика, на эти деньги не много накопишь, а время будет потеряно. Можешь ли ты представить, что у меня в кошельке тысяча золотых, а сестры Роза

и Долфи голодают? Конечно, по меньшей мере, половину заработка отдам им, а остального мне хватит продержаться некоторое время, пока не заработаю снова.

Я не всегда, быть может, справедлив по отношению к сестрам. Но я поступаю так, как подсказывает моя совесть. Важно быть в согласии с самим собой.

Сегодня приходил Панет, конечно, по служебной необходимости. Я сохранял выдержку и не возражал ему. Но у меня есть хорошее свойство доверять собственной интуиции. И я нашел много людей, которые разделяют мою точку зрения.

Уверен, что скоро мы увидимся, моя милая. Оставайся здоровой, а мне приходится заканчивать письмо, поскольку снова пришла корректура.

Твой Зигмунд.

Вена, понедельник, 30 июня 1884 г.

Моя любимая невеста!

Я так рад, что мы будем одни и ты ни в чем больше не можешь упрекнуть себя, если действительно ждешь меня. Я так счастлив в ожидании прекрасных дней, которые мы проведем друг с другом. Знаю, тебе хочется прервать меня: мол, не нужно ничего ожидать, чтобы не разочароваться. Но, Мартхен, это ведь зависит только от нас, насколько чудесными окажутся эти дни... Не от погоды, не от настроений других, не от плохих или хороших известий, которые могут прийти.

Я не хочу ничего иного вынести из этого путешествия кроме уверенности, что ты полностью принадлежишь мне, убеждения, что в наших отношениях больше самой любви, чем ее оценок.

Ретроспективный взгляд, который тебе свойствен, так оправдан. Действительно, я всегда любил тебя значительно больше, чем ты меня. Или, собственно говоря, пока мы каждый в отдельности не пришли к осознанию нашей любви, ее сущности, примум фальсум, как сказал бы логик, до тех пор я себя как бы навязываю тебе, а ты принимаешь меня без особой склонности и симпатии. Но это все будет преодолено.

Уверен, что все наконец изменится к лучшему. Ты знаешь, мне говорят, что я обладаю искусством каждый раз вызывать в тебе раздражительность. Говорят, что между нами всегда — поединок, борьба и что ты ничего не сделаешь ради меня. Говорят, что мы слишком разные и принимаем за любовь лишь желание любить. Говорят, что мы — люди, которые хотят любить и быть любимыми, несмотря на то, что обстоятельства жизни у нас разные. Но после всех суровых слов, услышанных мною, я должен признаться себе, что люблю тебя. Никто из моих немногих сторонниц не понял твою сущность, которая в том и состоит, что ты предназначена мне судьбою.

Ты говоришь, я не оказываю на тебя никакого влияния. Я считаю тебя развитым и гармоничным человеком. Но ты бываешь сурова и чопорна со мной, а у меня нет никакой власти над тобой. Ты стала мне еще дороже, несмотря на твое непослушание. И я почувствовал бы себя очень несчастливым, если мы распростимся с тобою вновь на тринадцать месяцев, как тогда в начале улицы Альзер [1]. Тогда моя надежда была крошечной, но я казался себе солдатом, приставленным к забытому часовому. Наше желание быть вместе тогда охладело. Но я все-таки должен был остаться победителем, хотя не знал множества нежных слов, которые помогли бы исполнить мои желания. Но я заметил, что и в твоих глазах кое-что значу. Упрямство и замкнутость, на которые ты сама часто сетовала, прекратятся, если мы будем вместе.

С тех пор я стал другим. Многие душевные раны закрылись, иные стали глубже. Ты знаешь, во мне проснулись упорство и самоуважение. Год назад я еще не знал в себе этих качеств. Поэтому мне не хочется больше откладывать радости. Искреннее согласие с тобой необходимо мне для новой работы.

Однако возникает легкое сомнение. Любишь ли ты меня так же горячо, как прежде? Человека, которого столько времени не видела, не слышала его голоса, его суждений, которые постоянно вызывали твою гордость? Человека, который давно не был рядом с тобою? Не найдешь ли ты, что этот образ не соответствует нынешнему, что твое представление обо мне

[1] На улице Альзер находился главный вход в одну из больниц Вены.

уже иное, чем год или два года назад? Слова «нет» я не переживу. Я жду тебя с нетерпением. Ведь ждать — это моя судьба, как и твоя. Ждать спокойно и преданно, ждать, волнуясь и борясь. Собственно, различие не так уж и велико по сравнению с многообразием тех способов, с помощью которых мы отстаиваем свое право на счастье.

...Еще четырнадцать дней ожидания. О дальнейшем я и не думаю. Минувшие годы уже как бы закрыты завесой времени. Я так люблю тебя и хочу услышать, что тоже любим тобою.

Я хочу прожить предстоящие четыре недели, не принося их в жертву будущему, как раньше. Эти четыре недели и есть само будущее.

Здорова ли ты, мое милое дитя? Я здоров, как никогда, и теперь не перегружен работой. Я должен поразмыслить, чем заниматься эти четырнадцать дней.

Мне поручили написать статью для газеты и вести постоянные наблюдения за больными. Я осматриваю их в отделении больницы.

Нет ли в моем письме чего-нибудь, что огорчило бы тебя, моя дорогая Мартхен? Ты скажи мне об этом.

Твой Зигмунд.

1885

Нежность, которую ты мне даришь, подняла мне настроение и вызвала множество мыслей. Их можно подытожить так: подготовка к супружеству подобна работе, которую никогда нельзя считать абсолютно законченной.

Вена, 16 января 1885 г.

Мое сокровище!

Сердечный тебе привет к семнадцатому [1]. Знаешь ли ты, между прочим, что так же семнадцатого начался и мой курс? А теперь быстро мои новости, которым ты можешь порадоваться.

Жребий брошен. Мне пришлось остричь дикую бороду и идти к Нотнагелю, которому я послал открытку такого содержания: «Позвольте узнать, господин надворный советник, соблаговолите ли Вы выслушать меня по личному делу, и если да, то когда?»

Та же самая толпа, то же самое пугливое шушуканье вокруг меня. Тот ли я врач, который сможет лечить почтенных пациентов и вообще, чего следует ожидать от меня?

Лучше всего я понял разговор одной дамы в черном с ее братом. Женская проницательность увидела во мне нечто сомнительное. А ее братец, хотя и вежливо не соглашался с нею, но в его улыбке сквозило сомнение, тот ли я врач, которому можно доверять свое здоровье. Манне [2] особенно был резок со мной. Но это объяснимо: у него в кабинете висит портрет умершей жены, задумчивой и серьезной.

---

[1] 17 июня 1882 г.— дата помолвки Марты Бернайс и Зигмунда Фрейда.

[2] Не удалось установить инициалы и подробности личности Манне, коллеги Фрейда.

Я спросил у Нотнагеля, могу ли высказать свою просьбу сейчас или позже. Он сказал, что если буду краток, то сейчас, в противном случае нам лучше было бы поговорить позже.

Я обещал, что буду краток:

— Однажды Вы высказались в том смысле, что хотели бы быть мне полезным, и я поверил в это. Теперь к делу. Мне хотелось бы узнать, могу ли я на основании моих предыдущих работ добиваться доцентуры или должен ждать?

— Вы все время работали, дорогой доктор, над «Кокой»? («Кока» прежде всего связана с моим именем).

Я показал ему рукописи своих научных статей, написанных в марте и последующие месяцы. Он не вникал в их содержание, а считал лишь количество.

— По объему это восемь или девять авторских листов. Подавайте спокойно Ваше заявление. О Боже! Если бы Вы знали, какие люди стремятся к доцентуре. Некоторые из них не имеют ни малейших профессиональных заслуг.

— Однако я должен опубликовать еще некоторые вещи, из которых две в самое ближайшее время.

— Вы не нуждаетесь в этом. То, что у вас есть,— более чем достаточно.

— Однако среди них мало собственно по невропатологии...

— Но это не имеет значения. Как можно глубоко разбираться в невропатологии, не занимаясь психологией и анатомией?

Так вы хотите стать доцентом в области невропатологии? Тогда целесообразно, если рецензентами Вашего реферата будет Мейнерт, Бамбергер и, вероятно, я. Думаю, возражений не возникнет, а если другие коллеги засомневаются, то такой состав рецензентов обеспечит Ваш успех. Все будет в порядке, не волнуйтесь.

— Значит, могу ли я предполагать, что вы поддержите мою кандидатуру? Мейнерта я знаю, он это сделает несомненно.

— Конечно, и я не думаю, что кто-нибудь будет возражать, а если и будут, то, по-моему, мы все равно победим.

Я еще добавил:

— Речь идет о том, чтобы узаконить курс, который я веду нерегулярно. Правда, я читаю только для англичан и, естественно, на английском языке. Они идут на мои лекции толпами.

Потом мы крепко пожали друг другу руки, и я ушел, надеясь, что вскоре стану самым молодым доцентом.

Заявление о доцентуре подам на следующей неделе.

На этот раз «золотая змея» от тебя не уйдет.

Тысяча сердечных поцелуев.

Твой Зигмунд.

Вена, четверг, 7 мая 1885 г.

Моя дорогая маленькая принцесса!

Сегодня я получил твои подарки. Они сердечно обрадовали меня. Портфель мне совершенно необходим для рукописей, а блокнотик для рецептов просто очарователен. Я думаю все-таки, что ты мне прислала его не для каждодневного пользования. Он слишком красив для этого.

Кекс, который ты прислала, удивительно вкусный. Просто невероятно, что кекс может быть таким вкусным.

Нежность, которую ты мне даришь, подняла мне настроение и вызвала множество мыслей. Их можно подытожить так: подготовка к супружеству подобна работе, которую никогда нельзя считать абсолютно законченной.

Со своей стороны я решил, что пора прервать мучительное ожидание 17 декабря 1886 года. Мы должны быть мужем и женой, так больше продолжаться не может. Будем терпимы друг к другу. В первые дни мы жили бы на твои деньги. Мои, наверное, все будут истрачены на свадьбу.

Это предложение я серьезно обдумал. Его осуществление зависит только от одного человека — от тебя, Мартхен.

Сегодня я был дома и сделал смелый шаг — пошел к портному Тишеру и заказал ему два костюма, которые мне очень нужны. Не уверен, прав ли я.

Все-таки надеюсь, ты встретишь меня с открытыми объятиями.

Спокойной ночи, мое дорогое сокровище. Сейчас уже полвторого ночи. Еще один день канул в вечность, завтра снова работа.

Цветы передай Минне.

Вероятно, завтра я получу твое письмо, любимая.

Твой Зигмунд.

Вена, суббота, 6 июня 1885 г.

Итак, то, что я давно ожидал, все-таки наконец свершилось! Сегодня я получил приглашение на коллоквиум, где узнал, что должен выступать тринадцатого июня перед коллегией профессоров — Ученым Советом. Это будет отдаленно напоминать экзамен, и только. Но каков будет результат — неизвестно.

Придется купить цилиндр и перчатки по такому случаю и еще — приличный костюм. Мне надо, наверное, появиться на Ученом Совете во фраке. Признаться, еще не решил, должен ли я его сшить или лучше взять напрокат. Правда, я заказал портному Гиллеру выходной костюм. Однако еще не уверен окончательно, оставить этот заказ или нет. Дело в том, что фрак придется взять напрокат не только для выступления перед профессорами, но и для пробной лекции. Мне нужен, конечно, черный костюм, даже два. Не знаю, как это все удастся осуществить.

Я совершенно растерян, голова идет кругом, а дел так много!

Получил разрешение на отпуск, и даже более того — занял необходимую сумму денег на дорожные расходы. А кроме того, получил письмо от Оберштейна, который обещал хоть как-то меня устроить, чтобы я имел крышу над головой до четверга. Это облегчает мне жизнь и вселяет надежду, что, может быть, смогу привести в порядок свои дела.

Как это ужасно, моя любимая, когда нет денег. Просто ума не приложу, как люди содержат семью, если статьи так дешево оплачиваются, что трудно свести концы с концами. По дороге из Богенца в Атем

я, очевидно, не смогу не думать о проблемах, которые связаны с моей работой и вызывают грустные размышления. Я имею в виду свое участие в разработке темы, связанной с анатомией мозга...

Интересно, что день нашей помолвки и день рождения Минны совпадают. Этот месяц действительно до краев насыщен событиями. Только бы все было хорошо, благополучно.

Мой американский пациент заплатил мне первого числа двадцать гульденов, которые хранятся для тебя и Минны. Он оплатит работу за все две недели целиком, и вообще, он должен платить «дань» для моей принцессы и сестры моей принцессы.

Стипендия на поездку, моя дорогая, была бы очень желательна. Тем более что я вовсе не хочу отказываться от прежних намерений, связанных с путешествием в Вандсбек. Однако теперь сложновато отложить для этих прекрасных целей немалую сумму — сто гульденов. Для меня это действительно тяжело — даже в мыслях отказаться от намеченной поездки. Но сто гульденов — это так мало для нашего путешествия, даже если мы будем очень экономными и я не сделаю даже подарок для тебя. Подожду еще дней десять, может быть, удастся заработать побольше. Тем более что у меня теперь появился еще один источник дохода и медицинских наблюдений. Я имею в виду моего богатого пациента барона С., которого лечу сейчас. Я принимал его дважды, и, наверное, он придет еще на консультацию раза два в этом месяце.

Но вот что поистине ужасно: я так бесконечно ленив, что не в состоянии всесторонне обдумать, как найти выход из трудного положения — безденежья. Ну и к тому же невыносимая жара!

Мартхен!!! Ты, наверное, догадаешься и поймешь, что сегодня я просто не в состоянии найти выход из создавшейся ситуации.

Пиши мне всегда по старому адресу.

Сердечно обнимаю тебя, мое дорогое сокровище,
твой Зигмунд.

Вена, суббота, 20 июня 1885 г., вечер

Принцесса, моя маленькая принцесса!

Как будет все прекрасно — я разбогатею и буду прав во всем и принесу нечто красивое для тебя, а потом поеду в Париж, и стану великим ученым, и возвращусь в Вену с большим-пребольшим нимбом вокруг головы, и мы поженимся. И я лечу все неизлечимые нервные болезни, и ты обретаешь меня здоровым, и я целую тебя страстно, крепко, и ты радостно-весела. Будем живы не помрем.

Я хотел послать тебе телеграмму, что получил тринадцать голосов против восьми. Но тогда ты могла бы остаться на целых два дня без точных известий, да и открытка, наверное, больше порадует тебя.

Твое предчувствие относительно пятисот марок шестисот восьми гульденов оправдалось. Я ожидаю много хорошего от одного случая. Мне кажется, что коллеги-профессора смотрят на меня не без симпатии. Я этому несказанно рад. Вообще июнь — отличный месяц.

На том же самом заседании я утвержден в звании доцента, девятнадцатью голосами против трех. При первом голосовании было девятнадцать против одного. Но при этом присутствовали лишь двое из тех, кто относится ко мне недоброжелательно.

Через восемь дней, двадцать седьмого, будет мой пробный доклад на тему, близкую мне,— «Анатомия головного мозга».

Сердечно приветствую тебя, никак не могу привыкнуть, что я так счастлив. Самое большое счастье выпало мне три года тому назад — 17 июня!

Сто тысяч поцелуев шлет тебе
твой Зигмунд.

Мейдлинг, 23 июля 1885 г.,
четверть первого ночи

Моя маленькая принцесса!

Твою открытку я получил сегодня утром. К сожалению, мне не все понятно в твоей гамбургской манере

изъясняться. Но как бы то ни было, твои пять марок оказались очень кстати.

Скажи мне, милая, мы должны уже сейчас предчувствовать плохие времена? Пришли мне все-таки денежную квитанцию.

Ты ведь знаешь, чемодан и дорожная сумка у меня уже есть, Мориц оставил здесь и то и другое.

Ну, теперь разъясню ситуацию. Мы, то есть Долфи и я, решили отправиться на прогулку к перевалу Земмеринг. В полвторого мы едем в Пауэрбах, затем часть пути идем пешком, переночуем где-нибудь и утром рано возвратимся домой. Малышка Долфи будет рада.

На перевале Земмеринг, десять часов вечера

Все складывается прекрасно. Погода чудесная. К тому же здесь самое лучшее масло, мед, да еще четверть содовой воды с вином. Это было прелестно и доставило мне большое удовольствие. Правда, в начале пути я только и думал о тебе и о том, что любое наслаждение без тебя может превратиться в муку.

Мы прошли по маршруту от Кламма до Адлицгрэбена, потом преодолели перевал Земмеринг. В Адлицгрэбене мы нашли прелестную уютную гостиницу с радушными, крошечными служанками. Долфи поступила очень правильно, предложив остаться там на ночлег. Я же хотел идти к отелю «Эрцгерцог Иоганн».

Теперь расскажу о наших приключениях. Мы добрались туда, к этому отелю, не зная заранее, есть ли возможность переночевать там. Пришли поздно вечером. А когда спросили хозяев отеля, то услышали, что свободных мест нет. При свете луны мы пошли на другой склон горы, к Дому туристов, затем к ферме. Однако нигде не оказалось места для нас. Мы узнали дорогу и нашли еще одну гостиницу, но нам не поверили, что мы сбились с пути в лунную ночь. Наконец, хозяин сдался и милостиво пояснил, что мы можем расположиться на ночлег в маленькой столовой.

Долфи держалась великолепно. Она маршировала, как бравый солдат, не боялась темного леса, была

бодра и жизнерадостна. И самое главное, не упрекала меня, хотя для этого у нее были серьезные основания. Я пожинал плоды своего легкомыслия, не взяв с собой достаточного количества денег. И сестренке пришлось не раз выручать меня из беды.

Предполагаю, что ты в подобном случае очень рассердилась бы. Но я, в свою очередь, мог бы так нежно тебя расцеловать. И что не менее важно, постараюсь заслужить право на такой поцелуй. Действительно, слишком глупо представлять себе это, но ведь так приятно, так хорошо помечтать о возможном блаженстве. Ах, если бы ты была здесь со мной, моя маленькая принцесса! Я должен собраться с силами и в течение четырнадцати дней очень ограничить себя в бездумном наслаждении жизнью, чтобы заработать деньги.

Я ведь очень хорошо понимаю, почему ты не любишь, чтобы я считал эти дни. Моя бедная малышка, так хочется, чтобы твой день рождения стал чудесным праздником. Но теперь до тех пор, пока я увижу тебя, я должен серьезно и много работать, во всем экономить, чтобы действительно заслужить это счастье.

Лист бумаги для письма разорвался, и я пишу тебе на клочке, который случайно нашелся у меня.

Завтра до обеда мы уже возвратимся домой. Хочу провести твой день рождения в размышлениях наедине с собой.

Спокойной ночи, моя дорогая.

Твой Зигмунд.

Вена, четверг, 6 августа 1885 г.

Душа моя, сердце мое!

Я уже возвратился с курорта.

Ты недавно видела Шенберга, но я не в силах описать, каким он стал сейчас: бескровным, худым, тихим и почти бездыханным. Одна половина легких совсем разрушена, а другое легкое с трудом справляется с болезнью и не выдерживает ее стремительный натиск. Я считаю его обреченным, хотя и не знаю точно, как скоро или как медленно догорит остаток его

дней. Через три месяца он будет в Вене. Посмотрим, чего можно добиться благодаря более мягкому климату, хорошему уходу и покою.

Для друзей он в любом случае потерян. Его бедная душа устала от жизни. Воодушевление высокой целью, страсть, ореол, которым по его собственному выбору окружали его возлюбленные,— все это в прошлом, когда он был здоров. Когда дыхание становится короче, суживается круг интересов, сердце отказывается от всех желаний. Остается усталый, покорный судьбе философ, который примирился с некогда постыдной семьей, неспособный на что-либо обижаться, благодарный за любое проявление внимания со стороны родственников и друзей. Больной, нуждающийся прежде всего в покое, отдыхе, тишине.

Мы беседовали с ним о твоей сестре:

— Ты согласен, что я поступил правильно, разорвав эту связь, расторгнув отношения с Минной?

Я сказал, что написал Минне об этом. Но отказ ведь ничего не означает, в том смысле, что ее чувства остались прежними. Правда, она всегда зависела от отношений, над которыми не имела никакой власти. Но он твердо возразил: «Нет!» И мне вдруг стало ясно, что он несправедлив, что его любовь умерла раньше, чем он сам.

Что его к этому привело, почему он от всего отрекся, я не знаю. Но он уверенно высказал мнение, что главное для него — работа и должность, независимость от братьев и собственная воля.

Что это — конец долгой тяжкой борьбы или симптом расстроенной психики? Слова его были скупы, но он сказал мне нечто важное, что предотвратило мой гнев относительно его родственников.

Завтра или во вторник я пойду к нему вместе с доктором Мюллером. Я убеждал себя, что я не кто иной, как только друг Шенберга, и все-таки высказал суровую правду Геза, брату Шенберга. Правда, парень оказался слишком высокомерным и глупым. Впрочем, родственники Шенберга, кажется, понимают, что больной нуждается в уходе, и готовы снова контактировать со всеми, дураки.

Одно слово, вырвавшееся у Шенберга, причинило мне большую обиду. Он говорил о том, что Марта сделала для него много хорошего, да и внешне выгля-

дит она прекрасно, но что у нее «синие круги под глазами». Почему он сказал, что у моей девушки «синие круги под глазами», ума не приложу. Из-за этого у меня испортилось настроение.

Я подумал о человеческой психологии, в частности, о том, что твои «синие круги под глазами» потрясли меня больше, чем печальное состояние бедняги Шенберга.

Когда я приеду, то зацелую тебя. Надеюсь, что первого октября ты не прогонишь меня.

Твой Зигмунд.

Вена, среда, 12 августа 1885 г.

Моя странствующая принцесса!

Приходится смириться, что ты без меня отдыхаешь в Любеке. Две одинокие девушки путешествуют по Северной Германии! Да это ведь восстание против мужской прерогативы. Это значит, что можно обойтись без мужчин, и довольно благополучно.

Никаких приключений с вами не случалось? Я был бы искренне рад, если бы это произошло. Мне не остается ничего другого, как радоваться, что ты хорошо чувствуешь себя в Любеке.

Со вчерашнего дня никаких изменений в моей жизни не произошло, а все новости я тебе уже сообщил. Разве вот только эта новость: пришла повестка из полицейского комиссариата. Не пугайся, это, очевидно, по поводу моей доцентуры. Государство хочет знать, можно ли поручиться, что я не сделаю какой-нибудь подлости после того, как меня увенчали столь благородным титулом. Но я никого не предал, никому не изменил.

Кроме того, передо мной лежит «Миддлмарч» Элиот в четырех томах.

Мои носовые платки уже на исходе, а насморк еще не прошел.

А теперь хочу пообедать. Когда возвращусь, напишу тебе о бедственном положении с деньгами.

Должен тебе объяснить, почему, к моему глубочайшему сожалению, я ничего не смогу привезти с собой.

Хотя мне очень хотелось сделать тебе подарок. Мне доставило бы это бóльшую радость, чем тебе. Но послушай. Я откажусь посылать Панету триста гульденов, потом займу у Брейера девяносто гульденов; в итоге мой долг достигнет пятисот гульденов. Теперь разделим эту сумму так. Сто гульденов получит столяр. Это будет первый и единственный платеж, рассчитанный на продолжительный отрезок времени. Двести гульденов отложим на сентябрь, включая поездку в Вандсбек. Это скорее слишком мало, чем слишком много. В прошлом году мы истратили больше, хотя в последние дни очень экономили. Остается лишь сто семьдесят гульденов для путешествия. Теперь распределим девяносто гульденов, из которых надо отдать книготорговцу пятьдесят семь гульденов, сапожнику — семь, учителю французского языка — пять гульденов (я решил взять еще не больше пяти уроков), чемодан, ящик, упаковщик — для всего этого отложим еще тридцать гульденов. Не слишком ли дорого? Купить шляпу? Все-таки нет. Подождем до гамбургской поры.

Моей прислуге надо заплатить от пяти до восьми гульденов. Короче, вижу, что если останется еще двадцать гульденов, из которых я должен что-то оставить дома, то буду счастлив. Так что наша поездка становится проблематичной.

Я привезу с собою двести гульденов полностью, и это, собственно, все, чем я располагаю. Думаю, что до первого октября ничего больше не получу.

Итак, для подарка тебе ничего не остается, мое сокровище. Мне даже не хватает сорока гульденов, которые мне посоветовали вырвать у последних пациентов, чтобы хоть как-то компенсировать нехватку денег. Получается, что я ничего не смогу привезти тебе, как я и предполагал. Это, конечно, приводит меня в уныние. Ведь так хотелось бы доставить тебе радость.

Итак, можно ли быть уверенным, что, когда я приеду тридцатого, мы выдержим еще восемнадцать дней? Долгое и трудное время напряженной работы, но это единственное, что может сделать меня обеспеченнее.

В Вандсбеке мы ведь хотели заниматься французским языком.

Сможешь ли ты найти преподавателя, порядочного

и аккуратного, да так, чтобы занятия стоили не слишком дорого? В жизни все-таки слишком много маленьких забот.

Сердечно приветствую тебя.

Твой Зигмунд.

Париж, 19 октября 1885 г.

Мое любимое сокровище!

Сегодня я решил положить конец собственной лени. Был в клинике Сальпетриер, хорошо оснащенной медицинским оборудованием, с многочисленными отделениями, как и в нашей больнице в Вене. Хотел представиться ассистенту и спросить, когда придет Шарко. Но прежнего ассистента, оказывается, уже нет в Сальпетриере, его замещал новый, а Шарко находился в больничных палатах. Я мог бы войти туда, да забыл дома свое служебное удостоверение.

Итак, завтра я должен сделать шаг, от которого многое зависит. В полдесятого утра — консультация экстерном, так называется прием ходячих больных в кабинете врача. Вероятно, завтра начнется мой первый рабочий день в клинике.

Лекции в Эколь де Медицин начнутся только пятого ноября. Но если мне понравится у Шарко, то едва ли я смогу что-нибудь там делать, поскольку время и внимание будет поглощено работой в Сальпетриере. На первом этаже Эколь де Медицин находится библиотека. Там много журналов, в том числе на немецком и английском. Я провел уже много часов за чтением медицинской научной периодики. Купил одну из книг Шарко за четыре франка на французском. Я знаю ее содержание по-немецки и теперь собираюсь перевести самостоятельно с немецкого на французский и извлечь пользу из этого. Моя лень страшно сжигает меня, в последние дни не проходит и часа, чтобы я громко не укорял себя...

Что я делал вчера, я едва ли смогу точно припомнить. После театрального вечера семнадцатого у меня разыгралась мигрень. Ты ведь знаешь, спектакли идут

здесь с восьми до двенадцати ночи, и к тому же в невыносимой духоте.

Я был с Джоном [1]. Самые дешевые места (то есть на галерке) стоят один франк, а мы купили билеты по одному франку пятьдесят сантимов, позорные ложи такого размера, что годны лишь для голубей. Это боковые места на самом верхнем ярусе; там возникает ощущение, что ты совершенно один и никого больше нет. Я с грустью вспоминал наши гамбургские театральные вечера. Но мне понравилось, что здесь не было никакой демонстрации дамских туалетов. Богатые, нарядно одетые дамы сюда просто не поднимаются и, очевидно, берегут свои изысканные туалеты для оперы.

На сей раз не было никакой музыки, никакого оркестра. Три звучных удара молотом за занавесом означают, что спектакль начался. На сцене господствовал Мольер, его «Брак поневоле», «Тартюф» и «Смешные жеманницы». И хотя мой французский язык таков, что речь женских персонажей я не понял вообще, а мужские роли только наполовину, тем не менее получил громадное удовольствие от блестящей игры. «Тартюф» я ведь хорошо знал и раньше, а в последней пьесе «Смешные жеманницы» достойно внимания то, что там меньше диалогов, чем прекрасной комической игры. На спектакле «Тартюф» публика неистово аплодировала после каждого продолжительного диалога.

Сильная мигрень немного охладила мое горячее стремление как можно чаще посещать театр. Для меня спектакли — не только эстетическое наслаждение, но и своего рода уроки французского. Ведь со мной никто не общается на французском языке, и мое произношение оставляет желать лучшего.

К сожалению, наверное, мне никогда не удастся избавиться от сильного акцента. Но, по крайней мере, я хочу добиться того, чтобы правильно строить фразу на французском языке.

Прогулка, о которой собираюсь тебе рассказать, привела меня три дня назад в квартал, где находятся несколько министерств. Затем я прошел мимо Дома Инвалидов, перешел по мосту Сену и вышел на Елисейские поля, самое прекрасное место в столице Фран-

[1] Джон Филипп — двоюродный брат Марты.

ции. Там, на Елисейских полях, чинно разъезжают экипажи и нет ни одной лавки. Знатные дамы степенно прогуливаются здесь с неописуемым выражением на лицах, словно хотят показать, что в мире существуют только они да еще их мужья.

Рядом — парк, где симпатичные детишки играют в юлу, управляют игрушечными копьями, метко бросают колечко и с наслаждением смотрят цирковые представления клоунов.

На скамейках сидят нянечки, они кормят детей. А рядом гувернантки, к которым с криком бегут капризные малыши, если поссорятся с нянями.

Я сразу же вспомнил о бедной моей сестре Митци, ведь она работает гувернанткой, и сердце мое преисполнилось ярости и всяких бунтарских мыслей. Так продолжалось, пока я не добрел до площади Согласия, в центре которой возвышалась старинная скульптурная группа из города Луксора.

Ты только представь: великолепная скульптура с птичьими головами, сидящими человечками и разными иероглифами. Это творение неизвестных мастеров на добрых три тысячи лет старше нынешних прохожих, снующих мимо него. Скульптура создана во славу царя, которого знают очень немногие. Его и вовсе позабыли бы, если бы его имя не сохранилось на этом изваянии. К площади Согласия примыкает сад Тюильри. Ты легко можешь представить себе это место. Оно похоже на нашу Венскую площадь между Городскими воротами, садом Фольксгартен и двумя музеями.

Да, вчера я был в Лувре, изучал его античный отдел. Там находится множество греческих и римских статуй, надгробий, надписей и обломков. Некоторые экспонаты просто великолепны. Древние боги стоят в невесть каком количестве. Среди них я видел знаменитую Венеру Милосскую без рук и сделал ей общепринятый комплимент. Помнится, отец знакомого семейства старый Мендельсон сообщал о ней из Парижа, о Венере Милосской, просто как о новом экспонате и не проявлял при этом особого восторга. Я думаю, что красота статуи была по достоинству оценена лишь позднее, и притом почти единодушно. Для меня эти вещи имеют преимущественно историческую, нежели эстетическую ценность. Мое внимание привлекли

бюсты императоров, многие с отличными характеристиками. Большинство кесарей здесь представлены многократно, и часто одно их изображение не похоже на другое. Должно быть, много подражанья и стандартной работы.

У меня еще было время бросить беглый взгляд на ассирийский и египетский залы, которые я непременно посещу. Мельком видел статуи ассирийских царей, огромных, как деревья. Эти властелины держали на руках львов, как сторожевых собак. Там восседали на постаментах крылатые человекозвери с красиво подстриженными волосами. Клинопись выглядит так, как будто сработана вчера. Еще были разукрашенные в огненные цвета египетские барельефы, настоящие сфинксы, императорские короны. Немного воображения, и, кажется, вся вселенная в ее историческом прошлом представлены здесь.

Сегодня я шел по этой же самой дороге, что три дня назад, только в противоположном направлении и был в той части города, где позавчера не выполнил программу, намеченную тобою.

Я попал в самую гущу парижского шума, пока не прошел знаменитый бульвар де Републик от начала до конца. На бульваре я видел огромную скульптурную группу, символически изображающую Республику в память о событиях 1789, 1792, 1830, 1849 и 1870 годов. Бедняжка Республика часто прерывала свое существование.

Вчера во Франции, и в частности Париже, проходил второй тур выборов. Республиканцы на этот раз объединились в первом туре из-за раскола между радикалами и оппортунистами. Были избраны почти исключительно монархисты. Продавцы газет кричали сегодня так, что нужно было затыкать уши. Некоторые газеты выходили сегодня по четыре-пять раз, и я сам купил две. На этот раз на выборах победили республиканцы.

Ну как, нравятся тебе мои письма из Парижа? Ведь самые подробные отчеты не заменят сердечных нежных слов.

Вот уж восемь дней, как я тебя не видел, и каждый день думаю о том, как бы взглянуть на твое лицо. Снова никак не могу себе представить, как ты выглядишь. Или лучше бы я не ездил в Берлин? Мне хотелось бы каждую субботу, по вечерам, уезжать и на воскресенье оставаться у тебя.

Благотворное влияние времени, проведенного в Вандсбеке, свежесть сил и душевное умиротворение еще не прошли. Однако я этому не рад. Я слишком влюблен и к тому же слишком неповоротлив. Какие еще маленькие новости сообщить тебе? Кофе здесь повсюду чудесный, а дети носят точно такие же рубашечки, как ваши из Сан-Франциско.

Подумай только, за туалетные принадлежности для бритья я заплатил три с половиной франка. Потому мне надо стараться экономить.

Пиши же мне все и обстоятельно. Твое последнее письмо было не подписано, но я знал, что оно от тебя. Ведь кто кроме тебя может так ласково писать?

Твой верный Зигмунд.

Париж, 8 ноября 1885 г.

Любимая, сокровище мое!

Сознаю, что не писал тебе целую вечность. Получил твою открытку, где ты сообщаешь, что снова живешь с мамой и хотела бы услышать обо мне. И вот я взялся за перо.

Несмотря на обилие всяких мелочей, важнейшим для меня является то, что теперь я наконец преуспеваю в работе, хотя и очень постепенно, но все-таки продвигаюсь вперед и прилагаю серьезные усилия.

Правда, вчера были совсем другие причины, почему я не писал тебе. Вчера я был в театре и восхищался знаменитой Сарой Бернар. Немного устал. Спектакль шел с восьми до полпервого ночи. К тому же еще страшная жара. И все это надо было вынести. Но спектакль стоил и не таких усилий.

С чего начать свой рассказ об этом событии? В театре я был вместе с моим русским коллегой. Наши билеты стоили четыре франка за каждое место. Правда, места были неудобными и, главное, так тесно, что наверное, даже в гробу просторнее и удобнее. Зато видно и слышно отлично. Спектакль начался, как я уже сообщил тебе, в восемь часов. В нем пять действий и восемь картин. После первого действия жара настолько усилилась, что, казалось, все вокруг раскалено.

К концу спектакля было невыносимо душно. Это все стиль здешней жизни: давать театральное представление не меньше чем на четыре-пять часов и принимать пищу пять-шесть раз.

Ну, это пустяки. Главное, спектакль доставил огромное наслаждение. Он смотрится с таким потрясающим интересом, что усталость исчезает сама по себе. В антракте мы вышли на улицу. Погода была жаркая, но можно было выпить пиво, закурить сигару или съесть апельсин. Возвратились в театр после антракта мы слишком рано, и потому нам пришлось вновь испытать все муки пекла.

Не могу найти слов, чтобы выразить восторг, который вызвал в моей душе спектакль «Теодора» (правда, некоторые уже готовы говорить «Дора», наверное, потому, что слово созвучно с термидором, Эквадором и тореадором). Роскошные декорации, великолепие византийских дворцов, пожар в городе, шествие вооруженных людей — все запоминается, все оставляет неизгладимое впечатление. Мне кажется, вряд ли кого оставил равнодушным этот спектакль.

Сама Теодора — знаменитая императрица, супруга Юстиниана — первоначально занималась балетом и была танцовщицей. Но как ни интересна история ее поисков, в пьесе она показана преимущественно просто женщиной, с ее женскими достоинствами и страстями. Французы любят такие упрощения многогранности характеров, достаточно вспомнить одну из героинь Виктора Гюго — донну Солль. Теодора любит юного патриция с его идеалами республиканца. Любит искренне и страстно, далеко не всегда встречая взаимность. Драматизм заключается в том, что возлюбленный Теодоры бросает ей в лицо (правда, уже в конце пьесы), что она не в его духе.

Но как играет Сара Бернар! После первых же ее слов, произнесенных глубоким, грудным голосом, мне показалось, что я знаю ее давным-давно. Никогда мне не приходилось видеть актрису, которая бы так потрясла меня! Она вела почти весь спектакль и играла божественно. В первой картине, лежа на императорской софе, она давала аудиенцию, выразительным властным жестом приглашая к беседе и великодушно относясь к впавшему в немилость Белизару, одному из персонажей пьесы. Во второй картине Теодора посеща-

ет свою кормилицу. Причем остается неопознанной старой няней-кормилицей, которая теперь работает в зверинце сторожем. Теодора любуется тигром и вообще ощущает радость жизни. Потом она помогает бывшей кормилице чистить лук и разделяет ее скромный обед. Затем она встречается в саду со своим возлюбленным. Это сюжет третьей картины. В четвертой мне особенно запомнилась небольшая сцена, когда она появляется вместе со своим супругом-императором, свирепым и трусливым тираном. Она гневно бросает ему упрек, что он еще больший комедиант в жизни, чем она.

Кульминация сценической интриги, когда возлюбленный героини пьесы вместе со своим другом проникают во дворец под покровом ночи с тайным замыслом убить императора. Теодора внезапно закрывает двери, как только друг Андреаса переступил порог. Таким образом она хочет спасти любимого от неизбежных пыток в том случае, если он будет схвачен стражей. Она требует, чтобы он ушел, иначе его могут судить как заговорщика и подвергнут мучениям, чтобы выведать, с кем он был в ту ночь. Она стремится внушить ему, что опасается за его жизнь и подсказывает ему путь спасения. Он отвергает ее заботы и требует от нее только одно-единственное: убить его, в противном случае грозится обо всем рассказать императору. Далее все развивается по законам мелодрамы: друг Андреаса, возлюбленного Теодоры, вынуждает ее проколоть его сердце золотой шпилькой императрицы. В пятой картине она вновь встречается со своим любимым, но при трагических обстоятельствах: на похоронах его друга. Андреас клянется беспощадно отомстить убийце, то бишь Теодоре. Когда она — в следующей сцене — появляется в ложе цирка вместе с императором, к ним неожиданно врывается какой-то мужчина и осыпает императорскую чету страшной бранью и проклятиями. Он тут же схвачен с поличным и должен пасть ниц перед ними, прежде чем его предадут суду. Это, конечно, Андреас. Затем мы видим Юстиниана, дрожащего в своем дворце от страха,— ведь в городе начались волнения. Андреас бежит из-под стражи и поднимает мятеж в городе. Но Белизар побеждает, снова водворяет в тюрьмы заключенных. В городе бушует пожар. Между тем подозрения им-

ператора относительно Теодоры усиливаются. Теодора же от своей няни узнает, что та укрыла Андреаса, раненного в цирке, и помогла бежать ему. С помощью старой кормилицы она встречается с Андреасом, выслушивает его презрительные упреки и дает ему волшебный напиток, приготовленный няней. Первоначально, оказывается, этот напиток предназначался Юстиниану, чтобы император стал уступчивым и гибким. Но в последний момент напитки случайно перепутали, в руках Теодоры оказался яд, о чем она, естественно, и не подозревала. Сын кормилицы, приговоренный тираном к смертной казни, хотел таким образом отомстить ненавистному императору. Андреас умирает. Теодора горько оплакивает возлюбленного. В это время появляются несколько придворных, склонившись в молчаливом поклоне. Теодора, устремив взгляд к небу, твердо произносит: «Теперь и я хочу умереть». Палач, находившийся среди придворных, услужливо предлагает ей шелковый шнур и накидывает петлю на ее горло.

Таков вкратце сюжет пьесы. Но не все в ней трагично. Есть фрагменты, которые пронизаны простодушным юмором и весельем. Я никогда не видел ничего более комического, чем то, что творила на сцене Сара Бернар во второй картине. Она играла в простом бедном платье, когда, неопознанная, навещала свою няню. Я ни капли не преувеличиваю, когда говорю, что все, решительно все в ней дышало жизнью и очарованием. Ее просьбы, даже ее лесть по отношению к няне вызывали в зале добрую улыбку и смех. Просто невероятно, как виртуозно владеет она и голосом, и каждым жестом, наклоном, движением, когда играет свою роль. То она воплощение царственности и страдания, то очаровательной грациозности и нежности. Думаю, она и в жизни не может быть иной, чем на сцене. Обаяние и искренность — всегда в ее облике и поведении.

За удовольствия всегда приходится платить. Я заплàтил... мигренью. Уже не первый раз. И теперь решил бывать в театре пореже и при условии, что билет не дороже пяти-шести франков. Я находился в обществе русского врача Кликовича, ассистента профессора Боткина. Кликович — бойкий, хитроватый, любезный молодой человек. Ему я обязан всякими

практически полезными познаниями. Он, к примеру, показал мне бистро, где можно получить за тридцать сантимов то же самое, за что в кафе платишь шестьдесят. Еще одно благое дело на счету Кликовича. Он отвел меня в ресторан, где выбор блюд бо́льший, чем в других местах. К тому же в этом ресторане можно в два раза больше съесть и выпить, чем в соседнем дувале, да еще и сэкономить двадцать сантимов на каждом обеде и ужине. Я еще больше преуспел бы в экономии денег, если бы вместо пива пил вино, тогда пришлось бы платить лишь один франк шестьдесят сантимов вместо двух франков.

Сегодня, в воскресенье, планировалась экскурсия в Версаль. Но, пожалуй, я дам отдых своей голове, а заодно и кошельку. С другим моим знакомым, тоже русским, который пригласил меня сегодня на чашку чая, я собирался посетить несколько лекций. В пятницу мы были в гостях у М. Аллопо [1], молодого ученого, с которым встретились в амфитеатре и там познакомились. Тогда я представился господам, но о приеме речи не шло. Кругом слышались возгласы театральной публики: «Очаровательно, прекрасно!», что вовсе не соответствовало действительности.

Потом я съездил в Вену и познакомился там со специалистами, с которыми намерен работать в будущем. Я очень стремился завязать эти контакты, а кроме того, сэкономил немного на билетах. Что касается здешней духовной атмосферы, то могу сказать, что те молодые иностранцы, с которыми я познакомился здесь, в Париже, думают примерно то же, что и я, о так называемой приветливости и радушии французов.

Ну, теперь, кажется, достаточно хроники моей жизни. Забыл сказать: я получил очень милое письмо от Долфи. Теперь, когда я все же справился со всеми новыми фактами и событиями моей жизни во Франции, мне вновь хочется писать тебе, общаться с тобою. Надеюсь получить от тебя подробное, обстоятельное письмецо.

Сердечно приветствую тебя
твой всегда верный Зигмунд.

---

[1] Франсуа-Маре Аллопо (1842—1919) — профессор дерматологии.

1886

Я уже в зрелом возрасте. Идет четвертый год нашей помолвки, а мы до сих пор точно не знаем, когда осуществится желанное событие, о котором мы так часто мечтали. Но как бы мы ни отдалялись от цели, мы все-таки не растеряли уверенности.
Очень хочу надеяться, что ближайший день рождения будет таким, каким ты его описываешь, что ты разбудишь меня поцелуем и мне уже не придется ждать от тебя письма.

Париж, понедельник, 18 января 1886 г.
11 часов ночи

Моя милая принцесса!

Вчера после службы я писал черновик одной аналитической работы. Сегодня получил наконец твое дорогое письмо. Спешу ответить тебе немедленно, иначе тебе придется долго ждать вестей от меня.

Вчера я почти час был у Шарко и получил у него еще около десяти страниц текста для перевода. Мне бы хотелось описать, как у него все это выглядело,— сейчас или позднее. Ранее я был, как и Рикетти, приглашен к нему после работы в четверг. Ты, конечно, представляешь себе мое волнение в сочетании с любопытством.

Белые перчатки и галстук, новая рубашка, стрижка (последних и все еще лишних волос) и так далее. Немного кокаина, чтобы в состоянии шевелить языком. Эта новость, конечно, должна широко распространиться в Гамбурге и Вене, и даже с таким преувеличением, что он поцеловал меня в лоб и так далее.

Ты видишь, мои дела идут совсем неплохо, и я совсем не собираюсь высмеивать твои планы на будущее. По-моему, хорошие планы.

Сердечно приветствую тебя. Мне хотелось бы быть твоим зубным врачом.

Твой Зигмунд.

Париж, 20 января 1886 г.

Моя любимая!

Я собрался писать тебе еще вчера в двенадцать часов ночи, однако не смог найти спички и вынужден был при лунном сиянии снять свои чудесные одежды и отправиться спать.

Итак, начнем все по порядку. В субботу Шарко обратился сначала к Рикетти и пригласил его во вторник, накануне отъезда. Тот сначала испуганно отказался от приглашения, но в конце концов согласился посвятить вечер званому обеду. Затем Шарко зашел ко мне и повторил свое приглашение на торжество. Я чувствовал себя глубоко счастливым в тот момент. Потом он назначил время в воскресенье, когда мы проведем деловые переговоры о моем переводе его трудов на немецкий. Поначалу я испытывал некоторую скованность в его доме. Но это еще не все, чем я хотел поделиться с тобою. Мне хочется тебе рассказать, как выглядит его рабочий кабинет. Он такой большой, как вся наша будущая квартира, и производит впечатление волшебного замка, в котором он гордо, с достоинством живет.

Его кабинет состоит из двух частей. Одна — бóльшая часть — служит науке и предназначена для нее, меньшая часть располагает к уютному отдыху. Два искусных выступа в стене разделяют его кабинет на две части. Когда открываешь дверь, видишь сначала огромное трехстворчатое окно, выходящее в сад. Окно привлекает живописной росписью по стеклу. Вдоль стен значительное место занимает колоссальная библиотека в два яруса. На второй ярус ведут лестницы, расположенные по обе стороны. Слева у стены стоит огромный длинный стол с журналами и поставленными в ряд книгами. Столик поменьше с папками и рукописями как раз перед большим окном. Недалеко от двери направо окно в ярких витражах и перед ним письменный стол Шарко, уставленный книгами и рукописями, его кресло и множество стульев. В другой части кабинета камин, стол и шкафы с антикварными изделиями индийского и китайского происхождения. Стены увешаны гобеленами и картинами. Во всем красота и естественность. То, что я бегло увидел в других комнатах,— множество картин, гобеленов, ковров,

забавных диковинных вещиц. Одним словом, музей, да и только.

После того как Шарко еще во вторник в первой половине дня напомнил о нашем ангажементе, мы все послеобеденное время были заняты приготовлением к нему. Рикетти, который отличается невероятной скупостью, позволил убедить себя своей жене, что вполне достаточны новые брюки и новая шляпа для этого визита. Можно, мол, и без фрака, в рединготе появиться в обществе. В итоге, в тот вечер он один-единственный был без фрака.

Мой туалет оказался безупречным, я заменил белый жилет прекрасным черным с застежками из Гамбурга. Фрак я впервые надел в тот вечер, а кроме того, купил себе новую рубашку, пару белых перчаток, поскольку выстиранные уже не так, как прежде, красивы. Затем я подровнял волосы в парикмахерской и решил подстричь на французский манер уже изрядно выросшую бороду. В общем, в тот день я израсходовал четырнадцать франков. Зато выглядел вполне прилично и производил, на мой взгляд, благоприятное впечатление.

Мы, дабы не опоздать, приехали заблаговременно в экипаже, за который заплатили поровну. Рикетти страшно волновался, хотя его успех был гарантирован; я же держался совершенно спокойно с помощью маленькой дозы кокаина несмотря на то, что у меня были причины опасаться позора. Мы пришли на вечер первыми и должны были еще ждать, пока не появились хозяева. Тем временем мы любовались удивительными комнатами. Но вот вышли и хозяева, и сразу завязалась увлекательная беседа.

Месье и мадам Шарко, мадемуазель Жоан Шарко, месье Леон Шарко, молодой месье Доде, сын Альфонса Доде, профессор Бруардель, судебно-медицинский эксперт, умная, интеллигентная голова; месье Штраус, ассистент Пастера, широко известный своими исследованиями холеры, профессор Лепи из Леона, один из самых влиятельных французских клиницистов, маленький болезненный человек; месье Жиль де ля Турет, прежний ассистент Шарко, теперь — Бруарделя, настоящий уроженец южной Франции, почтенный член института, математик и астроном, заговоривший по-немецки, а затем оказывается, что он норвежец; позже

пришел брат Шарко, г-н профессор Вульпи и другие господа, имен которых я не знаю, чем-то похожие друг на друга. Был еще итальянский художник Тоффано [1].

Ну, наверное, теперь тебе любопытно, как я вел себя в таком блестящем обществе? Весьма прилично: я обратился к профессору Лепи, чьи работы знал, и затеял длинную беседу с ним, затем со Штраусом и Жилем де ля Турет. Потом предложил чашку кофе мадемуазель Шарко, позже выпил пиво, курил трубку и чувствовал себя очень комфортно, если бы не случилась одна неприятность. Я непринужденно общался с гостями и чувствовал себя превосходно, свободно беседуя с чужими людьми. Но тут вдруг профессор Лепи пригласил меня в Лион, где он работает, и я охотно бы согласился приехать, но тогда пришлось бы рассказывать о личных взаимоотношениях среди ученых Вены и сам поневоле окажешься в центре внимания. А Рикетти ухаживал именно за мадемуазель и мадам, и они пришли в восторг от него. Затем мадам поинтересовалась, какими языками я владею. Я ответил: немецким, английским, немного испанским и французским — совсем плохо. Мадам нашла, что французский я знаю в достаточной мере, и Шарко поддержал ее, хотя и сказал, что я не всегда моментально схватываю мысль собеседника. Я согласился, что действительно часто только спустя полминуты понимаю услышанное и сравнил это с подобием болезненного симптома табеса, сухотки спинного мозга, что вызвало сочувствие ко мне.

В известной мере я очень доволен своими достижениями или, по крайней мере, достижениями кокаина. В тот вечер я получил разрешение послушать курс профессора Бруарделя в морге и уже сегодня сделал это. Лекция была прекрасной, хотя ее предмет мало подходит для слабых нервов, поскольку это своеобразный рассказ о каком-либо трагическом событии, сопровождаемый «показом картинок», как писали в парижских газетах.

Может быть, тебя заинтересуют мои впечатления о мадам и мадемуазель Шарко. Мадам — маленького роста, кругленькая, оживленная, с белыми напудрен-

---

[1] Тоффано Эмиль (1888—1920) — итальянский художник, выставлялся в парижских салонах, картины его широко репродуцировались.

ными волосами, любезная, не очень изящной внешности. Богатство досталось ей по наследству, Шарко был совсем бедным, а ее отец владел бесчисленными миллионами. Мадемуазель Шарко совсем другая, тоже маленькая. Она являет собою полное и все-таки довольно забавное подобие своего гениального отца. И поэтому она столь интересна, что можно и не задумываться, красива ли она. Ей около двадцати лет, она естественна, общительна. Правда, я едва перекинулся с ней словечком, поскольку обращался к более старшим господам, но Рикетти уделил ей очень много внимания. Она понимает по-английски и по-немецки. Но благодаря тебе я уже не могу в кого-нибудь влюбиться. Иначе мог бы приключиться любовный роман. Сильное искушение поддаться соблазну объяснимо и безопасно: ведь юная девушка похожа на мужчину, который вызывает восхищение. Можно было бы вдоволь посмеяться на сей счет, потому что тогда мой опыт любовных приключений стал бы богаче, но этого не произошло.

Впрочем, я хотел бы знать, последнее ли это приглашение. Думаю, что да, поскольку обязан этим в известной степени Рикетти.

Сердечно целую.

Твой Зигмунд.

Париж, вторник, 2 февраля 1886 г.

Любимое мое сокровище!

Ты пишешь так увлекательно и разумно, что я каждый раз с нетерпением жду, о чем ты еще расскажешь в следующем письме. Я знаю, тебя не надо благодарить за это. Твой стиль — это твоя натура. В последнее время я испытываю особое уважение к тебе, моя дорогая, особую доверительность.

У меня возникло одно желание, такое естественное для любого человека,— желание быть здоровым. Возможно, ты улыбнешься, прочтя это. Но в самом деле, сейчас я не совсем здоров. Заболевание неврастенией в легкой форме вызвано прежде всего усталостью. Причины этого заболевания — постоянные хлопоты,

нервное напряжение, заботы и переживания последних лет. Но все это исчезает словно по мановению волшебной палочки, когда ты со мной. Из этого факта следует, как я должен поступать дальше. Очень скоро мы будем навсегда вместе, и едва ли что-нибудь способно помешать такому решению. Когда мы поженимся, я буду стараться зарабатывать не менее трех тысяч гульденов в год. И тогда наконец не придется грустить и чувствовать себя несчастным и одиноким. И вот тогда-то, надеюсь, моя нервная система будет в полном порядке.

Меня очень порадовало, что ты напомнила мне историю, связанную с гонораром [1]. Я действительно поступил необдуманно и, конечно, попал впросак со своим благородством. Едва ли по этому поводу можно сказать что-нибудь иное, чем то, что говоришь ты, моя любимая. Действительно, мы еще молоды и пока не поздно извлекать уроки из жизненного опыта. Ответ на мое письмо книготорговцу я еще не получил. Признаться, мне было неловко писать тебе об этой истории. Но не мог сдержаться, так сильно я рассержен на него.

Что еще нового? Получил очень дружелюбное письмо от Оберштейнера. На его благосклонность, как ты его знаешь, я возлагаю некоторые надежды. Оберштейнер написал о своих намерениях и сообщил, что в Вене в научных кругах немало конфликтов и даже скандалов. Не знаю, насколько он объективен. Лично я всегда помню тех крупных ученых, которые сделали для меня немало доброго и полезного. Вполне возможно, что духовная атмосфера в научных кругах не так уж плоха, как изображают некоторые. Но, вообще, предусмотрительность и осторожность не помешают. Оберштейнеру необходимы некоторые данные о статусе здешнего общества врачей. Собственно, это и послужило поводом для его письма. Вероятно, уже сегодня вечером я смогу добыть нужные ему сведения.

Сейчас шесть часов, а в полдесятого я приглашен к Шарко. Боюсь, что сегодня я буду неважным собеседником. Подготовка к сегодняшнему визиту, естественно, уже не такая, как в первый раз. Микродоза кокаина, которую я беру с собой, надеюсь, сделает меня

[1] Речь идет о невостребованном от одного из венских издателей гонораре Фрейда за перевод работ Шарко по неврологии.

разговорчивее. Подробнее об этом визите я напишу тебе потом, а пока хочу сказать, что полностью согласен с твоей критикой относительно моей персоны. Ты знаешь, как редко добродетель помогает в жизни, иногда она даже бывает источником всяческих несчастий. И напротив, мелкие недостатки и даже ошибки помогают найти путь к счастью.

То, что ты пишешь о натуре Бернайсов, по-моему, верно. Но у меня нет причин сетовать на это. Склонности к преувеличениям, в чем ты так мило признаешься, я обязан своим счастьем, иначе мне никогда не хватило бы мужества завоевать тебя. Но ежели кто спросит меня: как бы я чувствовал себя, если бы моим переживаниям суждено было прерваться, то услышал бы, что вопреки всему — бедности, медленным успехам, малому везению, чрезмерной обидчивости, нервозности и заботам — я все-таки был счастлив. Исключительно благодаря надежде обладать тобою и уверенности, что я тоже любим. Я ведь всегда откровенен с тобою, не так ли? Я всегда стараюсь в любом человеке, в том числе и в женщине, разглядеть прежде всего лучшие стороны характера. Так же я отношусь и к людям другого поколения. Потому и пишу тебе так подробно, что итог наших взаимоотношений мне видится только один: быть всегда вместе. Я так долго томился, что понял наконец, что не желаю ничего иного, как только обладать тобою. И ты необходима мне такая, какая есть.

...Неужели правда, что внешне я выгляжу симпатичным? Откровенно говоря, мне кажется, что во мне есть нечто необычное, может быть, даже странное. Это, наверное, потому, что в молодости я был слишком серьезен, а в зрелые годы неспокоен. Было время, когда во мне говорили только любознательность и честолюбие. Я часто обижался на то, что природа, видимо, была не очень благосклонна ко мне, наградив обликом гения. Часто она случайно и щедро раздаривает людям печать гения. С тех пор, давно, знаю, что я — не гений, и сам не понимаю, почему так хочется стать им. Быть может, я даже не очень одарен. Однако некоторые особенности моей личности, черты характера предопределили способность к работе. Так что мои успехи объясняются отнюдь не выдающимся интеллектом. Но я уверен, что такое сочетание свойств

и качеств весьма плодотворно для медленного восхождения к истине. При благоприятных обстоятельствах я мог бы достигнуть даже бо́льших результатов, чем Нотнагель, и возможно, достичь высот Шарко. Это не значит, что я стану таким, как они, поскольку нет ни благоприятных обстоятельств, ни духовной мощи и энергии гения. Как же я сейчас болтлив!

Я хотел сказать совсем иное. А именно: объяснить истоки моего кажущегося высокомерия и замкнутости, особенно здесь, на чужбине, в Париже. Плохие или просто обычные люди порой обращались со мной так, что вызывали обоснованную недоверчивость. Правда, я утешался тем, что с коллегами или подчиненными у меня складывались в основном хорошие отношения. Иное дело, когда приходилось общаться с людьми, у которых были какие-нибудь преимущества по сравнению со мной. Вывод, который я сделал, таков: нужно быть независимым и сильным, чтобы уметь противостоять жизненным невзгодам.

Еще в школе я всегда был среди самых дерзких оппозиционеров и неизменно выступал в защиту какой-нибудь радикальной идеи. Как правило, готов был сполна платить за это, идти до конца. Мне часто казалось, что я унаследовал дух бунтарства и всю ту страсть, с которой наши древние предки отстаивали свой Храм, свою веру. Я мог бы с радостью пожертвовать своей жизнью ради великой цели. Учителя часто ругали меня. Но когда выяснилось, что я первый ученик в классе и сверстники оказывают мне всеобщее уважение, то перестали жаловаться на меня родителям.

А знаешь, что сказал Брейер однажды вечером? Я был так растроган, что поделился с ним тайной нашей помолвки. О многом мы говорили с ним в тот вечер. Между прочим, он сказал, что несмотря на мою застенчивость и даже робость, внутренне я решительный и бескомпромиссный человек. Признаться, я всегда верил в это, только не осмеливался ни с кем беседовать на подобные темы. И кроме того, я не могу достаточно полно выразить себя в слове или в стихотворении. И поэтому приходится сдерживать эту раскаленную страсть. Наверное, это видно по мне. Вот такое глупое признание вырвалось у меня, дорогое мое сокровище. И собственно, без всякого повода, если не

считать кокаина, который помогает мне расслабиться, выговориться. Но теперь я должен торопиться на званый обед. Завтра напишу тебе абсолютно правдиво, как провел вечер у Шарко. Ты каждый раз пишешь, что я интересный собеседник. Поэтому я напишу в Вену о Шарко то же самое, что и тебе. Правда всегда одна.

Сердечно приветствую тебя.

Твой Зигмунд.

Париж, среда, 3 февраля 1886 г., полпервого ночи

Сокровище мое!

Слава Богу, что все уже в прошлом, и немедленно сообщаю тебе мои впечатления об этом вечере. В своих предположениях я оказался прав. В гостях можно было лопнуть от скуки, если бы не крохотная доза кокаина. Все время думал о тебе.

Теперь о визите к Шарко. На сей раз в его гостеприимном доме я встретил сорок или пятьдесят человек, которых раньше уже видел три или четыре раза. Знакомиться было не с кем. Каждый развлекался как мог. У меня, естественно, не было никаких дел. У других, вероятно, тоже, но они, по крайней мере, свободно беседовали друг с другом. Я говорил хуже, чем обычно. Никто не заботился обо мне из числа тех, кто мог бы проявить внимание. Я вежливо поклонился мадам. Видимо, она не ждала от меня ничего интересного и сразу же сообщила, что ее супруг находится в другой комнате. Старик почти не двигался, преимущественно сидел на своем стуле и выглядел очень усталым. Он не позволил мне начать беседу о больных. Это был единственный случай, когда я имел возможность конфиденциально беседовать с ним по широкому кругу вопросов.

Мадемуазель появилась в греческом костюме и была очень мила. Твоей ревности я не дам никакого повода, поскольку сразу сообщаю, что при входе мадемуазель подала мне руку и больше не проронила ни единого слова.

Когда вечер уже близился к концу, мы с Жилем де ля Турет вдруг завели разговор на политические

темы. Он предсказывал яростную войну с Германией. Я высказывался в более миролюбивом духе, предположив, что и немцы, и австрийцы толком не знают, что думают в высших эшелонах власти. Вообще-то, подобные беседы действуют на меня мучительно и крайне неприятно по многим причинам. Но я решил вести себя сдержанно, подавить в себе проснувшийся германский дух.

В половине двенадцатого нас пригласили в столовую. Там было много напитков и кое-что съестное. Я выпил чашку шоколада. Не подумай, что я разочарован, от подобных приемов нельзя и ждать ничего другого. Я только твердо знаю, что мы с тобой ни в коем случае не будем устраивать такие торжества. Было просто невыразимо скучно. Но я часто с искренней благодарностью и признательностью вспоминаю о том первом вечере, проведенном в кругу семьи и коллег Шарко.

А теперь спокойной ночи, мое сокровище. Сердечно приветствую тебя.

Твой Зигмунд.

Берлин, среда, 10 марта 1886 г.

Мое драгоценное сокровище!

Что за удивительные вещи рассказываешь ты мне, какие интересные письма пишешь ты! Принимаю твой милый подарок и сердечно благодарю за серебряную змейку. А твои замечания по поводу того, как встретили телеграмму, нахожу просто блестящими.

Сегодняшний день я позволил себе провести так же скучно, как и вчерашний. До сих пор никаких приключений, никакого блеска, а ведь все это было в Париже. Спокойная работа, и только. Правда, я волнуюсь из-за перевода, так как боюсь не успеть завершить его своевременно. Хотя, очевидно, мое беспокойство безосновательно.

Сегодня перед обедом я собрался с силами, чтобы пойти в Королевский музей, где бегло осмотрел античные черепки с искренним сожалением, что ничего не смыслю в этом. С грустью я вспомнил о Лувре, который намного великолепнее и богаче по содержанию.

Самым интересным в Королевском музее были, конечно, Пергамские развалины, отображение знаменитой борьбы богов с титанами. Чрезвычайно живые сцены. Можно ведь, как обычно говорит мой коллега доктор Тюрхейм, не всегда ощущать себя только врачом.

Но гораздо больше, чем древние камни, мне нравятся дети. Они такие маленькие и такие чистенькие. И они нравятся мне гораздо больше, чем взрослые больные. Эти бедняжки действительно привлекательны, ведь их маленькие головки еще ничем не затуманены. И когда они страдают, это меня трогает до глубины души. Я полагаю, что быстро привыкну к больным детям. Еще пара месяцев подготовки ничего не значат, но из этого вовсе не следует, что моя безумная храбрость уже исчерпана. Официальная Вена уклоняется от ответственности, и притом более чем это можно считать допустимым. Я погрешу против собственных правил, которых строго придерживаюсь, и не буду мучить себя раздумьями о новой ситуации, пока не разберусь в ней по существу. К сожалению, я все еще ворошу прошлое. Нет, не буду ни о чем заботиться, пока своими глазами не увижу отвратительную башню св. Стефана. Но теперь я окончу этот сюжет и очень прошу тебя быть ко мне снисходительней, ведь я не могу посвящать тебя во все тайны детских болезней. Доктора Багинского я уже не считаю столь выдающимся человеком, чтобы возникла острая потребность подробно писать о нем.

Украдкой считаю дни, но ты не должна знать, какое число я уже отсчитал.

С сердечным приветом и поцелуем.

Твой Зигмунд.

Берлин, пятница, 19 марта 1886 г.

Мое сладкое сокровище!

Совершенно ничего нового, я злюсь, что нахожусь здесь, а не в пути к тебе. Незваная гостья Л. [1] пока не

[1] Л.— предположительно родственница Марты, визит которой в Берлин был объявлен заранее.

появилась, и я, говоря откровенно, опасаюсь ее внезапного приезда. Теперь я должен потеть еще одну неделю из-за нее. Но все-таки наступят прекрасные денечки, когда можно немного отдохнуть и расслабиться.

Я так трудолюбив, аккуратен, смел и рассудителен, что мне уже самому надоело быть таким примерным и потянуло действительно ко всяческим приключениям.

Что я тебе должен непременно сообщить, так это то, что получил письмо от Л. [1] из Бреслау. Он просит посетить его свояченицу, которая и мне приходится дальней родственницей. Это я уже выполнил. Хотя, откровенно говоря, мне очень дорого время, ведь я никогда не получал так много радости от работы, как теперь.

О Шарко остались дорогие, возвышенные воспоминания, по яркости почти такие же, как после десятидневного посещения тебя. Действительно, я пережил нечто прекрасное, и никто у меня не сможет это отнять.

С коллегами поддерживаю отношения достаточно корректные. Более всего ценю чувство собственного достоинства и компетентность.

Жаль, что не смогу здесь остаться на так называемые каникулярные курсы, которые начнутся двадцать второго.

Ах, моя маленькая возлюбленная, ты совершаешь одну небольшую ошибку, потому что не хочешь никакой встречи. Теперь я, как никогда, чувствую себя способным быть счастливым и огромную потребность счастья. Я останусь на несколько недель еще здесь, затем позабочусь о квартире в Вене, и весной мы поженимся. А потом мы будем вместе осмысливать и использовать все ценное, что приобрел я в командировках за эти семь месяцев.

Жаль утрачивать прекрасные мечты. Мне досадно от того, что все поцелуи, которые я мог бы дарить и получать завтра и послезавтра, остались лишь в грезах. Но подожди, если ты и в эти два дня останешься такой неприступной, плохой, я задержусь на более длительное время. Ведь обратный билет в Гамбург

---

[1] Предположительно Лихтхейм, профессор, зять Хаммершлага.

можно получить и через пять дней. Хотя мои ближайшие планы разрушены, все равно не хочу смириться со своей участью.

Интересно, почему ты так сильно измучилась? От кого получен букет? И по какому поводу? Может быть, от Гуго Кадиша [1], решившего миролюбиво завершить старые отношения с тобой?

В угрожающем ожидании высокого визита [2] ради формы я отпустил бороду на французский манер. Впрочем, мне здесь в общем и целом завидуют. Но теперь хочу подстричься и привести себя в порядок.

Правда, я отношусь с обоснованным недоверием ко всяким берлинским художествам, и в первую очередь к парикмахерам. В парикмахерской, что находится на улице Унтер ден Линден, где я расплачиваюсь рейхсмарками, парень, который выглядит как министр, относится ко мне очень плохо и своевольно.

В субботу или в воскресенье я с отчаяния пойду в театр. Заметь, с лютого отчаяния. В субботу даже библиотека закрыта. Работа над переводом стала для меня чудесным воскресным удовольствием. Но я уже настолько поглупел, что не могу найти точные слова, наилучшим образом перевести придаточные предложения и затрудняюсь, что лучше звучит по-немецки, а что — по-французски.

«В моей Франции все же было прекраснее» [3],— вздыхал я, как Мария Стюарт,— среди невропатологов.

Мне кажется, я бы умер во время путешествия, если бы должен был ехать из Парижа сразу в Вену. Но теперь я так далеко от французской столицы, что и Вена меня радует. Особенно когда вспоминаю Деблинг, тот район города, где я занимался в своей любимой библиотеке, завершая работу.

Знаешь, в эти дни я предельно отчетливо осознал именно то, что нам необходимы тысяча или две тысячи гульденов. Если в Вене все пойдет на лад и будет складываться по-человечески, то придется идти к людям, которые способны платить с процентами. Ну, естественно, не к ростовщикам. Где

[1] Гуго Кадиш — прежний жених Марты, друг ее отца.

[2] Фрейд шутливо отзывается о своей предстоящей поездке к Марте в Вандсбек в окрестности Гамбурга.

[3] Фрейд неточно цитирует «Дон Карлоса» Шиллера.

найти хоть наполовину бескорыстных капиталистов, которые могут дать денег взаймы под обычные проценты без конфискации человеческой головы и рук? Это серьезная проблема. Надо подумать о том, что может произойти, когда спустя месяцы — не сейчас, мои скудные тысяча гульденов израсходуются. Ну, это, вероятно, равнозначно какому-нибудь перевороту, когда человек, у которого сейчас нет никаких средств, позднее получит несколько тысяч гульденов. Признаюсь, иногда испытываю ужасный страх перед будущим.

15 июня 1886 года я приду с векселем, срок которого истек, приду за тобой, если это не случится ранее. Ты ведь тоже довольно твердо придерживаешься таких же намерений и готова их осуществить, моя малышка? Именно это предстоящее событие — наша свадьба — сейчас для меня важнее всех достижений стремительного века.

Ответь устно в конце месяца твоему Зигмунду.

Вена, вторник, 6 мая 1886 г.

Моя дорогая девочка!

Сердечное спасибо за твое милое письмо и за посылку, о которой ты сообщила заранее. Ее содержание я знал так уверенно, будто бы сам присутствовал при покупке. Ты знаешь, что мне всегда хотелось иметь, и я знаю, что ты это знаешь. Хотя ты оправдываешь свой подарок, моя дорогая, но это излишне. Мне очень стыдно, что я стал твоим должником, вместо того, чтобы делать подарки тебе!

Я уже в зрелом возрасте. Идет четвертый год нашей помолвки, а мы до сих пор точно не знаем, когда осуществится желанное событие, о котором мы так часто мечтали. Но как бы мы ни отдалялись от цели, мы все-таки не растеряли уверенности.

Через несколько недель мои деньги кончатся (я уже не раз выходил из такого положения), и еще неизвестно, смогу ли я остаться в Вене. Очень хочу надеяться, что ближайший день рождения будет таким, каким ты его описываешь, что ты разбудишь меня поцелуем и мне уже не придется ждать от тебя письма. Мне было

бы совершенно все равно, где это произойдет — в Австралии или где-нибудь еще. Но я не могу больше жить без тебя. Я способен перенести много забот, выдержать все трудности, если не буду одинок. Откровенно говоря, моя надежда удержаться в Вене очень мала.

Продолжаю писать тебе вечером, мое сокровище. У меня в кабинете два старых пациента от Брейера и больше никого. Я взял себе за правило принимать пять человек в кабинете. Причем двух — на электролечение, одного обязательно бесплатно, какого-нибудь бродягу.

...Дома отпраздновали мой день рождения очень тепло. Паули и Долфи расцеловали меня и подарили красивый букет, а мама приготовила мое любимое сладкое печенье. Роза подарила красивые бумажные рамки для письменного стола, а Минна — большую картину. Получил письменные поздравления от Вилленца, Шанна, Киненбергера и дяди Элиаса. Дома меня чествовали, как короля. Я очень благодарен всем за внимание, так что даже немного устал, и сейчас иду спать.

Работа в лаборатории доставляет мне много удовольствия. Правда, времени не хватает. Но у меня возникла одна терапевтическая идея, которую в ближайшее время нужно осуществить. Неясно, однако, окажется ли она столь же плодотворной, как та, о которой я писал в журнале «Кока».

Спокойной ночи, моя девочка.

Твой Зигмунд.

Маме и Минне я завтра напишу специально.

Вена, 13 мая 1886 г.

Мое любимое сокровище!

Не могу больше писать в кабинете, там слишком жарко. У меня здесь толпится много людей, и я едва выдерживаю такое сильное напряжение до трех часов. Заработок не так уж велик, но больных, которых я лечу, очень много. А это требует прежде всего времени и внимания.

Фрау профессор М., доставлявшая мне много хлопот своим ишиазом, почти поправилась. Кроме нее раз в неделю приходят лечиться два полицейских чиновника. Сегодня, например, я заработал восемь гульденов, да еще пять гульденов прислала фрау доктор К., получившая у меня, по рекомендации Брейера, все, чем можно помочь ее мужу. По моим наблюдениям, заработок и деятельность врача не всегда соответствуют друг другу. Иногда получаешь деньги почти даром, а мучиться за ничтожные гроши приходится где-либо в другом месте. Например, пришел ко мне позавчера один американский врач, у которого обнаружилось серьезное нервное заболевание. Этот сложный случай меня так заинтересовал, что я взялся без всякой платы лечить его. Толчком к заболеванию послужили разнообразные осложнения в его взаимоотношениях с одной прекрасной дамой. Эту даму я тоже лечу. Из-за нее завтра иду к профессору гинекологии Хробаку.

Поверь, я слишком устал, чтобы подробно описывать тебе вещи столь деликатного свойства. Но скажу откровенно, мне стало жутко, когда во время визита этой дамы вдруг дважды упал твой портрет, который обычно стоял на моем письменном столе. Я не хотел бы впредь встречаться с подобными случайностями. Если это — некое предостережение, то я нисколько не нуждаюсь в нем.

Врач должен экономить деньги. Я берегу каждый гульден. Вчера пришлось отправиться к одному заболевшему знакомому на Штатгутгассе, конечно, никаких денег за лечение я не взял. Но потерял два часа, так как не мог поймать такси, чтоб добраться домой. Сегодня вновь повторилась та же история. А когда, усталый, я пришел домой, то вскоре надо было торопиться на прием больных. Конечно, я взял такси. Обошлось недешево: та сумма, которую скопил в течение трех дней на ужин, ушла на транспортные расходы.

Во вторник выступил с докладом о гипнотизме в Психологическом клубе. Встретили хорошо и даже аплодировали. Сегодня я объявил заранее, что тот же самый доклад состоится через четырнадцать дней в Объединении психиатров, а в Обществе врачей в ближайшие три недели я выступлю с другим сообщением о моей парижской стажировке.

Борьба с официальной Веной продолжается как

нельзя лучше, и если бы ты была здесь, я мог бы. поцеловав тебя, сказать, что не потерял надежду назвать тебя через шесть месяцев своей женой.

Надеюсь, мне выделят еще один кабинет для приема бесплатных пациентов и для более эффективного электролечения. Насколько я могу судить по некоторым признакам, мои позиции в этом плане достаточно сильные.

Спокойной ночи, мое дорогое сокровище.

Твой Зигмунд.

Что ты думаешь о нашем коллективном подарке для мамы?

СОДЕРЖАНИЕ

Фрейд Зигмунд

Ф86 Письма к невесте / Пер. с нем., вступ. ст. и прим. С. В. Лайне.— М.: Моск. рабочий, 1994.— 142 с.

В письмах, отправленных Зигмундом Фрейдом из Вены, Парижа и Берлина своей возлюбленной Марте Бернайс за четыре года — от помолвки до свадьбы (1882—1886),— будущий великий ученый и мыслитель предстает истинным поэтом. Его письма к невесте, впервые переведенные на русский язык, исполнены нежности, любви и благородства.

В этой переписке — философские раздумья о жизни и смерти, о тайне человеческого бытия и загадках человеческой психики, многие из которых Фрейд исследует и объяснит миру.

Книга иллюстрирована фотографиями из семейного архива Фрейда и фотоархива Австрийской национальной библиотеки.

Ф $\frac{4703010100—60}{М172(03)—94}$ 160—93 **ББК 87.3**

Зигмунд Фрейд

ПИСЬМА К НЕВЕСТЕ

Редактор *В. Акопян*
Художник *М. Кудрявцева*
Художественный редактор *А. Данилин*
Технические редакторы *Г. Романова, Е. Молодова*
Корректоры *З. Кулемина, Л. Царская*

Лицензия № 010184 от 05.02 92 г
Сдано в набор 7.04.93. Подписано к печати 10.11.93. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$ Бумага тип № 2
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт 9,03 Уч.-изд л 7,68
Заказ 3586. Тираж 10000 экз.

Издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Зигмунд
ФРЕЙД

ПИСЬМА
К НЕВЕСТЕ

Сокровище мое, не представляю, кем бы я стал, если бы не нашел тебя: без честолюбия, без многих радостей в мире и наслаждений, украшающих жизнь, без твоего неповторимого очарования,— с умеренными духовными потребностями и совершенно без материальных средств. Более того, я хранил бы эти скудные средства, как убогий или обреченный. Ты даешь мне не только цель и направление, но и так много счастья, что я уже не могу довольствоваться своим скудным настоящим.

Ты даешь мне надежду и уверенность в успехе. Я понимал это, когда ты еще не любила меня, и тем более знаю теперь, когда ты любишь меня. Благодаря тебе я стал уверенным в себе смелым мужчиной.

Марта, мое дорогое сокровище, наше счастье всецело зависит от нашей любви. Говорю это... потому что сознаю ничтожность всех других стремлений по сравнению с горячим желанием быть всегда с тобой. Ты мила и дорога моему сердцу.

Вена. 9 сентября 1883 г.